На правах рукописи

И. Елизаровский

РУССКАЯ РЕЧЬ XI—XIX вв.

Сжатое изложение лекций по истории русского литературного языка, читанных студентам Архангельского педагогического института и учителям-заочникам в 1936 г.

Издание ИПККНО

Архангельск

1937

99

И. Елизаровский

Многоуважаемому П. Б. Бархину
28/V 1937 Автор.

Русская речь XI--XIX вв.

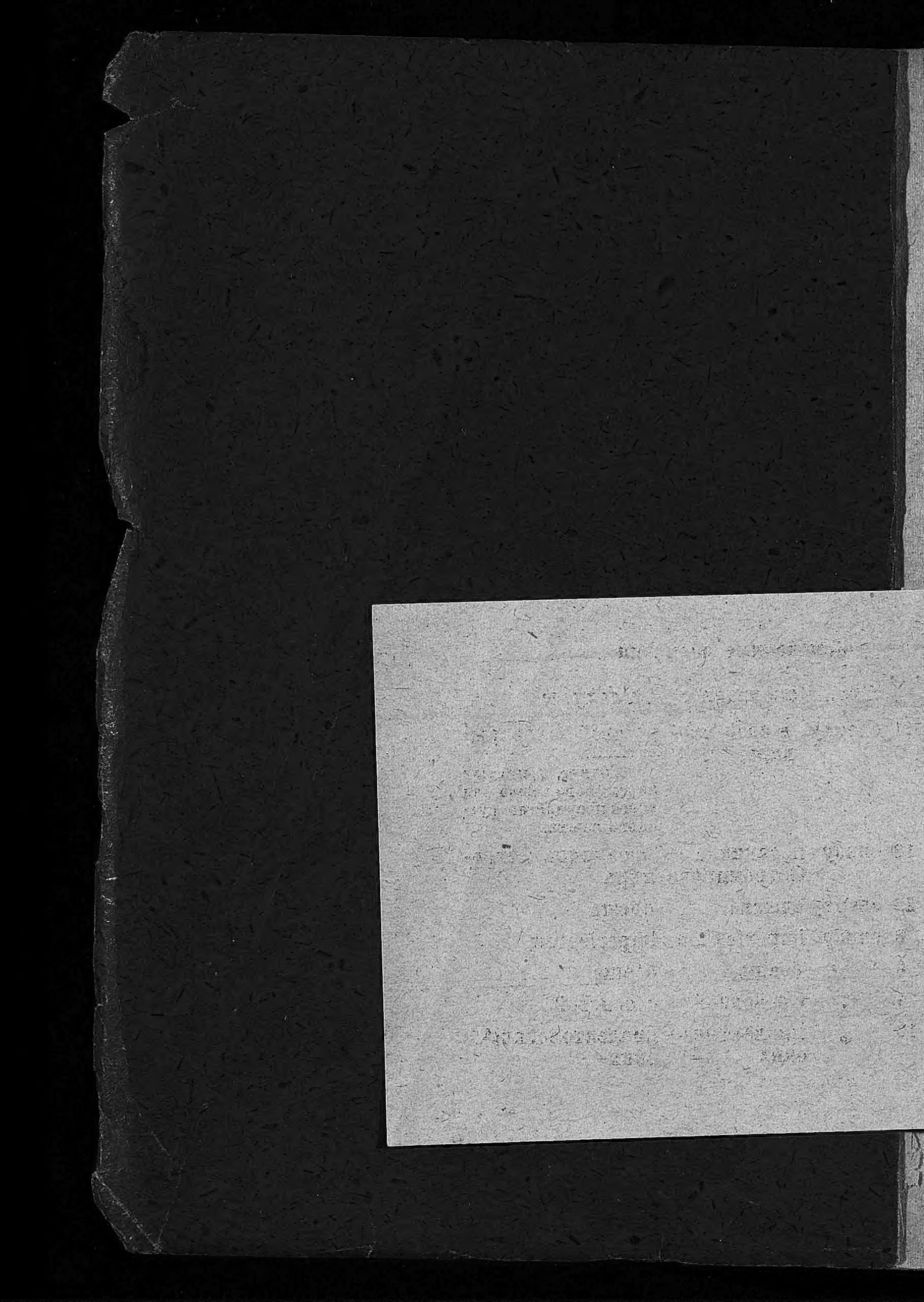
Сжатое изложение лекций по истории русского литературного языка, читанных студентам Архангельского педагогического института и учителям-заочникам в 1936 г.

Замеченные опечатки

Стран.	Стр.	Напечатано:	Следует:
6	11 сверху	в свой словарь,	в свой словарь,[1] [1] Точнее, принятых из русского языка или через посредство русского языка.
11	18 снизу	посадника Остромирова	посадника Остромира
33	22 сверху	одеждa	одежа
44	8 снизу	imperfestum	imperfectum
46	6 „	беаще	беаше
47	4 „	с основной	с основой
51	13 „	диалектических	диалектологических

1937

И

И. Елизаровский

Многоуважаемому П. Б. Бархину.

28/VI 1937 Автор.

Русская речь XI--XIX вв.

Сжатое изложение лекций по истории русского литературного языка, читанных студентам Архангельского педагогического института и учителям-заочникам в 1936 г.

Издание ИПККНО

Архангельск

1937

Введение

1. Общие замечания к теме

Наши старые историки русского языка ставили своей задачей изучение изменений языка во времени. С этой целью они брали явления языка, главным образом письменного, и разносили их по историческим эпохам, т. е. ограничивались констатированием фактов. Вопроса же о причинности языковых изменений они почти не касались или если и касались, то давали объяснения недостаточные или даже неверные. Так А. И. Соболевский, этот самый выдающийся знаток древне-русских письменных памятников, наличие изменений в истории языка объясняет теорией о недостаточном усвоении детьми речи родителей. По этому вопросу он писал в 1907 г. так: „Причины звуковых изменений в языке мало ясны. Наблюдаемая разница языка у старшего поколения в селе, с одной стороны, и младшего, с другой,—позволяет догадываться, что большая часть изменений происходит при усвоении детьми речи родителей. Как известно, дети лишь постепенно усваивают родительскую речь и то не все. Часть детей превращается во взрослых, удерживая большее или меньшее количество особенностей детского произношения (картавят, шепелявят и т. п.). Если в селе все дети близкого возраста, постоянно общаясь между собой, усваивают одну и ту же звуковую особенность и потом, выросши, сохраняют ее и передают следующему поколению, то получается звуковое изменение в языке данного села". (Лекции, введение, изд. 1907 г., 4 стр.)

Эти слова показывают, что действительная причина изменений для Соболевского неясна, но, вероятнее всего, по его мнению, тут виноваты дети: они мол, неверно усвоили речь от старших и сами неверное произношение передали своим детям. Соболевский не понимал того, что язык создается трудовым коллективом общества и представляет собою идеологическую надстройку, в своем развитии зависящую от социально-экономического базиса и взаимодействия других надстроек. Не знал он также, да, впро-

чем, и не мог знать в 1907 г. результатов исследований Н. М. Каринского о фактах и причинах изменений в говорах крестьян. Н. М. Каринский на многочисленных примерах доказал, что фонетические изменения в говорах крестьян б. Тульской губернии зависят от взаимоотношений социально-производственных групп населения. Для большей убедительности к сказанному приведу примеры из статьи Каринского „За историзм науки о языке". Здесь он пишет: „Тверские кузнецы Васильевского района, окруженные акающими говорами с трех сторон, сохраняют в продолжение 300 лет цоканье и оканье. Их производство требует подготовленных работниц в кузницу, и они брали их почти исключительно из своего цокающего кузнечного района. Характер производства заставляет эту группу замыкаться даже в отношении подбора работниц семьи. Отсюда их языковой консерватизм". Еще пример: „Различие в языке полов в Борках под Рязанью определяется различием хозяйственного положения производственных групп, к которым принадлежат мужчины и женщины. Женщины, кроме домашней работы,—в большом числе кружевницы и, следовательно, имея тесное общение при коллективной работе, разобщены с группой мужчин больше, чем в других деревнях. Большая часть мужчин на заработках на станции, на пристани и пр. Язык женщин сохраняет остатки древнего говора. Язык же мужчин представляет оригинальное смешение говора своего родного села с речью города". Так Н. М. Каринский на ряде конкретных примеров из русской диалектологии показывает ту ныне общеизвестную истину, что изменения в языке обусловлены экономическими предпосылками и социально-производственными взаимоотношениями групп населения.

С приведенными выше взглядами А. И. Соболевского на задачи истории языка мы согласиться не можем. Вместо простого констатирования фактов языка в хронологической перспективе, мы выдвигаем иное понимание целей истории языка, а именно: история языка, как и всякая историческая наука, имеет своей задачей не только изучение основных этапов развития русского языка, но и показ общественно-экономической обусловленности этих этапов в обстановке классовой борьбы.

Далее, Соболевский, Богородицкий, Будде и др. в своих лекциях по истории русского языка обычно излагали только историю звуков и форм, т. е. фонетику и морфологию. Что же касается синтаксиса и семантики, то эти отделы в прежних трудах почти не освещались. Все это у названных историков происходило по той причине, что они

отрывали форму от содержания: они изучали форму постолько, поскольку она проявляется в письменных памятниках, и забывали о том, что форма едина с содержанием. Нам же необходимо попытаться изучать явления русского языка в единстве значения и формы. Нам нужно научиться рассматривать факты языка в процессе их развития, в динамике, помня, что каждый этап жизни языка содержит в себе элементы предшествующего этапа и творит зародыши последующего.

Еще далее, буржуазные ученые смотрели на русский язык, как на „замкнутую монаду". Они утверждали, что русский язык самобытен, что он развивается исключительно по своим внутренним, прирожденным именно ему, русскому языку, законам, независимо от экономической и общественно-политической жизни трудящихся масс. Такая точка зрения на развитие языка порочна, ибо она истинное, объективно-историческое самодвижение языка подменяет простым эволюционизмом, не знающим никаких скачков, никаких перерывов в постепенности. Значит, развитие русского языка у них сводится исключительно к количественным изменениям. Между тем В. И. Ленин учил, что развитие языка совершается диалектически, революционно, скачками. В своем труде „К вопросу о диалектике" он писал: „В любом предложении можно (и должно), как в ячейке (клеточке), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека свойственна диалектика" („Философские тетради", изд. 1936 г., 327 стр.). В другом месте того же своего труда Ленин учил, как совершается развитие. Он писал: „Развитие есть „борьба" противоположностей. Две основные... концепции развития суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект etc). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника „само" движения. Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к „самодвижению" всего сущего; только она дает ключ к „скачкам", к „перерыву постепенности", к „превращению в противоположность", к уничтожению старого и возникновению нового". („Философские тетради", изд. 1936 г., 325—326 стр.). Все сказанное Лениным о диалектике „всего сущего", конечно, относится и к языку. Это во-первых. Во-вторых,

теория о замкнутости языка порочна еще и потому, что она отрицает взаимодействие языков друг на друга. Марксистское языкознание свидетельствует о том, что все языки мира развиваются по одним и тем же языкотворческим законам и что соседние языки влияют друг на друга взаимно. Так, например, история русского языка дает доказательства взаимодействия русского языка на карельский язык и обратно — карельского языка на русский в области лексики. В поэме „Калевала", изданной на карельском языке в 1935 г., находим ряд русских слов, принятых карелами в свой словарь, например:

Из русского языка	в „Калевале"
1. кушак	kussakka
кудри	kutrit
верста	virsta
завертка	saverko
5. кафтан	kauhtana
дума	tuuma
удалый	utala
топор	tappara
старина, былина	tarina
10. род	rotu
казак, батрак	kasakka
карман	kormano
лад	lautu
каблук	kaplukka
15. деньги	tenka
и т. д.	

Но рядом с этим было влияние и обратное: карельского языка на беломорский говор русского языка, хотя и в меньшей степени. Так, с карельского языка перешли в русский лексикон слова:

вица — тонкий прут
варака — гора, нагорье
луда — подводные камни, каменистая коса в реке.
мянда — редкослойное дерево и пр.
салма — пролив
шалга — место для рубки дров.

Наконец, те же учёные по вопросу о развитии русского языка стояли на точке зрения Шлейхера. Они думали, что человеческий язык идет от единства к множеству и что, в частности, русский язык растет по типу родословного дерева: сперва, мол, существовал единый русский праязык, потом он распался на наречия, наре-

чия, в свою очередь, дробятся на говоры и т. д. Эта теория неверна. Теперь мы знаем, что человеческий язык движется в своем развитии не в сторону дифференциации, а, наоборот, в сторону унификации. Ф. Энгельс в своем трактате „О происхождении семьи, частной собственности и государства“ писал, что путь образования нации идет от развития производственных коллективов дородового общества к образованию матриархата, потом—патриархата, далее—к образованию племен, из племен—союза племен и, наконец, из союза племен—нации. Далее, в „Немецкой идеологии“ К. Маркс и Энгельс учили, что развитие национальных культур идет в сторону их объединения в общую мировую социалистическую культуру. Оба эти высказывания Ф. Энгельса и К. Маркса о движении национальной культуры приложимы и к языку. Язык, как и нация, тоже историческая категория и создается, в качестве идеологической надстройки, трудовым человечеством в процессе его культурного и общественного роста. Академик Н. Я. Марр—после изучения многочисленных лингвистических материалов—установил, что „путь человеческой речи идет от многоязычия к единому языку“. И. В. Сталин еще более уточнил этот вывод: „Я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем то новым“. [1] Наш русский язык из общих норм единого глоттогонического процесса—не исключение: значит, и он в своем самодвижении переживает процесс не раздробления, а схождения. В фактах диалектов языка мы видим процесс объединения, унификации.

2. Источник для истории русского языка

Источники для истории русского языка можно разделить на три разряда, а именно: живые говоры современного русского языка, книги и грамоты древнейшей письменности и свидетельства современников древности.

Живые говоры современного русского языка

Русский язык, живущий в устах рабочих, колхозников, кустарей и пр., на территории СССР далеко не однороден. В разных районах Союза он имеет много различий как в фонетике и морфологии, так и в синтаксисе и семан-

[1] Сталин. — Марксизм и национальный вопрос, 1934 г. 197 стр.

тике. Совокупность особенностей языка какой-нибудь местности или профессии называется говором, или по-иностранному—диалектом. Современные русские говоры принято делить на две группы: северные, или окающие, и южные, или акающие.

Северные говоры бытуют в северных и приволжских районах Европейской части СССР и в Сибири. Главнейшими отличительными особенностями северных говоров являются следующие:

1. Оканье. Оканьем называется особенность языка, которая заключается в ясном выговоре неударенного звука О и произношении Е как О. В литературном языке звук О произносится отчетливо только в слоге под ударением: мост, лошадь, стол. Безударное же О произносится почти как А: Масква, даска. Но северные жители ясно произносят звук О и Е как О и в тех случаях, когда на него ударение не падает: Москва, доска, роботать, нёсла, привёс, морё. На этом основании про русских северян говорят, что они окают, и говор их называют окающим.

2. Звук Е в ударенном слоге довольно часто произносится, как И: звирь, сивер, медвить (медведь), вмистях, замитить (заметить), стинь (тень), на синях (в сенях) и т д.

3. Звуки Ц и Ч произносятся мягко и смешиваются один с другим: риць (речь), туця (туча), руцей (ручей), цигун (чугун). Такое смешивание Ц с Ч характерно для районов: Архангельского, В.-Тоемского, Черевковского, Тотемского, Шенкурского, Пинежского, Мезенского.

4. Звук Г произносится на севере, как взрывной: город, порог. В конце слова он обычно переходит в глухой К: пирок (пирог), порок (порог).

5. Форма родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода имен прилагательных и местоимений оканчивается на ВО: красново, синево, ево, тово, твоево.

6. Окончание 3-го лица единственного и множественного чисел от глаголов настоящего времени имеет Т твердое: идет, идут, несет, несут, ведет, ведут. В некоторых говорах Т отпадает: иде, несе, веде. Кроме того, в некоторых местностях в глагольном окончании 3-го лица настоящего времени наблюдается выпадение звука Е: играт, думат, вместо: играет, думает.

Южнорусские говоры имеют следующие отличительные черты:

1. Аканье. Аканьем называется особенность языка, состоящая в произношении неударяемого звука О, как А: вада, Масква, даска, акно, харашо. Говоры, в которых не

ударенное О произносится как А, называются акающими, и про южноруссов говорят, что они акают.

2. Звук Е, если на него не падает ударение, произносится как Я или даже как И. Так вместо слов: перо, река, несу, везу, меня—говорят: пяро, ряка, нясу, вязу, или как: пиро, рика, нису, визу, миня.

3. Звук Г произносится в акающих говорах, как длительный: благо, другой.

4. Звуки В и У в некоторых районах смешиваются: узял, вкрал—вместо: взял, украл.

5. Форма родительного падежа единственного числа мужского и среднего рода имен прилагательных и местоимений оканчиваются во многих южно-русских говорах на ГО, ГА: добрага, синяга. Но в ряде других говоров эти же формы слышатся как ВО, ВА: добраво, синева.

6. Окончание 3-го лица единственного и множественного чисел глаголов имеет на конце ТЬ: несеть, идеть:

Примечание. Кроме знакомства с диалектами современного русского языка, историку русского языка полезно усвоить основные особенности соседних нам языков, например: украинского, коми, польского и др.

Книги и грамоты древнейшей письменности

Книги и грамоты древнейшей русской письменности как документы в большинстве своем религиозные и церковные, имеют сравнительно небольшое значение для истории языка по трем причинам. Во-первых, книги и грамоты, исключая несколько договоров с греками, появились на Руси только в XI веке, между тем как данные современных живых говоров в ряде случаев позволяют проникать в гораздо более отдаленные от нас времена. Во-вторых, показания рукописных памятников скудны: в письменности отразились не все тогдашние говоры. Особенности живых диалектов XI века с трудом проникали в письменный язык, бывший тогда языком господствующего класса и по происхождению древне-болгарский. По приходе на Русь этот язык стал языком русского господствующего класса и школой переписчиков тщательно оберегался от вторжения в него живых элементов местного языка. Мы знаем, что ранние русские писцы смотрели на свое занятие, как на „душеспасительное дело“ и потому, переписывая книги, из уважения к религиозному содержанию, старались сохранить не только текст подлинника, но и орфографию. Но тем не менее, списывая с оригинала, они невольно вносили черты русского языка. В третьих, свидетельства памятников не отражают или, в луч-

шем случае, недостаточно отражают современную им языковую действительность, так как болгарский алфавит не был приспособлен к точной передаче звуков русского языка XI века.

Памятники киевского письма по своему языку можно разделить на две группы: а) памятники, написанные на древне-болгарском или, иначе сказать, на древнем церковно-славянском языке, в котором изредка пробиваются черты господствующего диалекта русского языка, и б) памятники, написанные на разговорном русском языке, так называемом канцелярском, деловом языке. К первой группе относятся, главным образом, книги религиозного содержания: евангелия, апостолы, псалтыри, минеи, прологи, жития святых, нотные книги и проч. За период времени с XI до XV веков, по подсчету А. И. Соболевского, перечисленных книг до нас дошло более 500. К второй группе, наоборот, принадлежат памятники светского характера, а именно: исторические, юридические, художественные, публицистические, бытовые и проч. В частности: летописи сохранились в следующих наиболее древних рукописях: в Лаврентьевском летописном своде 1377 г. (сюда входят летописи: Несторова, киевская, суздальская) и в синодальном списке первой половины XIV в. (Новгородская). Из юридических памятников—„Русская правда" от XIII века. Грамот сохранилось около 150.

Во времени древние письменные памятники располагаются так:

XI век. Остромирово евангелие, написанное в 1056—1057 гг. диаконом Григорием для новгородского посадника Остромира; два Сборника Святослава, написанных для князя Святослава, один в 1073 г., а второй в 1076 г.; Архангельское евангелие 1092 г., названное так потому, что найдено в б. Архангельской губернии; три новгородских минеи 1095, 1096 и 1097 годов.

К этому же веку относятся несколько надписей на монетах Владимира св., Святополка и Ярослава I и одна на Тмутороканском камне 1068 года.

XII век. Мстиславово евангелие 1115 г., написанное для Мстислава, сына Владимира Мономаха; Юрьевское евангелие 1120 г., писанное для новгородского Юрьева монастыря; два новгородских Стихираря 1157 и 1163 годов.

Из грамот к XII столетию относятся: Мстиславова грамота 1130 г., вкладная Варлаама Хутынского 1192 г.; кроме того сохранились надписи: на Стерженском кресте (в Новгороде) 1130 г., на чаре, кажется, Владимира Давидовича, около 1151 г., на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г., на фресках Кириллова монастыря в Киеве.

XIII в е к. Новгородское Милятино евангелие 1215 г., житие Нифонта 1219 г.; ростовский апостол 1220 г.; новгородская триодь около 1226 г.; новгородский пролог 1262 г.; псалтырь 1296 г. и проч.

Из грамот к этому веку относятся: договорная запись смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом 1229 г.; договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославовичем 1264—1265 годов.

XIV в е к. Два псковских апостола 1307, 1312 гг.; новгородская триодь 1311 г.; московское евангелие 1339 г.; евангелие 1358 г. и т. д.

К этому же столетию относится Синодальный список Новгородской летописи; Хронограф Георгия Амартола и пр.

Из грамот XIV в. отметим: духовная Ивана Калиты около 1327—1328 гг., к концу этого века ряд Северо-Двинских грамот и т. д.

Остромирово евангелие. Это пергаментная рукопись — книга, размером около 40×35 сантиметров и объемом 294 листа. На трех листах помещены изображения трех евангелистов (Иоанна, Луки, Марка) и два листа оставлены совсем чистыми. Как упомянутые три миниатюры, так и многочисленные заставки выполнены в стиле византийского искусства весьма художественно.

Текст этого памятника писан в два столбца, по 18 строк крупного устава в каждом; заголовки недельных чтений исполнены средним уставом и приписка после текста — мелким уставом.

Согласно послесловию, Остромирово евангелие написано в Новгороде в 1056—1067 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромирова, по имени которого и было названо А. Х. Востоковым „Остромировым евангелием". Художественное оформление книги (орнамент, заставки, миниатюры), а также и часть копировки текста, по заключению профессора Н. М. Каринского, принадлежит не дьякону Григорию, а какому-то художнику, специалисту-орнаментатору.

Но новгородское происхождение диакона Григория и писанного им евангелия в нашей науке подвергнуто сомнению. Историки русского языка, знатоки древнейших киевских и новгородских рукописей, обратили внимание на то, что в Остромировом евангелии, несмотря на его очень большой текст, не вкралось ни одной специфически новгородской черты. Это во-первых. Во-вторых, все действительно новгородские рукописи исполнены совсем иным уставным почерком, не только менее крупным, но и менее тщательным. Разница в характере новгородской и киевской графики резко бросается в глаза, если сравнить письмо

новгородской минеи 1095—1097 гг. с письмом Остромирова евангелия. Возможно полагать, что диакон Григорий и его помощник-орнаментатор и переписчик части евангельского текста — по своему происхождению оба не новгородцы. Всего вероятнее, они — киевляне, и Остромирово евангелие, по сути дела, памятник киевского письма, хотя он (памятник) и выполнялся для новгородского посадника Остромира.

Оригиналом для списывания евангельского содержания, повидимому, служила рукопись болгарского происхождения, всего вероятнее, македонского. При копировании евангелия диакон Григорий, а также и его помощник, были проникнуты пламенным желанием сохранить в полной точности содержание книги и даже его орфографию, но, с другой стороны, они были убеждены в том, что некоторые буквы тождественны между собой и потому допускали их различные начертания. Так, они смешивали следующие буквы:

юс большой с оу

юс большой йотов. с ю.

юс малый с я.

Сведения о языке Остромирова евангелия можно получить в трудах и замечаниях М. Козловского, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. М. Каринского, В. Щепкина.

Сборник Святослава 1073 г. Этот памятник писан на пергаменте, уставным почерком, и заключает в себе 266 листов. На первом листе нарисовано художественное изображение князя Святослава Ярославовича, с его женою и детьми. На обороте 263 листа имеется приписка: „В лето 6581 написа Иоанн диак изборник... великому князю Святославу". Но, согласно мнению С. Шевырева, этот сборник был написан не для Святослава, а для князя Изяслава. Основания для такой догадки были следующие. В вышеуказанной приписке, начиная от слов „Иоанн" и кончая словом „Святославу", вся фраза писана по подскобленному пергаменту. Наличие несомненной подчистки дало Шевыреву основание думать, что Сборник был сначала адресован не Святославу, а кому-то другому. Скоро догадка его подтвердилась. В книгохранилище Белозерского монастыря Шевырев нашел такой список, в котором соответствующие слова интересующей его приписки читаются так: „Великий в царех Симеон" и далее все похвалы за книголюбие относятся к болгарскому царю Симеону. После этого стало ясно, что русский писец, дьяк Иоанн, скопировал приписку болгарского переводчика, заменив лишь имена, в частности имя Симеона именем киевского князя. Но так как великим князем в 1073 г.

был сначала Изяслав, а потом победивший его Святослав, имя которого писано по подчистке, то очень правдоподобна догадка Шевырева о том, что русская рукопись первоначально была написана для Изяслава и лишь позднее переадресована Святославу (Горский и Невоструев).

Сведения о языке Сборника Святослава см. у Розенфельда (Ф. В., 1899 г.).

Грамота вел. кн. Мстислава Володимировича Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. Это древнейшая из русских грамот, сохранившихся в подлиннике. Она написана на пергаменте, размером около 25 X 20 сантиметров. Чернила золотые, строчки прямые и правильные, так как писаны по линейкам, довольно резко надавленным, видимо, костяным ножом. При грамоте сохранилась серебряная печать, с позолотой.

Вкладная грамота старца Варлаама Хутынскому монастырю 1192 г. Эта грамота написана на пергаменте. Время написания ее определяется известием Новгородской летописи под 6700 г.: „Въ то же лето постави цьрковь на Хоутине Варламъ чьрнець, а мирьскымь именьмь Алекса Михалевиць“.

Лаврентьевский список Повести временных лет 1377 г. Эта пергаментная рукопись, в четвертку, на 173 листах, писанная разными почерками. До 40 листа она писана в сплошную строку, уставом, а с 41-го в два столбца, полууставом.

Этот список назван „Лаврентьевским“ по имени писца, сделавшего следующую приписку: „Аз хоудыи недостоиныи и многогрешныи рабъ божии Лаврентии мнихъ“.

Свидетельства иностранцев

Для историка языка полезно также обратить внимание на свидетельства иностранных писателей о славянах вообще и о России в частности. Эти свидетельства иногда дают историкам материал для выводов о языке, современном этим свидетельствам, например: об отдельных словах, собственных именах, терминах и проч.

Согласно скудным записям иностранцев, славяне на исторической арене появились поздно. Самые древние упоминания о них исходят от греческого историка Геродота, жившего в 484—425 гг. до нашей эры. Геродот в своей истории писал, что на севере от скифов, занимавших низовья Днестра, Буга, Днепра и Дона, жили племена не скифские. Одно из этих племен он назвал „невры“. Если это греческое имя передать славянскими звуками,

то получится „нуры“, имя племен, обитавших по Бугу, Нурцу и Нареву, в земле, которая много позже в польской науке стала известна под именем Нурской территории. Надо полагать, что невры, или нуры были славяне, так как в этом месте „искони было славянское население“. Славянами же были „будины“, которых Геродот называет голубоглазыми и помещает в соседстве с нурами, причем отмечает, что территория нуров простиралась „до лесистой страны, богатой выдрами и бобрами“. Эта страна — по реке Припяти, притоку Днепра, где также „искони жили славяне“.

Более ясные известия о славянах появляются значительно позднее, именно: в первом столетии нашей эры, когда римляне прочно утвердились в Германии и узнали через германцев о существовании славян. Ранее латинское указание на славян мы имеем от Плиния Старшего (умер в 79 г.), который писал, что по правую сторону Вислы живут разные народы, и в их числе „венеты“. О тех же венетах несколько времени спустя упоминает и Тацит. После Тацита имя славян упоминают многие писатели классического мира, например: Клавдий, Птоломей и др.

Самое слово „венеты“ показывает, что первоначальные сведения о славянах древние историки получили от германцев, которые „венетами“ или „вендами“ называли своих восточных соседей. Еще и теперь германцы называют вендами славянское население в Лужицах, вендами же называют славян, живущих в Хорутании, Крайне и Истрии. Под именем вендов известны также и прибалтийские славяне. Некоторые историки называли славян „антами и склавинами“ (Йорнанд VI). Сами себя славяне называли „славяне“ или „словене“.

Несколько более поздние свидетельства идут от арабских писателей IX в. и от византийского императора Константина Багрянородного от конца X в. Арабские историки сообщили некоторые сведения о бытовых особенностях славян и об их торговле с востоком. Так, они в живых картинах оставили нам описание погребения богатого русса, русского купца, торгующего челядью на Волге и дальше на востоке и бытовую зарисовку умывания семьи из одного таза. Константин Багрянородный, рассказывая о поездках русских князей на „полюдье“, называет имена русских племен, названия городов, днепровских порогов и т. д. Позднее имеются свидетельства западных писателей.

Материал, заключающийся в записях иностранцев, очень скуден и по качеству уступает сведениям, получаемым из собственно русских письменных источников. Кроме того, этот материал очень неточен, потому что рус-

ские слова иностранными писателями в их произношении очень сильно изменяют свой звуковой состав. Так, например, Константин Багрянородный наименования порогов Днепра Неясыть и Вольный праг передал в своей огласовке: Неасит и Вульнипрах.

3. Проблема образования восточно-славянских языков и их связи с инославянскими языками

Все языки земного шара, согласно выводам академика Н. Я. Марра, развиваются стадиально, скачками и по одним и тем же языкотворческим законам. Русский язык, разумеется, исключения из единого глоттогонического процесса не представляет. Он подвержен действию тех же закономерностей, что и все остальные языки мира.

Было время, когда не только в Восточной Европе, но и нигде на нашей планете не существовало ни русского, ни славянского, ни финского языков. Первоначально появился язык ручной. Его создала какая-то первобытная трудовая группа. Намек на факт переживания нашими отдаленными предками кинетического языка можно видеть в таких словах, как „указать“, „показать“. Анализ этих слов дает нам понять, что „указать“, „показать“ первоначально имели смысл „указывания“, „показывания рукою“, а не голосом. То же самое надо заметить и об украинском слове „казаты“. Со временем, по требованию экономического, технического и идейного роста первобытной производственной группы, кинетический язык перешел на ступень звукового языка. В эпоху творчества раннего языка, учит Н. Я. Марр, производственных групп было много и, значит, существовало много примитивных звуковых языков. Потом, с дальнейшим эволюционным и революционным ростом трудовых общественных объединений первобытный звуковой язык — путем скрещения то с тем, то с другим и т. д. языком — последовательно пережил несколько фазисов своего развития, пока достиг стадии родового языка. Позволительно думать, что на этапе от родового языка к племенному, опять в результате скрещения каких-то древних языков, родился язык славянский. С. Н. Быковский в своей работе „Яфетический предок славян — киммерийцы“ писал: „славянские языки... сложились в результате ряда скрещений... в эпоху, предшествующую образованию племен“. В итоге скрещения каких именно родовых языков родился славянский язык — мы не знаем. Это пока проблема. Первую попытку разрешить эту проблему сделал вышеупомянутый С. Н. Быковский. В своей книге „Яфетический предок славян — киммерийцы“, осно-

вываясь на данных анализа ряда пережиточных слов, получил о ближайших к нам предках языка такой вывод: тавры—киммерийцы—славяне. В отношении славянского языка это значит то, что последний родился на основе скрещения речи тавров и кимеров.

Немного позднее, в своем втором исследовании „Днепр—Березина—река иберов“ Быковский дошел до постановки вопроса о кимерах, как общих предках русских и финнов. Такая догадка Быковского, по свидетельству Н. Я. Марра, находит подтверждение в общности у финнов с русскими слов древнейшего состава звуковой речи, в том числе слов: собака, глаз, слеза.

Такова первая попытка решить проблему образования славянских языков и связи их с инославянскими языками в свете единого языкотворческого процесса. Насколько правильно решена эта проблема—сказать трудно: сравнивать выводы Быковского пока не с чем. Что же касается русского народа и русского языка, то для нас совершенно ясно то положение, что русская народность, а вместе с нею и русский язык в прошлом складывались путем разнообразных скрещений и что не учитывать греческие, скандинавские, хазарские, и иные встречи совершенно невозможно. Все эти встречи, несомненно, действовали в известной мере как на изменение антропологического типа славянина, так и на языки скрещивающихся сторон.

4. Восточные славяне и их языки

Русский язык, как и все языки земного шара, переживает процесс схождения, процесс унификации, т. е. развивается не от единства к множеству, а наоборот, от многоязычия к одному языку. Обратимся к фактам.

В VIII веке восточные славяне не были единым народом. „Повесть временных лет“, сообщая о местах оседлости восточно-славянского населения, свидетельствует, что оно жило тогда в племенном быту и состояло из ряда племен. В частности, летописец называет следующие племена: славяне ильменские, кривичи, полочане, дреговичи, бужане, древляне, поляне, тиверцы, улучи, северяне, радимичи, вятичи. Язык этих племен, конечно, тоже не был единым. Та же „Повесть временных лет“ помнит, что население Днепровского бассейна произошло частию от хорватов белых, частию от сербов и частию от хорутан. В другом месте летописец намекает на близость радимичей и вятичей к ляхам. Все эти указания летописи невольно наводят на мысль о том, что языки у восточно-сла-

вянских племен были разные: одни были ближе к языку хорватскому, другие — к сербскому, — третьи — к ляшскому и т. д. Да и языковая практика не позволяет допустить, чтобы язык, распространившийся на такой огромной территории, как бассейн Днепра, Буга и в верховьях трех рек: Западной Двины, Волги и Оки, мог быть совершенно однообразным. Наконец, не могло быть единства в языке днепровских племен еще потому, что славянские племена — творцы этих языков — не находились на одинаковом уровне своего культурного развития. Так, летописец уверяет, что древляне еще в его время жили „звериным образом", тогда как поляне стояли значительно выше их. Очевидно, и языки полян и древлян, как явления надстроечного порядка, не могли не отражать степени культурного и общественного роста их творцов. Таким образом, в ту эпоху, когда восточно-славянский народ находился в племенном быту, языков было столько же, сколько было племен.

В IX веке все названные выше славянские племена объединились в три племенных союза: восточный, южный и северный. Восточный союз, занимавший обширное пространство почти от Немана и до Дона, состоял из двух групп: на западе племена дреговичей, радимичей и вятичей, а на востоке — северян. К северу от восточного союза простирались земли, занятые союзом северных племен. Это были племена славян ильменских, полочан и кривичей. На юг и на запад от восточного союза жили две группы: бужане, древляне, поляне, а южнее их — тиверцы и улучи.

Указанное распределение восточно-славянских племен по трем союзам произошло не случайно: оно оправдывалось хозяйственными надобностями. Наука уже давно установила, что упомянутые выше племенные союзы экономически и даже культурно тяготели к трем различным торговым центрам, а именно: южный союз вел торговлю с греческими колониями на берегу Черного моря, с Византией и Болгарией и, значит, зависел от них культурно; наплыв греческих и болгарских слов сказался прежде всего здесь. Восточный союз имел экономические и культурные связи с востоком: с хозарами и арабами и был, следовательно, обращен лицом к востоку и юго-востоку. Северный союз, связанный с варягами, тяготел к северу и западу. Несомненно, такое объединение славянских племен в „племенные союзы" повлекло за собою и схождение языковое. Согласно исследованиям А. А. Шахматова, тогда наметились три языка: восточно-русский, южно-русский, и северно-русский. Каждый из этих языков по-

лучил возможность вырабатывать свои особенности, обусловленные новой обстановкой труда и новой общественной группировкой. В связи со стяжением племенных языков в три упомянутых языка (восточно-русский и др.) обнаруживаются особенности в каждом из них. Так, в северно-русском языке мы замечаем смешение Ц и Ч, а в восточно-русском — редукцию неударяемых А, О, Е и т. д. Но процесс создания южно-русского, восточно-русского (точнее средне-русского) и северно-русского языков скоро затормозился. Прекращение торговли по „великому водному пути из варяг в греки" и перенесение экономического центра с Днепра в бассейн верхней Волги и нижней Оки заставили восточных славян вступить в иные общественные взаимоотношения и направить их языкотворческий процесс по иному руслу.

В X веке русское население, в силу своего естественного приращения, распространялось частично на северо-восток и частично на юго-восток. В юго-восточном направлении восточноруссы спустились по Дону и осели на берегу Азовского моря вплоть до Тмутаракани (на Таманском полуострове). Но во второй половине XI века положение на юге изменилось. Появившиеся из Азии орды печенегов и половцев начали сильно беспокоить русские селения. В начале XII века они захватили Тмутаракань и позже стали угрожать даже самому Киеву. С этого времени восточноруссы, уступая силе кочевников, начали распространяться не на юго-восток, а на север, именно по Оке. Одновременно с этим по Волге распространились северноруссы. Оба этих потока на своем пути встретились с финскими племенами: мерей на Волге и муромой на Оке, и совместными усилиями победили их.

Часть поименованных финских племен во время войны была истреблена, а другая оттеснена и третья ославянена. Встреча северноруссов с восточно-руссами содействовала объединению их и усилению языкового взаимовлияния. В результате схождения языков восточноруссов и северноруссов зародился тот язык, который ученые индоевропейской лингвистики называли великорусским, а мы называем русским языком. В XIII—XV веках начавшийся процесс складывания сначала Суздальского княжества, а потом Московского царства еще более закрепил и двинул вперед объединение восточноруссов с северноруссами и, значит, еще более содействовал выработке общих норм русского языка. Но одновременно с объединяющим языкотворческим процессом на территории русского языка шел другой процесс — процесс дифференциации русского языка на два диалекта: на окающий и акающий. В основе этого

разделения русского языка на диалекты были пережитки старых языков: восточно-русского и северно-русского, с одной стороны и территориальные особенности, с другой. На северной части территории русского языка северноруссы дали окание, а на юге этой же территории восточноруссы—акание.

Часть северноруссов, именно западная, в XIV веке была насильственно отторгнута и под именем Белой Руси сначала вошла в состав Литвы, а затем вместе с Литвой подпала под власть Польши. Длительное пребывание под иноземным игом и ожесточенная борьба народных масс этой группы северноруссов с поляками во имя сближения с русским народом определили белорусскую народность, а взаимодействие встретившихся языков дали белорусский язык. На этой почве выработались своеобразные особенности белорусской речи, например: мягкие Д и Т стали произноситься как ДЗ и Ц, звук Р отвердел и пр.

Что же касается южноруссов, то они пережили ряд погромов от печенегов, половцев, татар, подпали под власть сначала Литвы, потом Польши. В виду тяготения широких масс южноруссов к сближению с братским русским народом началась борьба южноруссов с поляками. В процессе этой борьбы южноруссов за русское начало и на почве взаимовлияния встретившихся языков южноруссы создали украинскую народность и украинский язык. Главные особенности украинского языка получились именно в рассматриваемый период:

а) в эпоху исчезновения глухих, звуки О и Е, в слоге перед выпавшими глухими, стали произноситься длиннее, чем произносились раньше, например: ООВЬЦЯ;

б) в XIV веке такие удлиненные звуки О и Е усилились в двузвучия: О перешло в УО, ЮО, а Е в ИЕ. Это явление со временем сделалось существенной особенностью украинского языка. Северные украинцы до последних дней говорят: куонь, вуол, пиечь. Южные же украинцы заменили двузвучия звуком И и говорят: вил, кинь;

в) одновременно с этим выработались и другие особенности украинского языка: старое Е (ять) перешло в И (дид, бис); звуки И и Ы слились в один звук и проч.

Таким образом, к концу XV века в связи с процессом складывания государственных образований, а именно: Московского, Белорусско-литовского и Украино-польского, на основе языков союза племен северноруссов, восточноруссов и южноруссов плюс скрещение этих языков с языками неславянских народов выявились в основном три языка: русский, белорусский и украинский.

5. Культурно-экономические отношения восточных славян с греками

Восточно-славянское население в X веке перешло к феодализму, разбившись на ряд княжеств. Экономическое и политическое первенство в группе феодальных владений, лежавших на среднем и южном участках „великого водного пути из варяг в греки", принадлежало Киевскому княжеству и киевским князьям. Организующая роль феодальных князей была направлена, главным образом, на сбор дани с подвластного им населения и на налаживание торговли продуктами дани с Византией. В ту отдаленную пору восточно-славянские князья одновременно были и купцы. В течение осени и зимы они ежегодно собирали много мехов, кож, меда, воска и весною все это отправляли в качестве товара по Днепру и Черному морю в Царьград. Но самым ценным товаром на цареградском рынке были рабы и рабыни. По этой причине восточно-славянские князья спекулировали и на продаже рабов и рабынь.

В связи с успехами торговли отношения южно-русских властителей к грекам были двоякие: они то мирно торговали, то ходили на них войной, надеясь силой оружия добиться наиболее выгодных торговых договоров. В результате этих отношений князья должны были признать превосходство византийской культуры и мало-помалу подчинились ее влиянию. Так, вдова киевского князя Игоря, княгиня Ольга, ездила в Царьград, видела там роскошь двора, торжественные приемы, слушала пение в знаменитом Софийском соборе и осталась надолго под впечатлением виденного и слышанного. Несколько времени спустя князь Владимир киевский, вместе с верхним слоем общества, подчинился влиянию греческой культуры, приняв оттуда христианскую веру. Факт принятия новой веры в ту отдаленную эпоху несомненно был для господствующего класса южно-русского общества крупным шагом вперед. Только с этого момента для русских славян открылись перспективы более ускоренного книжного просвещения, открылся более короткий путь к науке. Но момент принятия русскими новой культуры совпал с моментом обострения борьбы между константинопольским патриархом и римским папой. В это время греческие епископы и подчиненное им духовенство усиленно пропагандировали мысль о впадении западных народов в ересь. На этой почве очень скоро в глазах русских книжников возникла и укрепилась идея „о поганых латынянах", со временем перешедшая в недоверие ко всему западному: к науке, искусствам, укладу жизни.

Но греческое влияние мало проникало в массу населения. Крестьяне и рабы попрежнему оставались „варварами". Насколько неглубоко приникла греческая религия в массу, видно из того, что даже дружина князя не оставила старой славянской религии: она, в лучшем случае, соединила вместе обе веры — языческую и христианскую. В результате получилось своеобразное двоеверие: старые славянские боги почитались под именем христианских святых: Перун слился с пророком Илией, Велес — с Власием, Хорс — с Георгием. Старые славянские праздники тоже уцелели, только их приурочили к христианскому календарю: зимний праздник рождения солнца, Коляды, слился с праздником рождества Иисуса, летний праздник купалы объединился с днем Ивана Крестителя. Крестьянские же массы и рабы были еще дальше от христианства.

6. Культурные отношения с Болгарией

Первые южно-русские князья вели торговлю с Византией морем, каждый раз рискуя потопить свои товары в черноморской пучине. Князь Святослав решил первый проложить путь в Царьград берегом и с этой целью вооруженной рукой захватил Болгарию. „Болгария,—говорил он,—середина земли моей, сюда со всех сторон свозят все добро: от греков — золото, ткань, вина, разные овощи; от чехов и венгров — серебро и коней; из Руси — меха, мед, воск, рабов". Но остаться в Болгарии ему не удалось: греки выгнали его скоро оттуда.

Но путь, проложенный Святославом из Киева в Болгарию, не был забыт. По этому пути пошла торговля с болгарами и по этому пути пришли в Киев болгарская грамотность, искусства и в болгарских переводах византийская литература, а именно: книги религиозные и частью светские, например: художественные, исторические и юридические.

То обстоятельство, что русские получили грамотность и первые книги не на греческом, а на древне-болгарском, или, иначе сказать, на древнем церковно-славянском языке, является очень важным моментом в истории русского языка. Дело в том, что болгарский язык принадлежит к группе языков южных славян и во время первого знакомства киевлян, полочан и т. п. с болгарскими книгами, т. е. в конце X века, был довольно понятен для господствующего класса восточных славян. Любопытно, что составитель начальной летописи, под 898 г. записал: „Словеньский язык и русский одно есть". Но в действительности отождествлять русский язык с древним церковно-сла-

вянским нельзя. Защитники тождества этих языков: Шишков, Калайдович, Давыдов, Погодин, Павский и Катков потерпели поражение.

Но здесь при исследовании вопроса о влиянии древнего церковно-славянского языка на русский язык прежде всего следует ответить на вопрос: занесен ли к нам древне-болгарский язык, как мертвый книжный язык, или болгарские выходцы, доставившие к нам книги, сами научили русских читать по ним и произносить буквы по-своему. Думается, что правильнее допустить то и другое. С одной стороны, на Русь пришли книги и они остались подлинными источниками и образцами для будущих русских книг: русские, даже не знавшие живого болгарского языка, научившись предварительно грамоте, могли их понимать, но, читая их, они держались киевского произношения. Так, буквы юс большой и юс малый, соответствующие русским буквам У и Я, они произносили, как У и Я, и в своих копиях писали вместо юсов—У и Я. Но с другой стороны, первое поколение русских книжников и грамотеев находилось под непосредственным влиянием болгарских учителей, научивших их читать по церковно-славянски. Весьма вероятно, что тогдашнее русское духовенство произносило буквы болгарских книг, сообразуясь с произношением своих наставников, и некоторые особенности усвоенного ими выговора переходили впоследствии из поколения в поколение. Так, в северных говорах до последнего времени старое, церковно-славянское ударенное Е произносят, как простое, не изменяя его в ё (о), например: пещера, еще.

Но древний церковно-славянский язык проник к нам не только через религиозные книги. Вслед за болгарским духовенством после 988 г. на Русь нахлынули и другие элементы. Эти подследние принесли с собой множество апокрифических произведений устного и письменного творчества как южного славянства, так и греков, которые скоро сделались достоянием русских народных масс. Я думаю, что именно этим путем, через эти произведения язык русской крестьянской массы в ряде районов насытился такими словами, как „обиждать", „урождай", „прохлаждаться" и т. п.

I. Эпоха господства церковно-славянского языка над русским языком. Двуязычие

1. Принятие древнего болгарского языка восточными славянами, начало двуязычия, дифференциация письменного языка

В конце X века Киевская Русь приняла из Византии и Болгарии христианское просвещение и книги. Вместе с христианским просвещением на Русь пришел и письменный церковно-болгарский язык. С этого времени на Руси появляется еще один фактор, содействующий унификации русских языков, а именно — книжный язык, сначала рукописный, потом, много позднее, печатный.

Местоположение Киевской Руси на перекрестке торговли дорог, связывающих немецкие земли с арабским востоком, с одной стороны, и варягов с греками, с другой,— наличие в стране огромных богатств для развития торговли и, наконец, необходимость пропаганды идеи общерусского военного союза против кочевников (печенегов,половцев)—все это стимулировало господствующий класс русского общества к созданию письменного языка. Нужда в литературном языке одинаково чувствовалась во всех центрах древней Руси: и в Киеве, и в Новгороде и т. д. Таким литературным языком первоначально явился язык древне-болгарский, то есть язык для русских славян не родной.

Первую славянскую, точнее сказать, первую древне-болгарскую азбуку составил ученый грек из г. Солуни Константин, более известный в славянском мире под своим монашеским именем Кирилла. Сделал он это, по поручению византийского правительства, в целях подчинения беспокойных соседей—славянских пограничных племен—греческому культурному влиянию.

Для какого языка была составлена первая славянская азбука, этот вопрос долго вызывал споры ученых. Представители паннонской теории происхождения письменного славянского языка, например, Миклошич, утверждали, что церковно-письменный язык имеет в своей основе какой-то диалект паннонских славян. Ближайшим поводом

к составлению азбуки для этих славян послужила просьба моравского князя Ростислава к цареградскому правительству (861—862 г.) о присылке в Моравию миссионеров, которые научили бы моравов христианской вере и богослужению на понятном для них языке. Представители второй теории, теории македонской, учили, что в основе церковно-славянского языка лежит наречие славян Солунского округа Македонии, т. е. язык древне-болгарский. Наконец, такие слависты, как Ламанский и Будилович, склонны были считать церковно-славянский язык искусственным соединением элементов из разных славянских языков. Наиболее вероятной признается македонская теория.

Константин по рождению был грек. Но так как в окрестностях г. Солуни (в Македонии) тогда главную массу населения составляли болгары, то он (Константин) имел возможность изучить славянскую речь болгар. Славянскую азбуку Константин составил, конечно, по образцу своей родной — греческой. Так поступить его побуждали обстоятельства жизни болгар. Дело в том, что славяне, обитавшие не только около г. Солуни, но и в пределах всего Балканского полуострова, в то время уже сильно почувствовали нужду в письменности и сами пользовались греческим алфавитом для своих житейских надобностей.

Константин, надо полагать, взял в основу своей азбуки эту же знакомую передовым балканским славянам греческую азбуку и только приспособил к особенностям славянской речи. Надо полагать, что при практическом, бытовом употреблении греческие буквы имели небрежный характер, например: наклонную постановку, несимметричные части букв, как греческое скорописное письмо IX века. Константин придал буквам прямое положение и стилизовал их в духе увеличения количества симметричных закруглений. Так получилась та азбука, которая называется „глаголицей".

Глаголической азбукой написаны древнейшие памятники болгарского литературного языка, например: Зографское евангелие (в Зографском монастыре на Афоне) и др. Зографское евангелие, как и все древнейшие памятники, писано на пергаменте. Глаголическое письмо в Болгарии очень рано стало выходить из употребления по причине своей трудности. Оно продержалось там X и XI века, но уже в конце X века рядом с ним стало употребляться другое письмо, более простое, так называемое кирилловское. Называется оно так потому, что его составление приписывается Кириллу, т. е. вышеупомянутому Константину, но приписывается ошибочно, неверно.

Сказание о жизни Климента, ученика Константина, и

его брата Мефодия, написанное на греческом языке, сообщает, что Климент ввел в обиход „более ясные письмена“. Нет сомнения, что эти более ясные письмена есть так называемая азбука „кириллица“ или, иначе сказать, греческое заглавное письмо, с добавкой недостающих букв из других источников, например, из еврейского алфавита. Таким образом, честь изобретения глаголицы принадлежит Константину из г. Солуни, а честь составления кириллицы — его ученику Клименту. Климентовское письмо оказалось проще и удобнее как для чтения, так и для скорописи и потому скоро вытеснило принятое из Болгарии первоначальное глаголическое письмо. Климентовское же письмо было принято и на Руси.

Когда Киевская Русь приняла греческую веру и религиозные книги на древне-болгарском языке, то этот последний, хотя и был не родной, тем не менее оказался довольно понятным для восточно-славянского населения, особенно для христианского духовенства, и потому легко сделался языком церкви и книжного обучения. На нем читали и пели молитвы в храмах, епископы и священники говорили проповеди, ранние интеллигенты писали свои произведения. Первые учителя грамотности были служители культа, а школами подготовки грамотных людей — монастыри. Монастыри же были и главным местом размножения книг. Так древне-болгарский язык на русской почве превратился в язык церковно-славянский, точнее, в язык церковно-письменный.

Церковно-славянский язык скоро распространился по всей территории восточно-славянского населения и сделался господствующим средством отражения религиозных и церковных идей и настроений. Но церковно-славянский язык в древней Руси не был повсеместно одинаков. В разных местах древней феодальной Руси он встретился с различными диалектами старо-русских языков. Выше мы видели, что в IX—X веках восточно-славянские племена объединились в три племенных союза и начали создавать три языка: южно-русский, восточно-русский и северно-русский. Языки этих племенных союзов в соответствии с границами феодальных княжеств и особенностями жизни населения той или другой местности были дефференцированы на территориальные говоры. По мере христианизации древней феодальной Руси церковно-письменный язык вступал во взаимодействие с областными диалектами. По этой причине в различных областных центрах феодальной Руси в XI—XIV веках развились разновидности церковно-письменного языка. По этой именно причине письменный язык древнего Киева разнился от языка древнего Новгорода,

язык древнего Новгорода — от языка древней Москвы и т. д.

Но церковно-славянский язык на Руси не был единственным письменным языком. Как и все государства феодальной Европы, древняя феодальная Русь отличалась двуязычием. Начиная с XI—XII веков в древней Руси, рядом с церковно-славянским языком, языком пришлым, повсеместно существовал второй письменный язык, язык родной, старо-русский. Этот родной язык тогда был нужен для записей бытового характера и потому значительно ярче отражал местные русские говоры. На этом старорусском языке писали грамоты светского содержания, как то: купчие, договорные, судебные и др. На этом же старо-русском языке, повидимому, было написано „Слово о полку Игореве" в первой его редакции.

Наконец, надо отметить, что древне-русский письменный язык тоже был дифференцирован по областям. Он еще более резко отражал местные особенности говоров, чем язык церковно-славянский. Но будучи разнообразен по говорам, русский язык везде сохранял классовый характер, везде отражал идеологию и устремления господствующего класса, в соответствии с нуждами развертывания торговли и задачами феодального строя.

Наличие классовых элементов в языке древне-русского общества несомненно. Письменные памятники XI—XII вв. совершенно определенно отражают феодальные отношения той эпохи. Киевское общество тогда расслаивалось так: наверху феодальной лестницы стоял князь, вождь вооруженной дружины. Верхний ряд дружинников составляли бояре, а нижний — гриди, отроки. Рядовые дружинники и некоторые другие группы населения, состоявшие на службе у князя, назывались княжи мужи. Кроме князя и бояр, к верхушке общества принадлежали гости, то есть купцы, торговавшие с заграницей. Сюда же относились жрецы, а после принятия христианства—епископы и попы. Все остальное население, платившее дань, считалось свободным и носило наименование люди. К разряду людей прежде всего принадлежали смерды, то есть крестьяне. Ниже их стояли закупы, то есть наемные рабочие. Батраки, вступившие к хозяину в долговое обязательство на срок, назывались ролейными закупами. На самой нижней ступеньке общественной лестницы находились холопы или рабы.

Таким образом, Киевская Русь знала два письменных языка: церковно-славянский, или древне-болгарский, и родной старо-русский. Господствующая роль до XVII века принадлежала церковно-славянскому языку.

Первый был язык строго выдержанный в духе церковности, а второй — имел уклон в светский диалект господствующего слоя русского общества. На первом языке писались произведения религиозного и церковного обихода, а на втором—грамоты, юридические акты, летописи, художественные произведения и т. д.

Начиная с XI века оба эти языка феодальной Руси, т. е. церковно-письменный и светский русский, находились в состоянии антагонизма друг к другу. Консервативные силы древней Руси поддерживали идею сохранения церковно-славянского языка в полной неприкосновенности от всяких светских элементов. Феодальные властители и киевская метрополия были кровно заинтересованы в том, чтобы церковно-книжный язык сохранялся их монопольным культурным средством для идеологического господства над народными массами. Второй же язык, то есть деловой, поддерживали прогрессивные слои общества. И вся история развития русского литературного языка феодальной эпохи есть не что иное как отражение борьбы консерваторов разных видов с новаторами тоже разных видов за обрусение книжного языка. Это обрусение сначала происходило в рамках феодальных отношений, а потом в пределах национальных.

2. Особенности грамматики древнего болгарского языка

А. Азбука климентица

В основу „климентицы" Климент положил греческий алфавит, откуда взято целиком 24 буквы. Повидимому, с греческого языка им заимствованы следующие заглавные буквы: А, В, Г, Д, Е, З, И, I, К, Л, М, Н, Кси, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Пси, Омега.

Недостающие буквы, т. е. Б, Ж, Ц, Ч, Ш, Щ, Ер, (ъ), ерь (ь), Ы, Ять, Ю, юс большой, юс малый, ижица — для звуков, букв у которых не было в греческом алфавите, Климентом частью были придуманы вновь, частию заимствованы из еврейской азбуки.

В интересах понятности к этой азбуке сделаю следующие пояснения:

а) буква Ер обозначала в древне-болгарском языке глухое краткое О, которое могло стоять, как в конце, так и в середине слов, напр.: сЪнЪ, тЪгда;

б) буква Ерь обозначала в древне-болгарском языке глухое краткое Е, которое точно также могло находиться как в конце, так и в середине слов: дьнь, отьць.

Звуки, обозначаемые буквами ер и ерь называются **глухими**. Глухие звуки были не только в древне-болгарском языке, но и в старо-русском, именно — в ту пору, когда русские приняли древне-болгарскую грамотность и книги.

в) Буква юс большой обозначала носовое О и произносилась приблизительно как ОН или ОМ: домб (дуб), ронка, (рука);

г) буква юс малый обозначала носовое Е и произносилась, приблизительно, как ЕН: имен (имя), времен (время), наченти (начати).

В латинском языке в соответствие древне-болгарским юсам находим сочетания ОН, ЕМ, ЕН, например:

По-древне-болгарски	По-латински
понть (путь)	pons
пенть (пять)	pente
семен (семя)	semen

В ту эпоху, когда русские стали пользоваться древне-болгарской азбукой, т. е. в X столетии, в старо-русском языке уже не было носортовых звуков. Вместо носортового ОН (юс большой) был звук У, а вместо ЕН (юс малый) звук Я. Например: вместо болгарских: монж, сонд, зомб по-русски читали: муж, суд, зуб. Вместо болгарских: женти, кленти, наченти — на Руси читали: жяти, кляти, начяти. На этом основании переписчики и писали вместо юсов русские буквы: У, А, Я. Но иногда, под обаянием древне-болгарской письменной традиции, они употребляли старинные юсы, хотя последние читались, как русские У или Я;

д) буква ять в древне-болгарском и старо-русском языках имела особое произношение, сравнительно с Е. Это видно из того, что ранние русские писцы не смешивали этих двух букв, но тем не менее, как произносился этот звук, мы не знаем;

е) буквы Я, иотированное Е, Ю, юс большой иотированный и юс малый иотированный представляют собою соединение двух букв: „И“ с точкой с А, Е, У, юсом большим, юсом малым. Буква „и“ с точкой (i) обозначала в древне-болгарской азбуке тот звук, который в русском алфавите имеет значение „й“, а в латинском — обозначался буквой иот (j). Этот звук называется иотом, а гласные, перед которыми он стоит, — иотованными или иотированными;

ж) буква Щ в древне-болгарском языке произносилась как ШТ, например: свеща (свешта);

з) буква Е в древне-болгарском, или, иначе сказать, в древнем церковно-славянском языке никогда не произносилась, как О (ё);

и) буква ОУ обозначала У. Начертание УО взято из греческой азбуки;

к) буквы омега, кси, пси, фита, ижица взяты из греческого алфавита и у нас редко употреблялись.

Титло и другие значки. В текстах древнего славянского письма мы довольно часто встречаем употребление титл: это значки, говорящие о сокращении слова. Особенно часто под титлами писали слова религиозного стиля. Это последнее получилось в угоду древнему орфографическому правилу: „Все, что свято, то покрыто", (т. е. под титлой). Все же остальные слова рекомендовалось писать „махом", т. е. полностью и без перерыва.

Кроме титл, были в употреблении и другие надстрочные значки. Все они были заимствованы из греческого языка и часто в славянских рукописях не имели никакого значения.

Буквы служили также для выражения чисел. Когда та или другая буква должна была обозначать число, то над ней ставилась титла.

Вот числовая таблица:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Единицы	а҃	в҃	г҃	д҃	є҃	ѕ҃	з҃	и҃	ѳ҃
Десятки	і҃	к҃	л҃	м҃	н҃	ѯ҃	о҃	п҃	ч҃
Сотни	р҃	с҃	т҃	ѵ҃	ф҃	х҃	ѱ҃	ѡ҃	ц҃
Тысячи	҂а	҂в	҂г	҂д	҂є	҂ѕ	҂з	҂и	҂ѳ

Летосчисление велось от „сотворения мира", каковое, предполагалось, было за 5508 г. до нашей эры. Почти во всех приписках древнейших книг, когда указывается дата, прибавляется выражение: „(в) лето от сотворения мира". На этом основании, чтобы определить год летописного известия, нужно из хронологического обозначения летописи или книги вычесть 5508 лет.

Б. Фонетические особенности, общие древнеславянскому и старо-русскому языкам

Чередование гласных. В древнем церковно-славянском языке мы наблюдаем следующие наиболее частые чередования гласных звуков:

Ь — Е — О: бьрати — беру — собор
рьци — реку — пророк
тьци — теку — поток
велю — воля
везу — воз.
О — А: скочити — скакати
творити — тварь
бости — бадати
У — Ы — Ъ: дух — дыхание — дъхнути
слух — слышати
сух — сохнути
крушити — кръха
У — ОВ — АВ: слути — слово — слава
крыти — кров
Ь — И: жьдати — ожидати

См. таблицу на 31 стр.

Смягчение заднеязычных. Как в древне-славянском, так и в старо-русском языках заднеязычные звуки — Г, К, Х перед И, ять, Е, иотом, Я — переходили в другие звуки. Таких переходов было два: первое смягчение и второе смягчение:

При первом смягчении заднеязычные перешли в шипящие, а именно:

Г — Ж: друг — друже
бег — бежати
К — Ч: пеку — печеши
лик — обличити
Х — Ш: дух — душе
слух послушен.

При втором смягчении заднеязычные звуки перешли в свистящие:

Г — З: друг — друзи
К — Ц: рука — руце (ять)
Х — С: дух — дуси

Оба смягчения как первое, так и второе произошли, повидимому, в VIII — IX в.

Смягчение З и С. Звуки З и С в соединении с иотом изменились раньше Х века, а именно:

З — Ж: взяти — вяжу
лизати — лижу
С — Ш: писати — пишу
носити — ношу

Ѧ - Ѫ : ГРѦЗНУТИ - ГРѪЗ,
ТРѦСТИ - ТРѪС,
ЗВѦКНУТИ - ЗВѪК,

Ѧ - ЬМ - ЬН - еН : ЖѦТИ - ЖЬМУ,
ЖѦТИ - ЖЬНУ,
СѢМѦ - СѢМеНИ,
НаЧѦТИ - НаЧЬНУ,
ВЪЗѦТИ - ВЪЗЬМУ,

Ѫ - ЪМ - ОН : НаДѪТИ - НаДЪМеН,
ѪХаТИ - ВОНЯ - БЛаГОВОНИе.

В. Отличительные особенности старо-русского языка от древне-болгарского в области фонетики

В системе звуков старо-русский язык отличается от древне-славянского в следующем:

а) отсутствие юсов. В русских письменных памятниках юсы обозначают не носовые звуки (он, ом, ен, ем), а русские У или Я. Примеры:

Древне-болг. язык	Русский язык
монж	муж
зомб	зуб
домб	дуб
менсо	мясо
зенть	зять
пенть	пять
вземти	взяти
клентва	клятва

б) полногласие. Полногласие состоит в следующем: когда в древне-болгарском языке, сербском, чешском слышится слог ра, ла, ре, ле, между согласными, а в польском — слог: ро, ло, ре, ле, то в русском языке слышатся два слога: оро, оло, ере, еле между согласными. Проще сказать: полногласие — это появление двух „О“ или двух „Е“ по сторонам согласных звуков „Р“ или „Л“. Примеры:

Русский язык	Древне-болгарский	Ново-болгарск.	Сербский	Чешский	Польский
борода	брада	брада	брада	brada	broda
ворона	врана	врана	врана	vrana	vrona
горох	грах	грах	грах	hrach	groch
голова	глава	глава	глава	glava	glova
голос	глас	глас	глас	hlas	glos
колос	клас	клас	клас	klas	klos
волос	влас	влас	влас	vlas	vlos
берег	брег	брег	брийег	breg	bržeg
дерево	древо	древо	древо	drevo	drževo
молоко	млеко	млеко	млеко	mleko	mleko
железа	жлеза	жлеза	жлийезда	žleza	žleza
желоб	жлеб	жлеб	жлийеб	žlab	žlob

в) Постановка глухих перед плавными. В тех случаях, где современный русский язык имеет сочетания ор, ол, ер, ел между согласными (волк, верх), в старорусском языке были сочетания Ър, Ъл, ьр, ьл, а в древне-болгарском рЪ, лЪ, рь, ль. Примеры:

Древне-болгарский	Старо-русский	Соврем. русск. язык
влЪкЪ	вЪлкЪ	волк
трЪгЪ	тЪргЪ	торг
скрЪбь	скЪрбь	скорбь
чрьвь	чьрвь	червь
врьхЪ	вьрхЪ	верх
жльтыи	жьлтыи	желтый

г. Согласные Ж, Ч на месте древне-болгарских ЖД и ШТ. Следующей отличительной чертой русского языка было наличие Ж и Ч в тех случаях, где в древне-болгарском языке стояли сочетания ЖД и ШТ. Примеры:

Древне-болг. язык	Русский язык
рождати	рожать
прихожду	прихожу
вождь	вожатый
одежда	одежда
вижду	вижу
ношть	ночь
пешть	печь
свешта	свеча
хошту	хочу
отвештати	отвечать

д. Начальное О. В русском языке в ряде слов встречаем в начале О, между тем как в древне-болгарском языке было Е. Примеры:

Древне-болг. язык	Русский язык
один	один
езеро	озеро
елень	олень
есетр	осетр
еще	ощо
есень	осень
Евдокия	Овдотья
Евдоким	Овдоким

Г. Морфология древнего церковно-славянского языка

Для того, чтобы при дальнейшем изложении курса истории русского языка удобнее было видеть черты сходства и различия между древним церковно-славянским языком, с одной стороны, и старо-русским, с другой — прежде всего познакомимся с формами древнего церковно-

славянского языка в том состоянии, в каком он был занесен на Русь в X и XI веках. Сначала посмотрим формы склонения, а потом формы спряжения.

В образования форм в древнем церковно-слявянском языке различались три класса склонений: а) именное, по которому склонялись имена существительные, имена прилагательные с кратким окончанием и часть числительных; б) местоименное, по которому склонялись местоимения и некоторые числительные; в) сложное, по которому изменяли свои падежные окончания прилагательные и причастия с полным окончанием, некоторые местоимения и числительные.

Чисел в древнем церковно-славянском, а также и в старо-русском языках было три: единственное, множественное и двойственное. Формы двойственного числа первоначально служили только для обозначения парных предметов, как: уши, очи, плечи, а потом стали употребляться для обозначения вообще всяких двух предметов, например: две, рыбе.

Падежей в древнем церковно-славянском языке, а равно и в старо-русском — было семь: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный и местный, соответствовавший нынешнему предложному, но обозначавший место и иногда время без предлога.

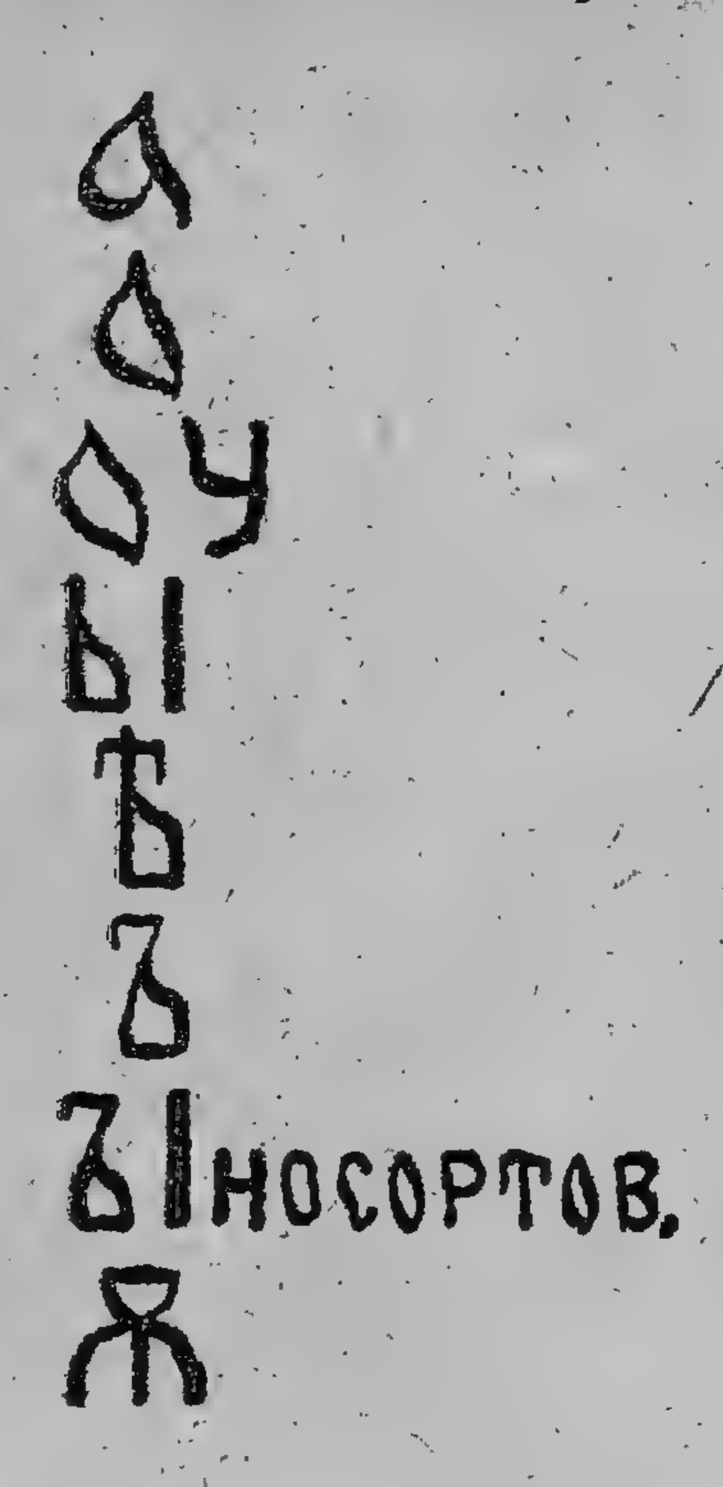
а. Именное склонение

Имена существительные в древнем славянском и старо-русском языках имели пять типов склонения. Разница в типах склонения обусловливалась конечными звуками основы, к которым при изменении слов присоединялись падежные окончания. Вот эти типы:

а) имена типа раб, конь, край.
б) имена типа сын.
в) имена типа жена, земля.
г) имена типа кость, путь.
д) имена типа камы, дитя, слово, мати.

При изучении склонений имен существительных древне-славянского и старо-русского языков необходимо считаться с тем, на какой согласный звук оканчивается основа слова: на твердый или мягкий. Надо хорошо усвоить ту особенность, что между окончаниями типов склонений на твердый и мягкий согласный звуки имеются закономерные соответствия.

Окончания имен с основой на твердый согласный звук	Окончания имен с основой на мягкий согласный звук

Образцы типовых форм

Твердое склонение		Мягкое склонение	
Ед ч.	И. Рабъ	Конь	Краи
	Р. раба	Коня	Края
	Д. рабу	Коню	Краю
	В. раб	Ковь	Краи
	Т. рабъмь	Коньмь	Краемь
	М. рабе (ять)	Кони	Краи
	З. рабе	Коню	Краю
Мн. ч.)	И. Раби	Кони	Краи
	Р. Рабъ	Конь	Краи
	Д. Рабомъ	Конемъ	Краемъ
	В. Рабы	Коня (юс м)	Края (юс м)
	Т. Рабы	Кони	Краи
	М. Рабехъ (ять)	Конихъ	Краихъ
Дв. ч.)	И. В. З. раба	Коня	Края
	Р. М. рабу	Коню	Краю
	Д. Т. рабома	Конема	Краема

Склонение имен существительных среднего рода с окончанием на О и Е отличалось от склонения имен муж. рода только в именительном, винительном и звательном падежах, а именно: именит., винит., звательный единственного числа: село, поле; именит., зват. множ. числа: села, поля.

В таких именах, как друг, волк, дух согласные Г, К, Х перед ять и И изменялись в З, Ц, С; друзе, волце, дусе; друзи, волци, дуси. Те же самые Г, К, Х, перед Е в зват. падеже переходили в Ж, Ч, Ш, например: друже, волче, душе.

Формы типа сын

Ед. ч.	И. сын	Мн. ч.	И. сынове
	Р. сыну		Р. сыновъ
	Д. сыну		Д. сынъмъ
	В. сын		В. сыны
	Т. сынъмь		Т. сынъми
	М. сыну		М. сынъхъ
	З. сыну		
Дв. ч.	И. В. З. сыны		
	Р. М. сынову		
	Д. Т. сынъма		

Формы типа жена, земля

	Твердое склонение	Мягкое склонение
Ед.ч. И.	жена	землꙗ
Р.	женꙑ	землѩ
Д.	женѣ	земли
В.	женѫ	землѭ
Т.	женоѭ	землеѭ
М.	женѣ	земли
З.	жено	землѥ
Дв.ч. И.В.З.	женѣ	земли
Р.М.	женоу	землю
Д.Т.	женама	землꙗма
Мн.ч. И.	жены	землѩ
Р.	женъ	земль
Д.	женамъ	землꙗмъ
В.	жены	землѩ
Т.	женами	землꙗми
М.	женахъ	землꙗхъ

Имена существительные, имевшие перед окончанием — „А“ согласные Ж, Ч, Ш, Щ, Ц. склонялись как земля, так как эти согласные первоначально были мягки.

И. душя	овця	притчя
Р. душя (юс м.)	овця (юс)	притчя (юс)
Д. души	овци	притчи

и т. д.

В таких именах существительных, как слуга, рука, сноха — согласные Г, К, Х перед ять изменялись в З, Ц, С: слузе, руце, сносе.

Формы типа **кость, путь**

Ед. ч.	И.	кость	путь
	Р.	кости	пути
	Д.	кости	пути
	В.	кость	путь
	Т.	костию	путьмь
	М.	кости	пути
	З.	кости	пути
Дв. ч.	И. В. З.	кости	пути
	Р. М.	костию	путию
	Д. Т.	костьма	путьма
Мн. ч.	И.	кости	путие
	Р.	кости (ьн)	путии
	Д.	костьм	путьм
	В.	кости	пути
	Т.	костьми	путьми
	М.	костьх	путьх

Здесь имена существительные женского рода отличаются от имен существительных мужского рода только в формах творительного падежа ед. числа и именит.— множ. числа.

Формы типа **камы, слово, мати**

Ед. ч.	И. З.	камы	слово	мати
	Р.	камении	словесе	матере
	Д.	камении	словеси	матери
	В.	камень	слово	матерь
	Т.	каменьмь	словесьмь	материю
	М.	камени (е)	словеси (е)	матери
Мн. ч.	И.	камение	словеса	матери
	Р.	камении	словес	матерлии
	Д.	каменьм	словесьм	матерьм
	В.	камении	словеса	матерли
	Т.	каменьми	словесы	матерьми
	М.	каменьх	словесьх	матерьх

Отличия старо-русского склонения от древне-славянского

Первоначально в русском языке было столько же различных видов склонения, сколько и в древнем церковнославянском, и в большинстве случаев — такие же окончания. Так, в древне-русских памятниках можно встретить форму творительного падежа множ. числа: мужи, порты, родит. падеж един. ч.: огни (огонь, как путь), дат. падеж множ. числа: волком, костем, местный падеж множ. числа: волцех, костех, дат. и местн. ед. числа: земли.

Вместо юса в окончаниях (жену) — в старо-русском языке издревле было У: жену, вместо Ы после Г, К, Х, явилось И (слуги вм. славянского слугы, рукы, снохы).

Кроме того, в старо-русском языке вместо юса в формах земля (родит. падеж ед. числа, именит. и винит. множ. ч.) и коня (винит. множ.) в русском было ять: земле, коне, овце.

б. Склонения кратких прилагательных

Краткие прилагательные в древнем славянском языке склонялись по формам именного склонения, т. е. по образцам; раб, жена, село или — мягкие, как: конь, земля, поле.

Твердые склонения

Ед. ч.	И.	новъ	нова	ново
	Р.	нова	новы	нова
	Д.	нову	нове	нову
	В.	новъ	нову (юс)	ново
	Т.	новомь	новою	новомь
	М.	нове	нове	нове и т. д.

Мягкие склонения

Ед. ч.	З.	синь	синя	сине
	Р.	синя	синя	синя
	Д.	синю	сини	сини
	В.	синь	синю	сине
	Т.	синьмь	синею	синьмь
	М.	сини	сини	сини и т. д.

в. Склонения кратких причастий

Ед. ч.	И.	несы	несущи	несы
	Р.	несущя	несущя (юс)	несущя
	Д.	несущу	несущи	несущу
	В.	несущь	несущу (юс)	несущь
	Т.	несущьмь	несущею	несущьмь
	М.	несущи	несущи	несущи
Дв. ч.	И. В. З.	несущя	несущи	несущи
	Р. М.	несущу	несущу	несущу
	Д. Т.	несущема	несущяма	несущема

Мн. ч.	И.	несуще	несущя (юс)	несуща
	Р.	несущь	несущь	несущь
	Д.	несущем	несущам	несущем
	В.	несущь (юс)	несущя (юс)	несуща
	Т.	несущи	несущями	несущи
	М.	несущих	несущях	несущих

г. Местоименное склонение

Местоимения личные и возвратные

Ед. ч.	И.	аз	ты	—
	Р.	мене	тебе	себе
	Д.	мне (ми)	тебе (ти)	себе (си)
	В.	мя	тя	ся
	Т.	мною	тобою	собою
	М.	мне	тебе	себе
Мн. ч.	И.	мы	вы	
	Р.	нас	вас	
	Д.	нам	вам	
	В.	ны	вы	
	Т.	нами	вами	
	М.	нас	вас	
Дв. ч.	И. В. З.	на	ва	
	Р. М.	наю	ваю	
	Д. Т.	нома	вама	

Собственно местоименное склонение

Собственно местоименное склонение характерно следующими особенностями: а) окончанием родит. падежа ед. числа на го; б) окончанием дат. пад. ед. числа муж и ср. родов на му; в) совпадением окончаний родит. и местн. падеж. множ. числа: тех, например:

	И.	тЪ (тот)	та	то
	Р.	того	тоя	того
	Д.	тому	тои	тому
	В.	тЪ	ту	то
	Т.	темь	тою	темь
	М.	томь	тои	темь
Множ. ч.	И.	ти	ты	та
	Р.	тех	тех	тех
	Д.	тем	тем	тем
	В.	ты	ты	та
	Т.	теми	теми	теми
	М.	тех	тех	тех

Склонение местоимения И., Я., Е.

Ед. ч.	И.	и (он)	я (она)	е (оно)
	Р.	его	ея	его
	Д.	ему	еи	ему
	В.	и	ю	е
	Т.	имь	ею	имь
	М.	емь	еи	емь

Мн. ч.	И.	и	я	я
	Р.	их	их	их
	Д.	им	им	им
	В.	я	я	я
	Т.	ими	ими	ими
	М.	их	их	их
		я	и	и
Дв. ч.	И. В. З.			
	Р. М.	ю	ею	ею
	Д. Т.	има	има	има

д. Сложное склонение

Формы сложного склонения образовались посредством сложения кратких прилагательных, причастий или некоторых местоимений с формами местоимения И, Я, Е, например:

женск. род: добра + я = добрая.

Но подобное механическое присоединение местоимения к краткому прилагательному возможно было далеко не всегда. В большинстве случаев при соединении местоимения с кратким прилагательным происходили разного сорта звуковые замены. Вот эти замены:

а) Уподобление гласных

1. Ъ, А, О перед И переходили в Ы, а Ь, Я, Е, перед тем же И переходили в И:

Ъ + И = ЫИ	Ь + И = ИИ
А + И = ЫИ	Я + И = ИИ
О + И = ЫИ	Е + И = ИИ

2. Е, находясь рядом с гласными: А, ОУ, И, уподобляется им вполне, а находясь рядом с гласными Я и Ю уподобляется им не вполне, а переходит в твердые А, ОУ:

А + Е = АА	Я + Е = ЯА
ОУ + Е = ОУОУ	Ю + Е = ЮУ
И + Е = ИИ	

б) Выпадение гласных

1. Е, находясь между двумя гласными, выпадает: нов-ые-я = новыя.

2. Е выпадает также и при стечении четырех гласных, при чем выпадает и еще одна из одинаковых гласных: нов-ою-ею = новою.

в) Выпадение слогов

Если окончание, состоящее из согласного звука с гласным, полным или глухим (Ъ, Ь), одинаково как в кратком прилагательном, так и в местоимении, — то первое из них выбрасывается и затем происходит уподобление гласных, стоящих рядом, например:

нов-Ъмь-имь - нов-Ъ-имь = новыимь
син-яхЪ-ихЪ = син-я-их = синиихЪ

Вот образец склонения полных прилагательных:

г) Твердое склонение

	Муж. род	Женск. род
Ед. ч. И.	добрЪ-и = добрыи	добра-я = добрая
Р.	добра-его = добрааго	добры-ея = добрыя
Д.	добру-ему = добрууму	добре-еи = добреи
В.	добрЪ-и = добрыи	добру-ю = добрую
Т.	добромь-имь = добрыимь	доброю-ею = доброю
М.	добре-емь = добреемь	добре-еи = добреи
Мн. ч. И.	добри-и = добрии	добры-я = добрыя
Р.	добрЪ-их = добрыих	добрЪ-их = добрыих
Д.	добром-им = добрыим	добрам-им = добрыим
В.	добры-я = добрыя	добры-я = добрыя
Т.	добры-ими = добрыми	добрами-ими = добрыими
М.	добрех-их = добрыих	добрах-их = добрыих

е. **Формы спряжения** (Глагол)

Древний церковно-славянский язык имел весьма сложную систему глагольных форм. В этой системе были формы вида, залога, наклонения, времени, лица и числа. Видов различалось четыре; однократный (крикнуть, дунуть), многократный (кидывать, дирать), несовершенный (ловить, горевать, клевать) и совершенный (пустить, заявить). Залогов было два: действительный и страдательный. Наклонений насчитывалось пять; неопределенное, достигательное, изъявительное, сослагательное и повелительное; чисел три: единственное, множественное и двойственное.

Классы глаголов. Все глаголы древнего церковно-славянского языка, а также и глаголы старо-русского языка распадались на два класса: а) глаголы нетематического спряжения, у которых окончания личных форм настоящего времени присоединялись непосредственно к корню и которых было всего пять: есмь, емь, дамь, вемь, имамь; б) глаголы тематического спряжения, у которых перед окончанием личных форм настоящего времени (кроме 1-го лица ед. и 3 лица мн. ч.) являлись гласные Е или И (ведеши), хвалиши. В зависимости от этой особенности в глаголах тематического спряжения следует различать два спряжения: первое с гласным Е и второе с гласным И.

При образовании глагольных форм необходимо уметь различать две основы: основу неопределенного наклонения и основу настоящего времени. Основой неопределенного наклонения принято называть ту часть глагола, которая остается после отбрасывания окончания неопределенного наклонения — ТИ, напр: писати — писа, нес-

ти — нес. Основой же настоящего времени называется форма настоящего времени без личного окончания, напр.: несу — нес, стану — стан, зову — зов, беру — бер.

От основы настоящего времени образовывались: настоящее время, повелительное наклонение и причастия настоящего времени. От основы неопределенного наклонения образовывались аорист, преходящее время, неопределенное наклонение, достигательное наклонение и причастия прошедшего времени.

Настоящее время. Формы настоящего времени тематического и нетематического спряжения, сравнительно с старорусским языком, можно увидеть из следующей таблицы.

Число	Лица	Нетематическое спряжение	Тематическое спряжение	Старорусское спряжение
Ед. ч.	1	мь	у ю	у ю
	2	си	ши	шь
	3	т	т	ть
Дв. ч.	1	ве	ве	
	1—3	та	ва	
М. ч.	1	м	м	м
	2	те	те	те
	3	ут ят ют ят	ут ят ют ят	уть ать ють ять

В форме 2 лица ед. числа в старо-русском языке было окончание ШЬ, вместо древне-славянского ШИ (ср. смягчение С в Ш); несеши — несешь.

Формы 3 лица ед. и множ. чисел в древнеславянском языке имели окончание Т. В старо-русском языке эти формы оканчивались на ть. Так в древне-славянском было: несет' несут, а в старо-русском — несеть, несуть. И только с XIII в. в северных рукописях начинают попадаться формы настоящего времени с окончанием на Т твердое.

Образец спряжения в настоящем времени

		Нетематическое			Тематическое
Ед. ч.	1	есмь	дамь	ямь	несу
	2	еси	даси	яси	несеши
	3	ест	даст	яст	несет
Дв. ч.	1	есве	даве	яве	несеве
	2—3	еста	даста	яста	несеста
Мн. ч.	1	есмы	дам	ям	несем
	2	есте	дасте	ясте	несете
	3	сут	дадят	ядят	несут

Будущее время. Древний церковно-славянский язык знал две формы будущего времени: простое и сложное. Будущее простое получалось от глаголов совершенного вида, а сложное от глаголов несовершенного вида.

а) Будущее простое. Это время получалось от глаголов совершенного вида так же, как и настоящее время от глаголов несовершенного вида. Примеры:

		Настоящее вр.	Будущее вр.
Ед. ч.	1	несу	призову
	2	несеши	„ ешн
	3	несет	„ ет
Дв. ч.	1	несеве (ять)	„ ете
	2-3	несета	„ ева
Мн. ч.	1	несем	„ ем
	2	несете	„ ете
	3	несут	„ ут

Здесь формы настоящего времени от глагола нести и формы будущего простого от глагола призвати—одинаковы, разница между ними только видовая. На этом основании глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени, а глаголы несовершенного вида не имеют будущего времени.

б) Будущее сложное. Формы будущего сложного в древнем славянском языке образовались из форм будущего простого от глагола быти и неопределенного наклонения глаголов несовершенного вида. Примеры: буду писати, будеши писати, будет писати и т. д.

В будущем сложном, в качестве вспомогательного глагола, кроме формы буду, употреблялись и другие глаголы, как: имамь, хощу, начну, стану, напр.;

начну
хощу } творити
имам

Прошедшее время. В древнем церковно-славянском языке прошедшее время имело несколько форм, а именно: аорист, преходящее и прошедшее сложное.

Форма аориста показывала действие, совершившееся в прошлом, а форма преходящего — то же самое, но еще значило и то, что действие было длительное. Форма сложного прошедшего обозначала действие, совершившееся очень давно.

Аорист. Формы аориста образовались от основы неопределенного наклонения через прибавку к ней следующих окончаний:

Число	Лицо	Если основа неопределенного наклонения оканчивалась гласным звуком	Если основа неопределенного наклонения оканчивалась согласным звуком
Ед. ч.	1 2 3	х — —	о-хЪ е е
Дв. ч.	1 2-3	хове ста	охове оста
Мн. ч.	1 2 3	хом сте ша	охом осте оша

Примеры:

быти—бых нести—несох
делати—делах плести—плетох
реши—рекох

Образец спряжения аориста

Ед. ч.	1. Бых	несох	писах
	2. бы	несе	писа
	3. бы	несе	писа
Дв. ч.	1. быхове	несохове	писахове
	2—3. быста	несоста	писаста
Мн. ч.	1. быхом	несохом	писахом
	2. бысте	не осте	писасте
	3. быша	несоша	писаша

Преходящее время (imperfectum) образовывалось тоже от основы неопределенного наклонения и тоже через прибавку окончания х, но признак этот в преходящем времени всегда присоединялся при помощи соединительных гласных: а, аа, еа, (ять), а именно:

Если основа неопределенного наклонения оканчивалась на а, я, ять, то для образования основы преходящего времени употреблялся звук а:

писати—писаах
видети—виде-а-х (слог „де“—через ять)
прославляти—прославля-а-х

Если же основа неопределенного наклонения оканчивалась на И, то для образования основы преходящего времени употреблялись соединительные гласные—аа, при чем первое а, соединяясь с предыдущим И, давало я:

хвали-ти=хвали-аа-х=хваляах
моли-ти=моли-аа-х=моляах

Наконец, если основа неопределенного наклонения оканчивалась согласным звуком (кроме заднеязычного), то для образования основы преходящего времени употреблялись соединительные гласные еа. Но если основа неопределенного наклонения оканчивалась заднеязычным звуком (Г, К, Х), то при образовании основы преходящего времени звук смягчался в соответствующий шипящий, и признак Х присоединялся при помощи соединительных гласных аа:

нести=нес-еа-х (слог „се“ через ять)
мощи (мог-ти)=мож-аа-х
тещи (тек-ти)=теч-аа-х.

Образец спряжения преходящего времени сравнительно с аористом:

Число	Лицо	Аорист	Преходящее время
Ед. ч.	1	знах	знаах
	2	зна	знааше
	3	зна	знааше
Дв. ч.	1	знахове	знаахове
	2—3	знаста	знааста
Мн. ч.	1	знахом	знаахом
	2	знасте	знаасте
	3	знаша	знааху

Приведенные примеры показывают, что во 2 и 3 лице ед. числа преходящего времени признак прошедшего времени, т. е. Х не отбрасывается, как у аориста, а остается, при чем к нему прибавляется звук Е, перед которым он (Х) переходит в Ш.

В третьем лице множ. числа преходящего времени окончание не А, как у аориста, а У.

Сложные формы прошедшего времени представляли собою соединение вспомогательного глагола быти и особого причастия. Это особое причастие образо-

валось от основы неопределенного наклонения с помощью суффикса Л и родовых окончаний Ъ, А, О. Глагол быти спрягался, а причастие на Л не изменялось, а имело лишь формы именительного падежа для всех родов и чисел, например:

Число	Муж. р.	Женск. р.	Средн. р.
Ед. ч.	писал несл пекл	писала несла пекла	писало несло пекло
Мн. ч.	писали несли пекли	писалы неслы пеклы	писала несла пекла

Сложных форм прошедшего времени в древнем славянском языке было две: прошедшее совершенное и давнопрошедшее.

а) Прошедшее совершенное (perfectum) обозначало действие законченное, уже совершившееся. Оно состояло из соединения форм настоящего времени от глагола быти и причастия с окончанием на Л, например:

Ед. ч. 1. есмь, 2. еси, 3. ест } пел, пела, пело

Мн. ч. 1. есмы, 2. есте, 3. сут } пели, пелы, пела

Дв. ч. 1. есве, 2—3. еста } пела, пеле, пеле

б) Давнопрошедшее время (plusquamperfectum) обозначало действие совершившееся в более или менее отдаленном прошлом. Оно складывалось из форм преходящего времени от глагола быти и причастия с окончанием на Л, напр.: творил беах или творил бех.

Ед. ч. 1. беах, 2. беаше, 3. беаще } творил, а, о

Мн. ч. 1. беахом, 2. беасте, 3. беаху } творили, ы, а

Дв. ч. 1. беахове, 2—3. беаста } творила, е

Сослагательное наклонение получалось из соединения причастия на Л и аориста от глагола быти, например:

Ед. ч.	1.	читал, а, о	бых
	2.	„	бы
	3.	„	бы
Дв. ч.	1.	читала, е	быхове
	2—3.	„	быста
Мн. ч.	1.	читали, ы, а	быхом
	2.	„	быcте
	3.	„	быша

Неопределенное наклонение в древнем церковно-славянском языке оканчивалось на ТИ, ЩИ, напр.: делати, пещи.

Достигательное наклонение производилось от неопределенного наклонения, через перемену окончания ТИ на окончание ТЪ, напр.; сеяти — сеат; гонити — гонит. Это наклонение выражало твердое намерение говорящего достигнуть своей цели.

ж) Причастия

Кроме причастий с окончанием на Л, т. е. несклоняемых, в древне церковно-славянском языке были еще склоняемые причастия, а именно: причастия настоящего и прошедшего времени действительного залога и причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога. Все эти причастия имели краткие и полные формы.

Причастия настоящего времени действительного залога образовались так: к основе настоящего времени присоединяли суффиксы причастия:

ущ или ющ—для глаголов 1 спряж.
ащ или ящ—для глаголов 2 спряж.

Например:

Основа наст. вр. нес (у), дела (ю)
Основа причаст. нес-ущ, дела-ющ

Форма именит. падежа единств. числа для муж. и ср. рода оканчивалась на Я или Ы, причем окончания Я присоединялись прямо к основе настоящего времени во всех глаголах, кроме первообразных, с основной на согласный звук. Эти последние имели окончание Ы. Окончание им. п. женск. рода было И и присоединялось к причастной основе, например:

Основа причастия	Имен. п. м. р.	Именит. п. жен. р.	Имен. п. ср. р.
дела-ющ нес-ущ плет-ущ	дела-я нес-ы плет-ы	дела-ющ-и нес-ущ-и плет-ущ-и	дела-я нес-ы плет-ы

Краткие причастия склонялись по именному склонению. Образец склонения смотри выше.

Полные формы причастий получались таким же образом, как и полные прилагательные, т. е. при помощи прибавки местоимения Й, Я, Е к краткому причастию, например:

Муж. р. делая-и несы-и
Жен. р. делающи-я несущи-я
Ср. р. делающе-е несуще-е

Причастия прошедшего времени действительного залога образовывались от основы неопределенного наклонения с помощью суффиксов: ЪШ, ВЪШ, например:

Основа неопр. накл.	нес-ти	вести	делати
Основа причастия	нес-ЪШи,	вед-Ъши	дела-вЪши

В именительном падеже ед. числа муж. и средн. рода, как и в причастии настоящего времени, суффикс причастия теряет свой шипящий звук, и остается только один соединительный звук, а именно Ъ для основ на согласный или ВЪ для основ на гласный, например:

Основы причаст. прош. времени	Имен п. муж. р.	Именит. п. жен. р.	Имен. п. ср. р.
нес-Ъш дела-вЪш	несЪ дела-вЪ	нес-Ъш-и дела-вЪш-и	нес делав

Полные формы причастий прошедшего времени образовались аналогично полным формам причастий настоящего времени (см. сложные формы), например:

несЪ и — несы: несыи: несши-я; несЪше-е

Отличия старо-русского языка от древнего церковно-славянского в формах.

Как видно из предшествующего изложения, главные отличия старо русского языка от древнего церковно-славянского языка в морфологии заключались в следующем:

1. Окончание ять в род. ед. числа женского рода, им., вин. мн. числа женского рода, вин. мн. ч. муж. рода

в именах, местоимениях и прилагательных,— в соответствии древне церковно-славянскому—малому юсу.

Окончания род. пад. ед. числа муж. и ср.р. сложного склонения—ОГО, ЕГО в соответствии древне церковно-славянскому АГО (ЯГО).

3. Окончания дат. падежа ед. ч. муж. и ср. рода того же склонения—ОМУ, ЕМУ, вместо ц-слав. УМУ, ЮМУ.

4. Окончание 3 л. ед. и мн. числа наст. времени ТЬ в соответствии древне-церковно-славянскому—ТЪ.

Д. Главные особенности древнего церковно-славянского синтаксиса

В области синтаксиса древний славянский язык имел целый ряд особенностей. Вот наиболее важные из них:

1. Местный падеж для обозначения места или времени в церковно-славянском предложении стоял без предлога, например: „и исцеле отрокЪ томь часе“.

2. Иногда для обозначения времени употреблялся творит. падеж: „треми деньми создати ю“ (три дня).

3. После глаголов, обозначающих движение, как ИТИ, ставилась вместо неопределенного наклонения форма достигательного наклонения: иду ловит рыбу.

4. Под влиянием греческого языка, с которого переведены были религиозные книги на славянский язык, встречалось соединение винит. падежа с неопределенной формой: „кого глаголют мя человеци быти“ (за кого меня считают люди).

5. При подлежащем в единств. числе допускалось сказуемое во множ. числе, если подлежащее было имя собирательное „многнарод по нем идоша“.

6. Для выражения придаточных предложений времени употреблялся дательный самостоятельный (соединение дательного падежа имени с причастием, с ним согласованным). Пример: „Обладающу понтийскуому Пилату“ (Когда правил понтийский Пилат).

Е. Лексика древнего церковно-славянского языка

В конце IX и в начале X в. Болгария пережила эпоху расцвета своей литературы, так называемый „золотой век“. В это время болгарский царь Симеон Борисович собрал вокруг себя значительную группу переводчиков с греческого языка, и те—отчасти по собственной инициативе и отчасти по предложению своего патрона—перевели с греческого языка на болгарский огромное число книг. В это именно время в Болгарии появились в полном составе

книги христианского священного писания, сочинения греческих церковных публицистов: Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина и др.: греческий номоканон; 12 книг четиих миней, ряд апокрифов, патериков; два обширных хронографа: Георгия Амартола и Иоанна Малалы и т. д. Благодаря всем этим переводным произведениям с греческого языка и отчасти произведениям оригинального болгарского творчества, язык болгарский стал литературным языком, достаточно богатым словами и оборотами для отражения мировоззрения и настроений эпохи. Характерной особенностью болгарского языка было отсутствие полногласия, например, слова: глава, бремя, плен, гражданин и т. д. Вторым признаком болгаризмов было в словах наличие звукосочетаний — ЖД и ШТ, например: рождество, вождь, ношть, пещера, пища и т. п.

Под влиянием переводов византийского творчества болгарский язык воспринял много слов греческих. Среди грецизмов на первом месте стояли слова религиозного уклона: евангелие, апостол, икона, епископ, иерей, литургия, елей, игумен, ангел, демон, дьявол, идол. Из Греции пришло значительное количество слов культурных, как: грамматика, тетрадь, стих и т. д.

Таков был болгарский язык в эпоху принятия Киевской Русью христианства. Этот язык, будучи пересажен на Русь, конечно, мог оказать свое влияние на развитие старинного русского литературного языка.

3. Изменения в старо-русском письменном языке в XI—XIV вв.

Период времени с XI по XIV вв. в истории характеризуется, как эпоха наибольшего расцвета древне-русской демократии. В эту эпоху вся древняя Русь делилась на области или волости. Во главе каждой области был областной город. Полнота власти в таком областном центре принадлежала вече, т. е. собранию всех политически свободных граждан города, его пригородов и даже области, но в первую очередь той части граждан, которая была связана с торговлей. Наибольшим влиянием на вече в XI—XII вв. пользовались „именитые купцы". В это время городское вече приобрело настолько большую политическую значимость, что князья принуждены были с ним считаться: входить в сделки, заключать договоры. В связи с таким усилением городской демократии в литературном языке

областных центров мы впервые замечаем отчетливую тенденцию к обрусению его.

Осознание различия между древне-болгарским и русским языками началось еще в XI в., повидимому, с констатирования разницы в чтении большого и малого юсов по-болгарски и по-русски и одновременно с установления того факта, что в старо-русском языке с конца X в. уже не существовало носортовых звуков. На этом основании русские древние писцы смотрели на юсы только как на графическую разновидность букв: У, Ю, А, Я. Мысль о тождестве юсов-букв, с одной стороны, и букв У, Ю, А, Я, с другой,—была знакома самым ранним русским грамотеям и среди них копировщику „Остромирова евангелия" диакону Григорию, второму переписчику этого евангелия и орнаментатору его, а также писцу „Сборника Святослава" 1073 г. дьяку Иоанну, и лишь обаяние древнеболгарской церковной традиции помешало им наотрез отказаться от употребления юсов. Боясь устранением юсов нарушить „идеальную точность религиозных истин", древние писцы остановились на полудороге—на смешении юсов с соответствующими русскими буквами. Так, копируя текст, они с менее обостренным вниманием относились к юсам и позволяли себе в ряде случаев заменять их иными буквенными эквивалентами. Примеров смешения юсов с У, Ю, А, Я мы находим достаточно уже в Остромировом евангелии и Сборниках Святослава:

(См. табл. на обороте)

Та же обрусительная тенденция сказывается в постановке глухого перед плавным (в ъ л к ъ вм. болгарского в л ъ к), в употреблении в письменном языке полногласных форм (В о л о д и м и р) и согласных Ж, Ч на месте древнеболгарских ЖД и ШТ (в о ж д ь—в о ж а, н о ш т ь—н о ч ь), ряд морфологических и диалектических особенностей русского языка и т. д. Все это показывает, что русский язык в XI—XIII вв. отражал идеологию прогрессивного общественного строя, идеологию той части населения, которая была связана с торговлей.

Круг лиц, пользовавшихся письменным языком в XI—XIII вв. был очень узок. Т о г д а г р а м о т н о с т ь б ы л а у д е л о м б у к в а л ь н о д л я е д и н и ц—т о л ь к о д л я п р е д с т а в и т е л е й х р и с т и а н с к о г о д у х о в е н с т в а и л и ш ь д л я о ч е н ь н е м н о г и х ч л е н о в к н я ж е с к и х и б о я р с к и х с е м е й с т в, напр: Владимир Мономах — XII, Евфросиния Полоцкая — XII, Даниил Заточник — XII, Владимир Волынский — XIII в.

а/ смешивание юсов с У, Ю:

купѣли вм. кѫпѣли.

исцѣлю вм. исцѣлѭ.

вѣру вм. вѣрѫ.

пишю вм. пишѭ.

мудрости вм. мѫдрости.

суд вм. сѫд.

и т.д.

б/ смешивание юсов с Я:

язык вм. ѧзык

моря вм. морѧ

моя вм. моѧ

другая вм. другаѩ

и т.д..

Изменения в звуковой стороне русского языка с XI в.

Перечисленные выше особенности старо-русского яыка XI в. сохраняются в нем до наших дней и отличают русский язык от всех прочих славянских языков.

После XI в. русский язык продолжает изменяться во всем своем составе, т. е. и в звуках, и в формах, и в синтаксисе, и словаре.

Важнейшие фонетические изменения, происходившие в старорусском языке с XI в., были таковы:

Глухие гласные. Буквы Ъ и Ь в древне-славянском языке обозначали особые гласные звуки, а не только твердость или мягкость предыдущего согласного, как в русском языке до его последней орфографической реформы. Акустически эти звуки мы называем глухими, т. е. неясными; физиологически же их Фортунатов наименовал иррациональными, т. е. не поддающимися измерению или определению.

Звук, обозначаемый буквой Ъ, приближался к О, но не был тождественен с ним: он произносился глуше и кратче. Звук, передаваемый Ь, первоначально был близок к Е, но произносился тоже как-то глухо и кратко. Все это ясно из следующего: 1) В древних славянских рукописях находим такие слова, как сън, лъбъ, дьнъ, тъпътъ. В этих словах никаких других гласных, кроме Ъ и Ь, нет, и слова эти невозможно прочитать, если не допустить, что они обозначают гласные звуки. 2) В родственных языках этим Ъ и Ь соответствуют гласные. Так, древне-болгарскому Ъ соответствует санскритское, латинское и литовское У, например: древне-болгарск. дошти (родит. дъштере), санскр. Duhitar, литовский duhter, др.-болгарск. мъхъ, лат. muscus др. болгарское снъха, лат. nurus. Древне-болгарскому Ь в других языках обыкновенно соответствует санскритское, греческое, латинское и литовское I. Примеры: болгарск. есмь, санскр. asmi, греческ. eimi, лит. esmi, болгарское огонь, санскр. agni, лат. ignis, лит. ugni, болгарск. вьдова, лат. vidua; болгарск. льнъ, лат. linum, 3). В древних нотных книгах под Ъ и Ь стоят нотные знаки, при чем эти Ъ и Ь под нотными крюками повторяются по несколько раз, как гласные, которые можно тянуть голосом, напр: „бъъъгъ гъъспъъдь...

Эти глухие гласные Ъ и Ь были в глубокой древности и в русском языке, но затем в одних случаях они исчезли бесследно, а в других изменились: Ъ в О, а Ь в Е. Так уже в рукописях XI века мы в одних случаях находим начертания: сънъ—съна, дьнь—дьня, къто, чьто, мъного, кънига, а в других—сон—сна, день—дня, кто, что, много, книга.

Когда же Ъ и Ь могли исчезать из произношения и когда изменялись в О и Е?

Если Ъ и Ь были под ударением, то они выпадать не могли, а переходили в О, Е, например: дъскы дало в русском языке доски.

Если в ударенном слоге глухой переходил в О или Е, то в соседнем, крайнем слоге второй глухой исчезал, например: из старых слов сънъ, лъбъ, льнъ—получились слова сон, лоб, лен.

Если глухой звук прояснялся в О или Е в конечном слоге, то точно также исчезал второй глухой в предшествующем слоге, например из старых слов: лъба, отьца, овьце, късто, чьто образовались слова: лба, отца, овце, кто, что.

Примечание: В слове тьмьно ударение было на последнем слоге, и глухой после М исчез, а глухой после Т, хотя и не под ударением не мог выпасть, так как в следующем слоге пропал Ь, а перешел в Е: темно. В слове ръпът ударение было на первом слоге; конечный глухой исчез, средний не мог исчезнуть, а перешел в О, а первый тоже усилился в О, так как находился в ударенном слоге: ропот.

Важнейшие следствия исчезновения глухих в русском языке

В результате выпадения глухих Ъ и Ь в русском языке получился ряд последствий, а именно:

а) Так как глухие Ъ и Ь были гласными звуками, то, следовательно, до их выпадения в старо-русском языке все слова оканчивались на гласный звук. После же исчезновения глухих в русском языке появились слова с окончанием и на согласный звук.

б) В связи с выпадением глухих в ряде слов сократилось количество слогов. Такие слова, как: сънъ, лъб, льнъ, дьнь, вьсь — были двухсложными; после же исчезновения Ъ и Ь стали односложными, при чем глухой в средине этих слов прояснился в полный гласный звук: О или Е: сон, лоб, лен, день, весь. (В последних двух словах Ь обозначает мягость предшествующего согласного, но сам по себе роли звука не имеет).

в) В связи с переходом глухих в О или Е в русском языке появились беглые гласные. Беглыми гласными мы называем звуки О и Е, которые произносятся в ударенных слогах в именительном падеже и исчезают в косвенных падежах: сон — сна, день — дня, лоб — лба, конец—конца. Таким образом, наличность в слове беглых звуков может служить указанием на то, что в старо-русском языке на месте беглых О и Е были глухие Ъ и Ь.

г) Далее, вследствие исчезновения глухих, смежные согласные, очутившись в непосредственном соседстве, подверглись различным изменениям. Так, согласные глухие, оказавшись перед звонкими, уподобились этим последним, т. е. сами стали звонкими, например, старые слова: къде, съде, съдрав, просьба — произношении изменились в слова: где, здесь, здрав, просьба. И, наоборот, согласные звонкие, придя в соприкосновение с согласными глухими, сами — в разговорном языке — сделались тоже

глухими: голубка, дудка стали произноситься голупка, дутка.

д) Следствием отпадения глухих в конце слов было превращение конечных звонких согласных в глухие, так получились в живом говоре слова: дуп, хлеп, крофь, здороф и т. п.

Переход Е в О (ё). В том же XII в. начался переход Е в О (ё). Такой переход Е в О (ё) наблюдался в ударенных слогах и обязательно перед твердыми согласными, например: елка, мед, жены, пришел. В слогах же ударенных, но перед мягкой согласной Е в О (ё) не переходило: ель, весь. Конечное Е под ударением точно так же произносилось, как Ё, например: еще, все. Указанный переход Е в О совершался во всех случаях, если это Е было в ударенном слоге перед твердым согласным или на конце. Исключения из этого правила, пока оно действовало в языке, только кажущиеся. Так:

В словах дело, победа и т. п.—Е в О не перешло, так как здесь в ударенном слоге был не Е, а ять. Звук же, обозначаемый буквой ять, произносился несколько иначе, чем краткое Е.

В словах—отец, купец, деревенский—Е не перешло в О, так как согласные звуки Ц и Н в эпоху действия упомянутого фонетического правила были мягки.

В словах: небо, крест, надежда, аптека, карета Е в О не перешло по той причине, что эти слова не русского языка.

Второе полногласие состоит в написании двух глухих по обе стороны плавного Л или Р, т. е. ЪРЪ, ЬРЬ, ЪЛЪ, ЬЛЬ, вместо древне-славянских начертаний; согласный плюс РЪ, ЛЪ (а раньше ЪР, ЪЛ, ЬЛ плюс согласный). Примеры: мълънии, скъръбь, съмьрьть, испълън и мн. др. Следы второго полногласия встречаются и в современных диалектах: молонья, солоноворот, колобок, смеретушка, верех. Честь открытия второго полногласия принадлежит Потебне.

Изменения в морфологии русского языка в XI—XIV вв.

Древний церковно-славянский язык, а равно и русский до XI в. был богат морфологическими формами. В рассматриваемую же эпоху это древнее морфологическое богатство старо-русского языка мало-по-малу исчезает: число склонений сокращается, меньше становится падежей, времен, чисел, наклонений и т. п.

Рукописи XI в. в отношении новизны форм русского литературного языка дают нам очень мало. Но это и понятно, так как наши ранние писцы, копировавшие первые

книги, старались списывать текст возможно точнее и не допускать никаких отклонений от традиций. По этой причине в области форм XI в. мы можем указать только два момента, а именно: причастие прошедшего времени на Л без вспомогательного глагола в надписи на Тмутараканском камне 1068 г. („Глеб князь мерил море") и окончание дательного падежа имен прилагательных на ОМУ и ЕМУ в Сборнике Святослава 1073 и 1076 гг.

XII в. и начало XIII — являются временем переходным от копирования чужого текста к составлению оригинальных русских произведений. Именно в этот век создаются такие памятники, как начальная летопись, Поучение Владимира Мономаха, Хождение игумена Даниила, Моление Даниила Заточника, Слово о полку Игореве и др. Продолжалась в это время, конечно, и переводная деятельность. Такое развитие оригинальной литературы в XII—XIII вв. несомненно отразилось и на развитии русского литературного языка. Но о том, каков был литературный язык в подлинных текстах указанных произведений, мы не знаем, так как все они до нас дошли не в оригиналах, а в копиях XIV—XVI вв. Для историка языка это — огромная потеря.

Приходится поэтому ограничиваться лишь тем материалом, который сохранился. Этот материал однако довольно многочисленный и разнообразный. Кроме религиозных книг, у нас есть еще произведения публицистические, юридические, житийные. Сверх того, от конца XII и начала XIII в. мы имеем четыре грамоты: Мстислава Владимировича от 1130 г., старца Варлаама Хутынского и две договорных грамоты князя Мстислава Смоленского с Ригою 1229 и 1230 г. Согласно указанным источникам, в морфологии старо-русского языка мы наблюдаем следующие новшества:

В именах существительных

а) В X—XI в. для имен существительных с основой на твердый согласный звук в старо-русском языке существовало два типа склонения: раб и сын. Но уже в XI в. оба эти типа начали смешиваться. Если мы обратимся за справкой к грамотам, то там увидим, что имен, которые склонялись по образцу сын, было очень мало и что эти имена стали терять свои окончания, повидимому, еще в XI в., но в то же время имена типа раб стали принимать окончания имени сын, например: мед, дом, лен. В сборнике Святослава 1073 г. мы находим: от льну, вместо от льна; в смоленской грамоте 1230 г.: богови, вместо богу; в ряде других документов XII—XIII века встречается: на воску, на снегу, в пиру, вместо традиционных с окон-

чанием на букву ять: на восце, на снезе, в пире. Таким образом, путаница в формах типов раб и сын, начавшись как зародыш новшества в XI — XII в. дала новый тип склонения слов мужеского рода, в котором перевес получили формы типа раб.

Склонение имен существительных типа сын в современном русском языке забыто, но следы его в ряде слов остались в качестве вторых форм, а именно: а) в родительном падеже единственного числа остается флексия У (ю), например: чаю, сахару, песку.

В предложном падеже единственного числа, рядом с окончанием Е, живет под ударением старое окончание У: в лесу, в углу, в саду, на верху.

С XIII в. начинает обнаруживаться различие в формах винительного падежа между „одушевленными“ и „неодушевленными“ именами существительными. Обычно форма одушевленных имен сходствует с формой родительного падежа, а форма неодушевленных имен — с формой именительного падежа.

В именительном падеже множественного числа окончание ОВЕ исчезло, заменившись формой винительного падежа. На этом основании теперь мы, вместо раби и сынове, говорим: рабы, роды, сады.

Для родительного падежа множественного числа сохранились обе старые формы: одни имена имеют окончание ОВ, например: рабов, столов, а другие не имеют окончаний, так как окончание Ъ исчезло: много глаз, сколько раз.

Формы двойственного числа слов сын и раб различались, но потом они в русском языке исчезли. Уже в грамотах XIII в. встречаем формы множественного числа вместо двойственного: „помози рабом своим Ивану и Олексию“ (вместо рабома своима).

Типы окончания имен существительных конь и гость точно также в старо-русском языке существовали, как разные склонения, но уже в XII веке они обнаруживают тенденцию к объединению, а именно: слова типа конь начинают принимать окончания от склонения типа гость. Так, в творительном падеже множественного числа, вместо старых форм: мужи, мечи, мы встречаем формы мужьми, мечьми, как гостьми. В результате смешения форм конь и гость со временем выработался новый тип склонения, при чем в этом новом типе преимущество получили окончания склонения конь. Такие слова, как зять, гвоздь, зверь, огонь и т. п. изменяются, как конь, с очень малыми отступлениями, а именно: а) старая форма местного падежа кони замени-

лась в современном языке формой коне (на коне). Эта замена произошла по примеру: рабе (о рабе). б) В родительном падеже множ. числа берется форма от типа гость: гостей, зверей, гвоздей, коней.

в) Склонение типа камы совсем исчезло. В именительном падеже, вместо формы камы, пламы, стала употребляться форма винительного падежа: камень, пламень. В остальных падежах эти слова приняли формы склонения конь (камень, камня, камню).

г) Тип склонения слово — словесе и т. д. (небо, чудо) исчез. В современном языке эти слова мы изменяем по образцу: село, села, селу.

д) Имена существительные женского рода сохранили свое склонение лучше других. Так, в склонении типа жена, рыба, вода, т. е. с твердой основой, не изменилось ничего. В словах же с основой на мягкий согласный звук, как земля, старо-русский язык отличался тем, что в родительном падеже единств. числа, именительном и винительном множ. числа на конце было ять: на земле. Это старое окончание исчезло под влиянием формы типа жена: жены, жене — с смягченным окончанием: земли, земле. Наоборот, в дательном и предложном падежах появилась форма земле. Двойственное число имен существительных женского рода тоже утратилось.

е) В склонении типа кость не произошло значительных изменений. Только вместо старых форм: костем, костьми, костех, мы имеем: костям, костями, о костях. Это произошло по образцу форм: женам, рыбам, женами, рыбами, о женах, о рыбах.

ж) В старо-русском языке перед падежными окончаниями ЯТЬ и И вместо заднеязычных звуков Г, К, Х, произносились свистящие — З, С, Ц, например: нога — нозе, нози; рука — руце, руци; дух — дусе, дуси. Но с XIII в. упомянутые звуки Г, К, Х, перестали изменяться: в результате получились формы: рука — руке, руки, нога — ноге, ноги, дух — духи.

С того же XIII в. сочетания ГЫ, КЫ, ХЫ начинают иногда заменяться сочетаниями ГИ, КИ, ХИ: Киев вместо Кыев, паволоки вместо паволокы, гибель вместо гыбель и т. п.

з) Наконец, имена существительные мужеского рода в именительном падеже оканчиваются на Ы и И: рабы, кони, роды, враги. Однако, некоторые имена мужеского рода имеют окончания А, Я: города, леса, учителя, профессора и т. п. с ударением на конце слова. Ряд других имен имеют окончания на ЬЯ: кумовья, зятья, шурья, дядья и т. д. Исторически указанные

формы появились так. В древности некоторые из этих форм были окончаниями именительного падежа двойственного числа: берега, бока (т. е. два берега, два бока): когда же двойственное число утратилось, формы эти получили значение множественного числа.

и) Формы звательного падежа в рассматриваемую эпоху утратились во всех оставшихся типах склонения.

В именах прилагательных

В склонении имен прилагательных произошли небольшие изменения: а) форма родительного падежа единственного числа мужеского рода и среднего рода на АГО заменилась в старо-русском языке формой на ОГО, ЕГО, например: нового, доброго, синего; б) форма дательного падежа единств. числа мужеского рода на УМУ заменилась формой ОМУ, ЕМУ: доброму, синему; в) вместо формы дат. и местного падежа единств. числа женского рода ЕИ, ИИ явилась новая форма ОЙ, ЕЙ: доброй, синей. Все эти новые формы получились по образцу местоименных склонений: того, его, тому, ему, той, ей.

В глаголах

а) В древне-славянском языке, а также и в старорусском неопределенное наклонение оканчивалось на ТИ или ЧИ: нести, брати, ржати, пекчи, лехчи. В древних памятниках формы на ТЬ и ЧЬ встречаются редко. Чем более памятники приближаются к XV в., тем чаще попадаются формы на ТЬ. Но тем не менее формы на ТИ еще не редкость в памятниках даже XVII в. (Соболевский). В современном языке формы неопределенного наклонения на ТИ редки и являются только тогда, когда ударение стоит на конечном И: нести, везти, вести, итти. Что же касается форм на ЧИ, то те совсем редки и должны быть рассматриваемы, как архаизмы, например: печи (пироги).

б) Утрата форм аориста и преходящего времени. Формы аориста и преходящего времени были свойственны не только древне-славянскому языку, но и старо-русскому. Однако, в старо-русском языке эти формы, по мнению Е. С. Истриной, не имели такого последовательного употребления, как в славянском. В русских грамотах они употреблялись редко и совсем исчезли на русской почве не позднее XV в. У А. И. Соболевского по поставленному вопросу в новгородской грамоте 1262—1263 гг. встречаем слова: отложихом, докончахом,

поставихом; в духовной новгородца Климента XIII в.: написах; в духовной Ивана Калиты. написах (Лекции по ист. русс. яз., изд. 1907 г., стр. 234—235). В соловецких и лодомских грамотах XV в. находим слова: се купи, се дах. Но одновременно с употреблением аориста в одних документах мы находим полное отсутствие его в других. Так, в грамоте Мстислава 1130 г. не видим ни одного аориста, но зато на месте его замечаем формы прошедшего совершенного времени, например: дал есмь, повелел есмь. Повидимому, в употреблении аориста начались перебои с XII в., к концу XIV в. он выпал из языка южан и в XV в.—на севере. Что же касается преходящего времени, то оно, по словам А. Д. Григорьева исчезло из живого русского языка гораздо раньше аориста, всего вероятнее, до XII века.

в) Сложные формы прошедшего времени. Когда в старо-русском языке исчезли формы преходящего времени и пошли на уменьшение формы аориста, то, естественно, возникла надобность в других однозначных формах. Такими формами явились формы прошедшего времени. Не надо думать, что сложные формы прошедшего времени появились только тогда, когда совсем исчезло из русского языка преходящее время и началось умирание аориста. Нет, сложные формы существовали и раньше, только они в старо-русском языке не играли той роли, какую они стали выполнять в изучаемую эпоху.

Сложные формы прошедшего времени, как мы знаем, представляли собою соединение форм вспомогательного глагола быти и причастия с окончанием на Л. Сложных форм прошедшего времени было две: прошедшее совершенное и давнопрошедшее. Форма прошедшего совершенного времени в старо-русских грамотах встречается часто и с давних пор. Уже в грамоте Мстислава Владимировича 1130 г. мы имеем выражения: повелел есмь, дал есмь.

Что же касается давнопрошедшего времени, то это архаическая форма. Она была свойственна главным образом древне-славянскому языку. В русском же языке эта форма жила не долго. С утратой форм преходящего времени старо-русский язык потерял и архаические формы давнопрошедшего времени (Истрина). Около XII в. на смену архаическому давнопрошедшему времени пришло новое давнопрошедшее, с прибавкой слова был, вместо беах; так, в смоленской грамоте 1229 г. мы встречаем выражение: „было любо“; в новгородской 1265 г.: „был отъял“.

Но и подновленные формы прошедшего времени, т. е. прошедшее совершенное и давнопрошедшее с заменой

связки беах на связку был, в русском языке долго не зажились; они сами в старо-русском языке стали подвергаться изменениям. Уже в языке XI в. в этих формах иногда стали опускать связку в третьем лице (есть, суть), т. е. вместо „мерил есть“ говорили просто „мерил“, вместо „пошли суть“ говорили „пошли“. Так, на Тмутараканском камне написано в 1068 г.: „Глеб князь мерил море по леду“, в грамоте Мстислава 1130 г. один раз сказано „аз дал“ (без есмь), а второй раз: „а Всеволод дал есмь“. Эти примеры показывают, что уже в XII в. форма прошедшего совершенного времени иногда употреблялась без вспомогательного глагола в третьем лице.

Но при 1 и 2 лицах этот вспомогательный глагол не опускался. Он был нужен для обозначения лица, так как в старо-русском языке личные местоимения обычно не употреблялись, например: в смоленской грамоте 1284 г.: „судил есмь, выдал есмь“, но писец „псал“ (без есть). (Соболевский, лекции, 240 стр.). Эти примеры показывают, как в старо-русском языке начала наростать потребность в выражении лица, потребность в личных местоимениях. В ответ на эту потребность для обозначения лица начали употреблять местоимения: вместо „есть псал, еси псал“ стали говорить: я писал, ты писал.

Примечание: В древних рукописях, в подавляющем количестве случаев, местоимения отсутствуют. По мнению А. И. Соболевского, в старо-русском языке местоимения употреблялись главным образом в двух случаях: а) когда эти местоимения находились под логическим ударением, например: в „Русской правде“ 1282 г.: „оже кто взищеть куна друзе, а он ся начнет запирати“; б) когда при них находилось приложение, например в приписке к Юрьевскому евангелию 1120 г. „аз грешный Федор напсах“; в Мстиславовой грамоте: „Сеаз Мстислав повелел есмь“.

Одновременно с принятием местоимений, во множ. числе причастий на Л вместо трех родовых окончаний И, Ы, А стали употреблять одно окончание И, например: вместо несли, неслы, несла; писали, писалы, писала — стали говорить несли, писали.

Так из старо-русских сложных форм прошедшего времени образовались современные русские формы простого прошедшего времени. Происхождением этих форм объясняется: 1) и то, что эти формы не изменяются по лицам и 2) то, что они не имеют родовых окончаний во множ. числе.

г) Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение в старо-русском языке получилось из сложения форм причастия на Л, и аориста от глагола быти,

т. е. бых, бы и т. д., например: мерил бых, мерил бы и т. д. С течением времени, в связи с потерей форм аориста, для всех лиц стали употреблять только форму бы (т. е. одно 2 лицо аориста от бых), и старое причастие на Л стали понимать, как самостоятельную форму простого прошедшего. Поэтому первоначальное значение формы бы забылось и она стала считаться просто частицей, нужной для образования сослагательного наклонения.

Причастия

В XI в. склонение русских причастий настоящего и прошедшего времени было сходно с склонением этих же причастий в древнем болгарском языке (др.-славянском). Разница между причастиями действительного залога, перешедшими в имена прилагательные была только звуковая (сидящая — сидячая). Но скоро в старо-русском языке употребление кратких причастных форм действительного залога начало терпеть изменения. Краткие формы причастий в древности употреблялись в качестве определения (согласуемый пояснитель) и как таковые согласовались в роде, числе и падеже со своим определяемым. Но уже в XII в. в старо-русском языке краткие причастия стали терять свое склонение. Сохранялись только формы именительного падежа всех родов и чисел.

С XIII века они уже не согласуются в роде и числе, например: „слышав же се Ольговичи вси и поидоша в Кыеву". Здесь слышав — форма единственного числа, вместо множественного.

Потеря одних форм причастий и смешение других — повели к тому, что часть старых причастныхформ в именительном падеже превратилась в неизменяемые формы, т. е. в деепричастия. Старое значение этих форм забылось, и мы уже не чувствуем, что, например, формы: читая, играя, написав, сделав — есть имен. падеж мужеского рода, ед. числа. Но некоторый след старого значения именит. падежа в связной речи все-таки сохранился, а именно: употреблять деепричастие можно только в том случае, если оно относится к подлежащему, т. е. к форме именительного падежа.

Старые русские причастия на ЧИ в современном русском языке переродились в имена прилагательные; лежачий, горячий, пахучий, трескучий. Такова история причастий действительного залога.

Причастия настоящего и прошедшего времени страдательного залога как древне-славянского языка, так и старорусского в общем сходны с соответствующими формами

современного русского языка. Причастия страдательного залога краткой формы были всегда с одним Н: делан, делана, делано, а причастия полные были то с одним Н, то с двумя. А. И. Соболевский подметил, что когда ударение находится на третьем слоге от конца, то причастие было с одним Н: писаный, брошеный, связаный, а когда ударение — на втором слоге от конца, то были формы с двумя Н: принесенный, приведенный, спасенный, прочтенный. „Русский язык древнейшей эпохи, — писал Соболевский, — не знал форм с двумя Н. Они сравнительно новы и обязаны своим происхождением влиянию отпричастных прилагательных на ЛЕН и НЕН: „неизглаголален“ — неизглаголаннаго, неописанен — неописанного и т д. (Лекции, 262 стр.).

Склонение кратких причастных форм страдательного залога в современном русском языке утрачено. Сохранились только формы именительного падежа, которые служат для выражения сказуемого, например: взят, читан, любим и т. д.

Отличия старо-русского языка от древнего церковно-славянского в формах.

Главные отличия старо-русского языка от древнего церковно-славянского языка в морфологии заключались в следующем:

1. Окончание ять в род. ед. числа женского рода, им., вин., мн. числа женского рода, вин. мн. ч. муж. рода в именах, местоимениях и прилагательных, — в соответствии древне церковно-славянскому — малому юсу.

2. Окончания род. пад. ед. числа муж. и ср. р. сложного склонения — ОГО, ЕГО в соответствии древне церковно-славянскому АГО (ЯГО).

3. Окончания дат. падежа ед. ч. муж. и ср. рода того же склонения — ОМУ, ЕМУ, вместо ц.-слав. УМУ, ЮМУ.

4. Окончание 2-го лица глаголов настоящего времени в старо-русском языке было ШЬ, а в древнем болгарском — ШИ.

5. Окончание 3-го л. ед. и мн. числа наст. времени ТЬ в соответствии др. церковно-славянскому — ТЬ.

Синтаксис старо-русского языка

Синтаксис старо-русского языка XI-XIV вв. имел следующие наиболее заметные особенности:

а) Употребление родительного падежа без предлога „из“, „от“, например: „А кто нас будет жив“ (Лавр. летопись). Здесь вместо слов „кто нас“. на современном языке надо сказать: „кто из нас“. Еще примеры: „Ко-

рабля твоего изиду"; „бед свобождени быша; ты каких родов. Я города Киева".

б) Дательный принадлежности: „Копье лете сквозе уши коневи" (Летопись).

в) Дательный для обозначения места, без предлога: „Приде Ольга царю городу; Приведе Володимир с Мстиславом вся бояры новгородския Кыеву (Летопись). Избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду и ужину". „Чему господине насильно веешп" (Слово о полку Игореве).

г) Винительный для обозначения меры, на вопрос: как далеко? сколько? Пример: „Ста Володимир дали (поодаль) града стрелище едино", т. е. на расстоянии полеты стрелы, пущенной из лука.

д) Винительный и именительный с неопределенным наклонением: „Кто мниться премудр быти. Ведеши мя быти християнина".

е) Творительный причины: „милостю бояр, молитвами угодников".

ж) Для обозначения места употреблялся местный падеж без предлога: „Седе Святополк Кыеве; Бысть пожар велик Кыеве; Изяслав кънязь правляаше стол отца своего Ярослава Кыеве; Посади Ярослава Ростове; Бе тогда Ярослав Новегороде" Летопись).

з) В повествовательном предложении сказуемое ставили раньше подлежащего: „И повеле Ольга; и вниде Игорь".

и) Краткое причастие с вспомогательным глаголом „быти": „Беша бо угри ходяще аки половцы"; „Поеха на место, идеже бяху лежаще кости его"; „Ростислав сошел есть в Литву" (Летопись). „А бых не слала к нему слез на море рано" (Слово о полку Игореве).

к) Определительные слова часто с кратким окончанием: „Черлен стяг, бела хоругвь, сребрено стружие храброму Святославичу" (Слово о полку Игореве). Бел ясен сокол; красно солнышко.

л) После глаголов, обозначающих движение, например: итти, вместо неопределенного наклонения, ставили достигательное наклонение, а дополнение при нем — в родительном падеже: „Иду ловит рыб".

м) Подчинительные союзы в старо-русском языке были иные, чем в современном, — а именно:

Определительные предложения подчинялись посредством местоимения ИЖЕ: „Поищем собе князя иже бы володел нами" (Летопись).

Временные предложения связывались посредством союзных слов: егда, дондеже, яко: „Егда же подпьяхуться начьняхуть роптати на князь" (Летопись).

Условные предложения подчинялись посредством союза аще: „Аще ся ввадить волк вовце, то выносить все стадо, аще не убьют его" (там же).

Сравнительные предложения связывались союзами: яко, якоже: „Живяху в лесе якоже и всякий зверь".

Целевые предложения — при помощи союзов да, дабы: „Послися к брату своему Володимиру дабы ти помогл".

Причинные предложения — через союзы: яко, зане: „Не хотяше ити ис Кыева зане улюбел ему Кыев".

Краткие несклоняемые причастия выполняли роль второстепенных сказуемых и связывались с главным сказуемым союзом и, а, но: „Пришедше к Днепру и сташа вежами".

Оборот дательный самостоятельный. Этот оборот представлял собою соединение дательного падежа имени существительного и причастия, с ним согласованного. Он употреблялся в придаточных предложениях времени или причины и был возможен только в тех случаях, когда подлежащие в главном и придаточном предложениях разные. Примеры: „И недоставшу вину"; „И придоша (половцы) в монастырь печерскыи, нам сущим по кельям почивающим"; „Седячю же Глебови Юрьевичу Кыеве, приде множество половцев; Князю Святославу возмужавшу нача вои совокупляти".

Лексика русского языка XI—XIV вв.

Принятие греческой веры и болгарской письменности оказало огромное влияние на состав русского словаря. Академик А. А. Шахматов писал, что лексический состав литературного русского языка начала XX ст. по крайней мере наполовину обнаруживает греко-болгарское происхождение, что синтаксический строй пропитан церковно-славянскими чертами и что в словообразовании и даже произношении еще сохранились церковно-славянизмы.

Остановимся на словах, пришедших к нам из древнеболгарского языка. История общества показывает, что страна культурная может оказывать свое влияние на страну

менее культурную в различных отношениях, в том числе и на язык. Карл Маркс писал: „Страна промышленно более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего". Киевская Русь в XI в. перестраивалась на рельсы феодального государства и в связи с этим испытывала большую нужду в литературном языке. Между тем словарь древне-болгарского языка, как языка тогда уже литературного, включал в себя ряд технических, политических, культурных терминов и передовых понятий, которые были насущно необходимы для киевского господствующего класса. Мы имеем основание думать, что представители верхнего слоя киевского общества широко воспользовались словарной сокровищницей болгарского языка и черпали оттуда нужные понятия широкой струей. Профессор Никифорова пишет, что отбор болгарских слов тогда совершался по трем признакам, а именно: по признаку более высокого и широкого, чем соответствующие варианты русского языка, по признаку отвлеченного и по признаку культурно-бытового. В „программе-задание" по истории языка он говорит: „Со стороны семантики для древне-болгарских слов, вошедших в русский литературный язык и удержавшихся в нем, характерны или более высокое и широкое, чем у соответствующих русских вариантов значение, например: власть (сравни волость), страна, нрав (сравни норов), социальная среда (сравни середа, середка), бремя, гражданин, хранит (сравни хоронит); или они вносили абстрактные понятия, пример: вред (сравни веред), чуждый, странный, бразды правления, истина, благоволение и т. п. или понятия культурно-бытовые и научные: живописец, врач, землемерие, палата, плащ, проповедь, буква, местоимение, междометие, глава и страница книги" (стр. 13).

Значительная часть слов, воспринятых из Болгарии и перечисленных Никифоровым, объединяются по признаку отсутствия полногласия. Действительно, неполногласных слов в русский язык XI—XIV вв. влилось очень много. Приведем несколько слов еще: благо, храм, мрак, глава, плен, злато, ограда, награда, хлад, глас и т. д.

Второй отличительной чертой болгаризмов является звукосочетание ЖД, например: нужда, одежда, вождь, прежде, суждение, наваждение, рождение, принуждение, жажда, побеждать и т. п.

Наличие звука Щ (шт) точно также служит признаком болгаризмов: нощь (ночь), мощь, пещера,

общество, вещь, завещать, освещать, похищать, прощать и т. п.

Суффиксы старых причастий и превосходных степеней: УЩ, АЩ, ВШ, ЕЙШ — обнаруживают славянское происхождение слова; ходящий, несущий, текущий, взявший, славнейший.

Наконец, к числу показателей на славянизмы относятся суффиксы ТЕЛЬ, ЕНЕЦ: искуситель, мучитель, учитель, первенец, младенец и т. д.

Кроме слов болгарских, русский язык получил довольно и греческих слов, главным образом через Болгарию, например: корабль, камора, терем, банка, баня, кадка, кровать, лохань, миска, скамья, тетрадь, грамматика, парус, зипун, лента, хрусталь, бандура, литавры. Через греков русские узнали: кулич, оладьи, кутью, сахар, огурцы, свеклу, кефель, скумбрию и т. д. Греки же научили делить год на 12 месяцев. Они же ввели слова: евангелие, апостол, епископ, иерей, икона, ангел, дьявол, демон, идол и т. п.

Далее, в языке XI в. было наличие слов немецких, пришедших через варягов: Аскольд, Рюрик, Игорь, Олег, Ольга, ябеда, дротик, багор, якорь, крюк, ларь, сельдь.

Наконец, значительное количество слов пришло с востока, например: бархат, жемчуг, кафтан, шуба, шелк, бисер, бусы и др.

4. Образование московского диалекта и его унифицирующая роль

В следующую эпоху центр строительства русского литературного языка переносится с юга на северо-восток. Произошло это перемещение языкотворческого центра по следующим причинам. Царьград захватили крестоносцы и этим нарушили торговлю Византии с Русью. В связи с прекращением торговли с греками Киев потерял источник своей живительной силы и скоро захирел.

Одновременно с замиранием жизни в Киевской области усиливается пульс русской жизни на северо-востоке Европы, именно в углу, образуемом Волгой и Окой. Земля эта долго называлась Суздальской, а потом стала именоваться Московской. Через эту территорию издавна проходили два пути: один из Смоленска к Волге и второй из Новгорода на Рязань. По этим путям шла торговля и сильно оживляла край. Но в XIV в. торговля расширяется, в связи с удлинением торгового пути. К этому времени в Крыму,

вместо греков, приобрели большее значение итальянцы. Их генуэские купцы выстроили там свои города: Кафу и Сурож (ныне называются Феодосия и Судак), развили широко обмен и торговые связи с северо-восточной Русью. Обычно русские гости спускались Окой и Доном в Крым и сбывали свои товары в Кафе и Суроже. В свою очередь, генуэские купцы из Крыма поднимались по тем же рекам в Москву и там имели даже свой сурожский ряд. Завязывалась торговля и с Востоком. Одни купцы ездили к татарам, в Сарай, другие спускались по Волге и потом караванным путем проникали до самого Самарканда. Так главный двигательный нерв ушел от Киева и переместился в Суздальский край. Параллельно с успехами торговли в этом крае поднялось земледелие. Земледельцы перешли к новому трехпольному хозяйству, господствующему с Карла Великого везде в Европе. Население края выросло, между поселками и областями наладились хозяйственные связи. Так подготовлялось объединение Руси.

Из городов Суздальской земли выше других поднялась Москва. Ее росту содействовали прежде всего упомянутые торговые пути и удаленность от пограничной полосы, угрожаемой нападениями кочевников. Вместе с Москвой выросло и значение московского князя. Последний, опираясь на свои большие материальные ресурсы, на покровительство татарского хана и поддержку со стороны церкви, сделался довольно скоро главой всех русских князей. Так, Иван Васильевич Грозный уже имел все шансы считать себя не только сюзереном всех русских феодальных владетелей, но и единоличным государем Московской державы. Московское государство, конечно, было классовым. Верхний слой общества составляли бояре, дворяне и духовенство.

Задачи расширения торговых связей внутри страны совместно с задачами централизации власти побуждали правительственную верхушку московского общества выработать русский литературный язык. Честь создания московского литературного языка принадлежит Москве. Последняя, будучи главным городом Руси и находясь на стыке населения двух бывших племенных союзов и их языков: северо-русского и восточно-русского, имела возможность выработать наиболее приемлемый диалект для целей господствующего класса. Диалект этот больше известен под именем московского говора. Генетически московский говор представляет соединение русских наречий: акающего и окающего. В основе акающего наречия был язык восточноруссов, а в основе окающего наречия — язык

севернорусов. В XIV—XV вв. язык московского общества уже оформился и даже проник в письменность.

Звуковые особенности московского говора таковы:

А. От акающего языка взято:

1. Акание, т. е. произношение орфографического О в слоге перед ударением, как А: Масква, даска.

2. Иканье — произношение орфографического А, Я, Е в слоге перед ударением, как И: чисы, виду (часы, веду).

Б. Из окающего языка взято:

1. Звук Г взрывной (друг, струг).

2. Звонкие согласные звуки в конце слова и перед глухим согласным переходят в глухие: крофь, хлеф, лафка, подкофка, глас, друк, дуп.

3. Т в окончании ед. и мн. ч. глаголов произносится твердо: идет, идут, везет, везут.

4. В род. п. ед. ч. имен прилагательных и местоимений окончание ВО: доброво, ево, тово.

В морфологии московского говора тоже находим некоторые особенности:

Так, в падежных окончаниях, кроме основных форм, мы встречаем вторые формы: на шолку, поясов, судов (Дух. Ивана Калиты).

В дат. п. мягкого склонения ять вм. И: братье (ять).

В родит. пад. имен прилагательных окончание ОГО: виноватого (грамота 1341 г.).

В синтаксисе после глаголов действительного залога в именах живых предметов начинает применяться форма родит. пад., вместо винит.: „пожаловал есмь сокольников печерских“ (грам. Ивана Калиты).

В лексике московского говора получили преобладание слова окающего диалекта. Для наглядности прибегнем к таблице Никифорова:

Окающий диалект	Акающий диалект
петух	кочет
наседка	куруха
ухват	рогач
ковш	корец
волк	бирюк
кочан	вилок
петь (песни)	играть (песни)
крынка	махотка

Таков разговорный язык верхнего слоя московского общества.

В дополнение к изложенной истории московского языка необходимо прибавить еще несколько сведений об обога-

щении русского лексикона в XIV—XV вв. от соседних народов, а именно:

1. От татар русский язык получил, например, следующие слова: нагайка, колчан, кинжал, шатер, караул, кандалы, кулак, булава, хоругвь, маяк, курган, боярин, есаул, казак, богатырь, хозяин, толмач, баскак, таможня, казна, алтын, деньги, вьюк, товар, бисер, аршин, лошадь, бык, коза, собака, телега, сухман, армяк, тулуп, колпак, башмак, кабак, кощей, болван, ура и т. д.

2. От турок: бархат, кумач, сафьян, тесьма, кафтан, сарафан, шаровары, кушак, башлык, сундук, чемодан, стакан, карандаш, кибитка, арба, каюк, табун, аргамак, мерин, бугай, бурый, буланый, кумыс, каймак, лапша, изюм, фисташки, гайдамак, балбес, хам, башка и т. д.

3. От германцев и римлян, через западных славян: король (от имени Карла Великого) и царь (цесарь— от имени Цезарь).

Так зародился и развивался московский деловой светский язык. История церковно-литературного языка XV—XVII вв. несколько иная. Последний был перенесен на северо-восток русской земли из Киева в готовом виде, вместе с религиозными книгами и здесь почти не подвергся изменениям.

А. Второе южно-славянское влияние на русский язык

В XI—XIII вв. письменный язык развивался прогрессивно и, наоборот, в XIV—XV вв. сильно отодвинулся назад. В это время феодальные князья подавили вечевую демократию, и победителями оказались реакционные силы. На состояние русского языка оказали весьма отрицательное влияние следующие обстоятельства:

а) В XV в. на месте удельной Руси сложилось большое московское государство, объединившее в своих пределах всю массу русского народа, говорившего на окающем и акающем диалектах. Прежний маленький московский князек теперь превратился в грозного „повелителя всея Руси". Все это содействовало возвеличению власти московских государей. Но этого мало. Престиж власти московского князя рос и иначе. Иван III женился на цареградской принцессе Софье Палеолог и этим самым получил формальное право считать себя преемником власти византийских императоров. Скоро на почве экономического и политического роста Москвы, на

необходимости создать сильную военную организацию против внешних врагов и на факте родства Ивана III с династией византийских царей, в Москве зародилась идея о великой Руси и преемственности власти московских государей от византийских императоров. В связи с новой идеей в Москве усилился интерес к греческой и болгарской книжности. Московский великокняжеский двор искал у греков и болгар теоретического обоснования нового положения московского повелителя.

С половины XIV в. оживились наши сношения с южными славянами.

б) Рядом с этим были и другие причины, толкавшие Московскую Русь к сближению с южными славянами. Причин к усилению сношений было две. Во-первых, русские богослужебные книги, размноженные через малограмотных переписчиков, за четыре столетия копировки их приобрели много не только орфографических ошибок, но и прямых искажений смысла. На этой почве в среде руководителей церковной жизни возникла мысль о восстановлении текста по древним оригиналам. Но так как знатоков греческого и болгарского языков в Москве не было, то пришлось пригласить интеллигентных переводчиков из-за границы, т. е. из Греции, Болгарии, Сербии. Во-вторых, в Болгарии как раз к тому времени была закончена правка религиозных книг по подлинникам, и эти восстановленные книги получили наименование „книг тырновского извода“. Такое название эти книги получили потому, что исправление книг и их переписка производились по инициативе и под непосредственным руководством болгарского патриарха Евфимия Тырновского (умер в 1393 г.). После падения Болгарии, разгрома Сербии на Коссовом поле и взятия Царьграда турками (1453) болгарские и сербские книжники нахлынули в Москву и принесли с собой книги тырновского издания. Эти эмигранты были встречены светской и духовной властью Москвы очень радушно и приглашены помочь в деле проверки и исправления русских религиозных книг.

С приездом болгарских и сербских книжников в Москве началось на русский литературный язык так называемое второе южно-славянское влияние, вляние более вредное, чем полезное. Под воздействием болгар и сербов быстро изменились на старый лад орфография, фонетика, морфология и синтаксис русского языка.

В области орфографии опять возродились большие юсы, восстановилась ять: букву ЪI стали изображать — Ы по сербскому образцу, так как у сербов ЕР давно был вытеснен Ь; буквы е р и Ь, усвоившие уже себе значение

знаков твердости и мягкости, вовлечены между собой в борьбу — и Ь стал заменять ер по примеру сербского правописания; А писали вместо всякого иотированного А (моа, своеа): буква У в греческих словах заменялась ижицей; перед гласными буквами вошло в употребление I; Т стали изображать повернутым вверх ногами или в виде цифры 7; ЖД вместо Ж; над буквами появилась масса надстрочных знаков и чуждые русскому языку ударения, например: искони (ударение на О), воде (ударение на О), вино (ударение на И). Большинство этих нововведений в жизнь не прошло вследствие несоответствия букв живому языку. В виде исключения уцелело только сочетание ЖД в таких словах, как: чуждый, надежда, рождение, суждение, побеждать, насаждать.

В области форм возвратились болгаризмы:

а) вместо холод — хлад, вместо город — град;

б) слоги ОР, ЕР, ОЛ, ЕЛ стали замещаться церковно-славянскими РЪ, РЬ, ЛЪ, ЛЬ, например: влъкъ, тръгъ, вместо старорусских; вълкъ, търгъ. Но иногда тут получался, что называется „перегиб", так слова „первый", „верх" и т. д., миновав старо-русскую традицию „пьрвый", „вьрхъ" изображались даже не через „прьвый", „врьхъ", как писал, например, дьякон Григорий, а через „пръвыи," „връхъ", где „ер" ясно свидетельствует о твердом произношении слогового Р у южных славян того времени;

в) исчезает буква ять в форме род. пад. женск. рода и в формах им.—вин. п. мн. числа, заменяясь малым юсом, иотированным А или простым А: доуша, земля, сеа;

г) в именах существительных муж. рода восстанавливались формы: сыновом, сыновех, триех;

д) в именах прилагательных появляются нестяженные формы новааго, новоуоумоу;

е) окончание ОИ в им. пад. имен прилагательных мужеского рода (слепой, волостной) — писалось через ЫИ — слепыи, волостныи.

В лексике возвращаются болгаризмы. Чтобы наглядно видеть, в чем тут дело, сравним отрывок из летописи по спискам XIV и XV вв:

XIV век	XV век
церес	чрес
ночь	нощъ
хочем	хощем
межу	между
рекуче	ркуще
по городом	по градом

XIV век	XV век
переже	прежде
Новогород	Новград
плечи	плещи
к ночи	к нощи
отвеча	отвеща

Такую же картину можно видеть при сравнении текста „Русской правды“ по списку 1282 г. и по чудовскому—XV в.

Стиль, принесенный болгарами и сербами XV—XVI вв. в Москву, отличался многословием, напыщенностью и непонятностью. Ради красивого слова автор не дорожит ничем, в том числе и жизненной правдой. Средства красноречия сводились к бесконечным тавтологиям и амплификациям. В качестве иллюстрации к сказанному приведу отрывок „плетения словес“ из характеристики Стефана Пермского, написанной Епифанием Премудрым в духе сербо-болгарского стиля:

„Что еще тя нареку. Вожа заблужьшим, обретателя погибшим, наставника прельщенным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взыскателя расточенным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, наказателя несмысленным, помощника обидимым, молитвенника тепла, ходатая верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом покорителя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте пермстей списателя“. (Житие Ст. Пермского).

Обилие надстрочных знаков, нерусские ударения, церковно-славянизмы, болгаризмы, сербизмы до того „изукрасили“ рукописи XV—XVI вв., что современники затруднялись их читать. По этой причине возникла потребность в новом грамматическом руководстве. В качестве учебника по русскому языку заимствована была грамматика „О осьми частях слова“, составленная в Сербии, и грамматика „Сказание о письменах“ Константина Костенчского. На основе этих двух грамматик в XVI—XVII вв. составлялись первые грамматические руководства по русскому языку. Правила в этих руководствах отличались мелочностью, неясностью и запоминались с трудом, несмотря на опасность быть обвиненным не только в нерадении, но даже и в еретичестве. Начинающий учиться грамоте, согласно грамматическим правилам, сначала должен был вызубрить наизусть 45 букв азбуки,

которая проходилась сначала „в стремнину“, т. е. в порядке алфавита, затем „навспять“, потом „всмесь“, т. е. в разбивку. В дальнейшем ученик должен был постигнуть множество надстрочных знаков и правил и твердо помнить, где и когда их употреблять. Между тем правила были не только не ясны, но и субъективны. Чтобы побудить писца одолеть правила, автор руководства не только убеждает, но и пугает его опасностью ввести в соблазн читателя. Так, он пишет:

> „Что покрыто, то свято, а что не покрыто, то посреднее, ино же отпадшее. Сего ради, о каллиграфе, не смешай несмесная... Кий бо болии сего грех есть еже творити горькое сладко, а сладкое горько... Горе творящему сия: полагает бо соблазн душам“ (Ягич, Рассуждения, 710 стр.)

В связи с указанными трудностями чтения и письма возникла надобность в словарях непонятных слов. Первые словари непонятных слов, например: азбуковники, по словам профессора А. Д. Григорьева, появились на Руси еще в XIII в., но в XV в. число трудных слов значительно прибавилось и потребность в словаре выросла еще более. Из словарей укажем на два: словарь Лаврентия Зизания 1596 г. и Памвы Берынды.

Таким образом в Московской Руси XV—XVI вв. было два письменных языка: один светский, другой — церковный. Оба языка в эту эпоху настолько отдалились один от другого, что сблизить их, по словам профессора А. В. Михайлова, „не было уже никакой возможности“, при чем разрыву между языками много содействовала реформа церковного языка, произведенная болгарами и сербами. Теперь прогрессивным слоям московского общества стало ясно, что церковно-славянская речь отстала от жизни и не может быть не только орудием в борьбе дворянства и купечества с боярством и феодальной церковью, но и просто не может быть средством сообщения в бытовых отношениях. Так обнаружилась несостоятельность церковно-славянского языка и встала необходимость борьбы за руссификацию литературного языка.

В связи с реставрацией форм древнего церковно-славянского языка началась порча старых чисто русских произведений. Так, например, было испорчено много историко-биографических записей и — что особенно ценно — „Слово о полку Игореве“.

Общеизвестно, что „Слово о полку Игореве“ — памятник XII в., первоначально написанный каким-то поэтом — киевлянином. Но авторский оригинал до нас не дошел.

Самая древняя копия, сохранившаяся в списке XV в., повидимому, переписана новгородским или псковским писцом. Таким образом, „Слово о полку Игореве“ в том виде, в каком мы его знаем, прошло не менее как через двои руки: автора и переписчика. Исследователи языка „Слова“ видят в нем по крайней мере две речевых струи: киевский диалект XII в. и новгородский говор XV в. Сошлемся на факты:

а) В тексте „Слово о полку Игореве“ мы наблюдаем смешение Ч с Ц и С с Ш, например:

птиць	и	птичь
русици	и	русичи
галици	и	галичи
веце	и	вечи
чепи (см. цепы)		
шизый (вм. сизый) и т. д.		

Так как смешение звуков Ч с Ц и Ш с С составляет особенность говора новгородцев или псковичей, то это обстоятельство дает нам право к различению в рассматриваемом памятнике двух диалектов: киевского и новгородского. Киевский говор XII в. — основа, и новгородский XV в. — наслоение.

б) Далее, в „Слове“ мы находим струю русского языка и струю церковно-славянского:

хоробрыи	и	храбрый
Володимир	и	Владимир
соловей	и	славий
ворота	и	врата
голова	и	глава
ворон	и	вран
забороло	и	забрало
напереди	и	преди и т. д.

в) В орфографии точно также наблюдается два слоя. Часть слов написана согласно живому говору, а другая — согласно древне-болгарской письменной традиции:

солнце	и	слънце
вълкъ	и	влъкъ
полкы	и	плъкы

Здесь, повидимому, начертание слов по фонетическому принципу принадлежит автору, а письмена в духе болгарской орфографии относятся на счет переписчика, находящегося под модным в XV в. „вторичным южно-славянским влиянием“. Изложенное показывает, что порча „Слова о полку Игореве“ в XV в. была двухсторонняя: с одной стороны, переписчик внес в киевский памятник новгородские диалектизмы и, с другой, следы второго югославянского налета.

Б. Дифференциация и унификация языка.

Диалектное расслоение языка в XV—XVI вв. под влиянием феодальных отношений продолжает расти. Развивается письменность в Новгороде, Пскове, Смоленске, на Волыни. Тогда же возникает письменность в Беломорье, характерная сильным оканием. Отметим наиболее характерные особенности областных письменных памятников.

Новгородские памятники характеризуются следующими чертами:

а) взаимной меной Ч и Ц: црево, владыциче, вьсяцеская, чвет, конечь и т. д. (Минея 1095 г.; у купчев, отча, проць (Догов. новгор. 1270 г.).

б) звуковыми сочетаниями ЖГ вместо церковно-славянских ЖД: дожг, пригвожгаема (Минеи 1095 и 1096 г.);

в) заменою ять И: тило, человиче.

Псковские памятники имеют те же самые диалектизмы, что и новгородские.

Кроме того, они имеют две специфических псковских черты, а именно: взаимная мена Ж и З, Ш и С: здати (вм. ждати), смешил (вм. смесил), озиве, вшю (Параклитик 1363 г.).

Обе последние диалектические черты в живых говорах современности отражения не имеют.

Московские памятники в конце XIV в. дают первые следы аканья. Старший памятник с признаками аканья, по словам А. И. Соболевского,— евангелие 1339 г., написанное в Москве. Там мы встречаем слова: кака ты глаголеши; и есть дивна; в апустевши земли.

В области гласных в московском говоре произошло отвердение шипящих, кроме Ч и Щ, и свистящего Ц.

В глаголах отвердело окончание Т третьего лица ед. и множ. чисел.

Далее, диалектизмы проявлялись и в лексике вышеупомянутых говоров. Часть слов чисто местного значения теперь уже вышла из употребления, но зато другая — осталась до наших дней. Так, в новгородском районе вошли в обиход слова: апрель вместо — априль, цапля вм. чапля, сиверко вм. северко, милостина вм. милостыня и т. д. Из московского диалекта перешло слов в литературный язык больше: заря, карман, калач, стакан, завтрак, паром, крапива, кашира, барсук, катить, лапта, касатка, Авдотья и др.

Беломорские грамоты в XV—XVI вв. имеют следующие особенности:

а) Окание: Обросим, Олуферий, Ортемей, Омос, Ондреев, Остафьев, Оксенов.

б) Следы произношения глухих: Степано, Михайло, Курило, Юрьевиче, у Ђнтюши, в Ождоръми.

в) Твердое произношение заднеязычных: у Захаркы, у Луцькы, Юры рекы, с истокы, послухы.

г) Смешение звуков Ч и Ц: на Емци и на Емчи; от Чухци и до Чухчи; цеть и четь; пецать и печать.

д) Замена старого ять звуком И: к Ильи, жени моей Марини, на дили, увичить, к реки, в кусти; на Максими, на Елисеи, на наволоки.

е) Вторые формы в родительном и местном падежах: в Выгу, до порогу, на черном воску, в стану, меду поставил.

ж) В им. п. муж. рода имен прилагат. окончание ОЙ: земской дьячок, церковной, колмогорской, озерной.

з) Личное местоимение: аз и я.

и) Прошедшее совершенное время: взяли есмя; купил есми; дали есмя. Но рядом с этим есть и современные формы: се купил; купчую грамоту писал.

к) В конструкциях предложений характерны повторы предлогов: „говорил с архимандриты, з дворяны, с детьми боярскими и всяких чинов с людьми".

л) Дательный самостоятельный: „бывшу им на море"; „месящу квашню".

Лексика. Беломорские грамоты донесли до нас ряд имен, свидетельствующих о том, что в XV—XVI вв. кличку человек получал в зависимости от того, которым по счету ребенком был в семье или по внешнему признаку: Первак, Вторец, Третьяк, Пятой, Поздей, Рудак, Тошак, Худяк, Шумило, Томило, Нехлюд, Истома, Собина, Немир, Анцифер и т. п.

В свете этих имен становится понятным происхождение многих архангельских фамилий, например: Первушины, Третьяковы, Шестаковы, Поздеевы, Рудаковы, Тошаковы, Худяковы, Шумиловы, Томиловы, Истомины, Собинины, Немировы, Нехлюдовы и др.

Кроме того, на лексику и формы беломорского языка повлияли языки карелов, коми и ненцев.

Но наряду с дифференциацией языка в эту же эпоху мы замечаем другой процесс, процесс более сильный, унификацию языка. Московский акающий язык, как диалект господствующего класса могущественного общественного объединения, через

систему феодальных и торговых отношений скоро распространился по многим городам древней Руси и начал вытеснять областные диалектизмы. Чтобы не быть голословным, обратимся к фактам. В новгородском евангелии 1355 г. главная и наиболее заметная особенность новгородского говора — взаимная мена Ч и Ц — встречается чрезвычайно редко. В новгородском служебнике 1400 г., принадлежавшем Хутынскому монастырю, нет ни одного случая мены Ц и Ч. Нет точно также смешивания Ц с Ч и в триоди 1410 г., писанной в Вологде. Сравнение текстов новгородских летописей по синодальному списку XIV и XV вв. приводит нас к тому же выводу: московский диалект, начиная с второй половины XIV в., очищал письменную речь от неприемлемых диалектизмов, он унифицировал литературный язык. Например:

В летописи XIV в.	**В летописи XV в.**
Плесковици	плесковичи
новгорочкии	новгородские
мстиславовиць	мстиславович

В. Отражение в языке борьбы боярства с дворянством

Процесс развития феодальных отношений Московской Руси в XVI в. приводит класс феодалов к распадению его на три группы: боярство (потомки феодальных князей и крупных землевладельцев), дворянство (создававшее свое новое хозяйство) и монастыри (владевшие вотчинами). Эти группы господствовали в деревне, а в городе выростала четвертая сила — торговый капитал. Отношения между этими группами мало-по-малу обостряются и приводят к жестокой борьбе, причем победу одерживает дворянство в союзе с капиталом. Таким образом, враждующие силы разбивались так: на реакционной стороне стояли бояре и церковь, а на прогрессивной — торговый капитал и дворянство. Московский царь в этой схватке опирался на дворянство и купечество. Так как та и другая из враждующих сторон имела грамотных людей, то спор между ними вылился и на бумагу, в публицистическую литературу. Из боярского лагеря появились „Послания князя Курбского царю Ивану IV", из самодержавно-дворянского — „Послания" и письма царя Ивана Грозного, челобитные Ивана Пересветова и из монастырской среды — „Валаамская беседа" и др. Так в результате классовых споров московский язык в XVI в. дифференцировался по соци-

альному признаку: на язык боярский, дворянский и церковно-монастырский. Кроме того московский язык одновременно дифференцировался еще и по типу письменной продукции: канцелярский (язык приказов), церковно-книжный, публицистический и светских повестей. Тенденция письменного языка к обрусению в этот период была заметна в языке приказов, в светских повестях и отчасти в публицистике.

II. Материал письма, графика, орнамент, писцы

Культурные и общественные отношения, вызывавшие в XI—XVI вв. перемены в лексике, синтаксисе и семантике литературного языка, одновременно внесли изменения и в графику, и в орнамент, и в настроения писцов.

А) Материал письма. В XI—XIV вв. русские книги и грамоты писались на пергаменте. В качестве образца книг, писанных на пергаменте, сошлюсь на наши самые древние памятники, а именно: на „Остромирово евангелие", „Сборники Святослава", „Мстиславову грамоту" и т. д. Слово „пергамент" ученые производят от названия малоазиатского города Пергам, в котором издавна производили этот материал.

В русских старинных документах пергамент именуется „кожа", „мех", но чаще—„хартия" или даже „харатья". От слова „харатья" наши древние документы, писанные на пергаменте, долго назывались харатейными списками. Иногда, по названию животного, из кожи которого был выделан пергамент, последний назывался просто „телятиной". В таком случае писцы говорили: „а документ писан на телятине". Кроме кож телят, на пергамент употребляли шкуры баранов и коз.

С половины XIV в. на Руси появляется бумага. Древнейшими памятниками, написанными на бумаге, у нас считаются: Договорная грамота князя Симеона Гордого с братьями 1340 г., Договорная грамота смоленского князя Ивана Александровича с Ригой 1359 г. и т. д. Термин „бумага"—русский. У западных и южных славян называется иначе:

У болгар — хартия,
„ сербов — хартия,
„ чехов — papír,
„ поляков — papier

На Русь бумага завезена с востока, повидимому, через татарских купцов, на что указывает татарское слово

„бумуг“. И. А. Шляпкин в свое время говорил, что бумагу начали производить впервые китайцы еще в VIII в. Из Китая она проникла в Самарканд, Багдад, Египет, Испанию. Производство бумаги в Европе началось только в XII — XIII в. На Руси западная бумага появилась через Новгород в XIV в., сначала итальянская, потом немецкая, польская и т. д. К нам, в Беломорье, бумага шла из Англии, через Архангельск.

Ранняя бумага была толста и рыхла, и называлась она „бомбициной“. Бомбицина, повидимому, вырабатывалась из хлопка. Но так как бомбицина была шероховата, и чернила на ней расплывались, то ее скоро заменили тряпичной бумагой. Тряпичная бумага изготовлялась из тряпок льняной материи на особых мельницах. Мельничный двигатель тогда был нужен для того, чтобы силой вертящегося вала, с имеющимися на нем режущими инструментами, перетирать до кашицеобразной массы льняные тряпки. Каждая мельница на выпускаемой ею бумажной продукции имела свой водный знак, или „филигрань“. Наличие филиграни очень важно для историка языка: наукой установлено, что каждая бумажная мельница в среднем работала около 25 лет, поэтому по филиграни можно определить не только место производства бумаги, но и время ее появления на свет, с точностью до четверти столетия.

Кроме пергамента и бумаги, в исключительных случаях писали на металле, камне, бересте и тканях. У нас, в Беломорье, к памятникам этого сорта принадлежат письмена на бересте из Сийского монастыря и плащаница XIV в. из полотна с надписью: „ангели плацют“ из архангельского древнехранилища.

Б) В н е ш н и й в и д р у к о п и с е й. Старинные письменные документы дошли до нас в виде книг, грамот и свитков.

Книги по своим внешним размерам делились на четыре группы: „в десть“, в „полдесть“, в четвертку и „в восьмую“. Переведя эти размеры пергамента на бумагу, мы получим размеры приблизительно: в лист, пол-листа, в четвертку и в восьмушку. Выбор того или другого формата книги определялся назначением книги или удобствами ее использования. Так, богослужебные евангелия, четьи минеи и т. п. обычно делались в „десть“. Книги же, служившие для домашнего употребления, писались в полдесть или даже в восьмую. Так, Архангельское евангелие — в четвертку, а Святославов сборник 1076 г. — в восьмушку и т. п.

Для написания книги сначала приготовляли чистые тетради. Слово „тетрадь“ греческое (tetradion). Каждая тетрадь обычно состояла из 8 полулистов, или 4 полных ли-

стов. Счет в тетради велся по листам, а не по страницам. В древности счетные обозначения делались буквами и только в позднее время, вместо букв, стали вести счет арабскими цыфрами.

Прежде чем писать, тетради линовались. Чтобы иметь справа и слева одинаковые и правильные поля, сверху вниз каждой страницы проводились прямые линии. Потом проводились параллельные линейки поперек листа по предварительно размеченным циркулем точкам. Для линования на пергаменте древние писцы употребляли какое-то тупое орудие, повидимому, костяной нож или костяное шило. За границей для линовки тетрадей употребляли особый прибор, р а м к у, позволяющую проводить линейки посредством надавливания на несколько листов зараз. Только наличием такого прибора и можно объяснить одинаковость количества строчек на всех страницах тетради. В книгах большого формата разлиновка писчего материала производилась в два столбца, а в меньших—в один. На бумаге линии проводились посредством „свинцового карандаша".

Буквы в древности писались по строчкам, ставя их сверху линии или под линию, как бы подвешивая к ней. Орудием для письма в античном мире служила „трость", т. е. заостренная палочка, а на Руси — гусиное перо. В редких случаях писали лебединым и даже павлиньим пером. В одной псковской книге 1307 г. имеется приписка: „п с а л е с м ь п а в ь и м п е р о м". Чернила в древности были „металлические", всего вероятнее, „железистые". Заглавия книг и отделов, а равно и начальные буквы писались красной краской — киноварью. В редких случаях документы, важные в каком-либо отношении, писались раствором золота или серебра. Так, Мстиславова грамота 1130 г. писана золотом, а служебник Варлаама Хутынского — серебром.

Когда тетради были написаны, их переплетали, т. е. все тетради одну за другой пришивали к ремням или веревочкам, затем с той и другой стороны сшитых вместе тетрадей прикрепляли доски. Доски сверху, вместе с корешком, оклеивали кожей или материей. Чтобы книга во время ее хранения не коробилась и не пылилась, к верхней доске ее прикрепляли кожаные или металлические застежки, а к нижней — пуговки, на которые застежки закреплялись. Книги церковные очень часто „оковывались", т. е. на доски приколачивались наугольники из бронзы или серебра, а на средину верхней доски прикреплялся „средник", т. е. какое-нибудь изображение тоже из бронзы, серебра или даже золота. Вес большой, обложенной серебром книги достигал нескольких килограммов, иногда 30 клг.

Грамоты писались на кусках пергамента разной величины и формы: на четвероугольниках, обрезках в виде ленты, трехугольниках и т. п. Обыкновенно к грамотам привешивались серебряные под золотом или свинцовые печати. Печати на вкладных соловецких грамотах — свинцовые, а на грамотах архиереев — красные, восковые.

С XV века в русской письменности появились свитки. Свиток представлял собою ряд полулистов бумаги, приклеиваемых один к другому в виде длинной ленты. Свиток Соловецкого архива, представляющий описание монастырской библиотеки XVI в. и писанный рукою Филиппа Колычева, имеет 32 склейки, т. е. 32 полулиста. Иногда длина свитков достигала до нескольких десятков метров. Для удобства пользования свиток навивался на две палочки. Во время чтения он с одной палочки свивался, а на другую накручивался. Содержание на свитке писалось только с одной стороны. На чистой же стороне, на месте склеек, дьяк делал „скрепу“, т. е. ставил свою подпись.

В) Графика древних книг. Климентовское письмо на русской почве подвергалось большим изменениям, обусловленным историческими причинами. Наши палеографы (Карский, Щепкин, Соболевский) в истории славяно-русской графики различают три этапа: устав, полуустав и скоропись.

Устав — это медленное и торжественное письмо, имеющее своей задачей простоту, правильность и „церковное благолепие“. С внешней стороны уставные буквы вычерчивались правильно, высота и ширина их почти одинаковы, сокращенных слов мало. Этот тип письма характерен для XI—XIII вв., когда письменность была призвана обслуживать потребности религии и когда писцы писали книги из любви к духовному просвещению истово и не торопясь.

Когда письменность начинает перерастать церковные рамки и расширяется потребность в книгах, появляются профессиональные переписчики. Эти переписчики работали не по мотивам внутреннего побуждения, а исключительно по заказам и на продажу. В целях ускорения выпуска книжной продукции, они поставили своей целью соединение четкости и удобства начертаний букв. Так появился полуустав. В связи с выработкой букв, более удобных для письма, полууставные буквы изображались меньше по размеру, их основные линии менее правильны, например: вместо углов (В, Ъ) допускались закругления, вместо округления (Е, С, О) — угловатость; буквы наклонены то вправо, то влево и сокращенных слов гораздо больше. Время полуустава XIV—XV вв.

Далее, с ростом денежных отношений, с проникновением грамотности в более широкие круги феодального общества и в связи с необходимостью обслуживать разнообразные виды потребностей — государственных и частных (указы, грамоты, письма) — рождается надобность в более ускоренном письме, чем полуустав. В ответ на это требование жизни выработалась скоропись. Скоропись характеризуется размашистостью письма, свободой нажимов и большим количеством сокращений. Эпоха скорописи — XVI—XVII вв.

Г) Орнамент книг. В древности книги были украшенные и неукрашенные. Отличительной чертой украшенных книг был орнамент. Орнамент делился на собственно орнамент, миниатюры и заставки.

а) Собственно орнамент — это узор — в ширину страницы — в виде продолговатого четвероугольника, помещавшийся в начале книги или главы. Стиль орнамента не был одинаков: он, как и письмо, менялся в связи с эпохой и поэтому по нему можно определять время появления книги. Так, в XI, XII и первой половине XIII в. в русских книгах господствовал стиль геометрический. Отличительной особенностью этого стиля была правильность линий и естественность изображений животных и растений. С половины XIII века появляется стиль „тератологический“ или иначе сказать — „чудовищный“. Особенностью чудовищного стиля было сплетение ремней и веток с фантастическими животными и птицами. С XV в., под воздействием южно-славянской книжности, с одной стороны, и западноевропейского искусства, с другой, — на Руси появляется новый стиль двух разновидностей: ново-византийский и фряжский. Ново-византийский стиль отразил возврат к старому геометрическому стилю, а фряжский — дал, взамен геометрических фигур, сочные ветки растений, листья и цветы, раскрашенные совершенно естественно.

В Беломорье, в связи с фряжским орнаментом, выработался особый поморский орнамент, свойственный главным образом раскольнической литературе. В поморском орнаменте совсем нет элементов чудовищного рисунка — есть только одна растительность.

Более подробные сведения о материалах русского письма, о формате книг и орнаменте их см. в курсах лекций по палеографии проф. Карского, Щепкина, Шляпкина.

б) Под термином „миниатюра“ мы имеем в виду рисунки, например: изображение семейства Святослава в „Святославном сборнике“ 1073 г., Давида — в псалтырях, Моисея — в библиях и т. д. В более поздних рукописях количество рисунков возрастает (Летописи XVII в.). Книги,

украшенные миниатюрами, в древности назывались „лицевыми книгами“. Стиль рисунков, конечно, отражал идеологию своего времени. Так, изображения худощавых фигур, с „очами подъятыми вверх“ характеризуют настроения аскетов, отказавшихся от земных радостей и поставивших своей целью „потусторонние задачи“. Наоборот, изображения красавиц и красавцев отражают эпоху ренесанса, торжество торгового капитала.

в) Заставки — это фигурные буквы, употреблявшиеся в начале книги или главы. Иногда эти заставки исполнены в красках и очень художественно.

Д) Писцы книг. Древние писцы обычно вырабатывались в монастырях. Ранние писцы занимались перепиской книг главным образом по побуждениям религиозного чувства. Эти писцы к делу копирования книг относились со всевозможным старанием, и потому их письмена отличаются наибольшей точностью и красотой почерка. По своему социальному положению первые писцы были все из верхнего слоя тогдашнего общества, а именно: лица княжеского происхождения (Владимир Мономах, Евфросиния Полоцкая, Данил Заточник); духовные лица: епископы, игумены, чернецы, попы, диаконы, пономари, владычные писцы, поповичи (Карский, Лекц. по палеографии, 174—175 стр.).

С развитием торговых отношений, примерно, с XVI в., появились писцы-профессионалы. В целях ускорения выпуска книжной продукции в свет, иногда одну книгу писали несколько лиц. Эти писцы — люди новых взглядов на свой труд — не только не обнаруживали рвения к точности содержания книг, но даже иногда вносили не только поправки от себя, но и на полях делали ненужные приписки. И. А. Шляпкин, в качестве преподавателя палеографии, в 1908 г. обратил внимание студентов Археологического института на следующие приписки: „Офреме грешниче, не ленися“; другой писец, жалуясь на недостаток освещения, написал: „темно“; третий утомился: „О господи, помози. Дремота неприменьная и в сем рядке помешахся“, четвертый сетовал на плохое качество бумаги: „лиха папере, да не помочи ей ничим“; пятый приписал: „итти редьки похлебать“. Еще больше указаний на факты сторонних приписок дает Карский в своих лекциях по палеографии.

Дополнительные пособия

1. **Богородицкий, В. А.** Общий курс русской грамматики, главы: 15, 16, изд. 1935 г.
2. **Быковский, С. Н.** К. Маркс и языкознание. Известия ГАИМК, вып. 82, 1934 г.

3. **Он же.** Яфетический предок славян — киммерийцы, изд. ГАИМК.
4. **Иванов и Якубинский.** Очерки по языку.
5. **Каринский, Н. М.** Очерки языка русских крестьян, изд. 1936 г.
6. **Карский.** Очерк славянской кирилловской палеографии, изд. 1928 г.
7. **Канцельсон, С. Д.** Вопросы языкознания в „Немецкой идеологии“ Карла Маркса и Энгельса. Изд. ГАИМК, вып. 82, год 1934.
8. **Марр, Н. Я.** Происхождение терминов „книга“ и „письмо“. Здесь дан пример палеонтологического анализа слов. См. „Книга о книге“, № 1, изд. Ленингр. госуд. библиотеки, 1927 г.
9. **Никифоров, С.** Методические указания для заочников к программе по истории русского языка, изд. 1935 г.
10. **Овсянико-Куликовский.** Синтаксис русского языка, изд. 1912 г.
11. **Соболевский, А. И.** Лекции по истории русского языка, изд. 1907 г.
12. **Шахматов, А. А.** К вопросу об образовании русских наречий, см. Ж. М. Н. П. за 1899 г., № 4.
13. **Он же.** Исследование о двинских грамотах XV в., изд. 1913 г.
14. **Флоринский, Т.** Лекции по славянскому языкознанию, 1—2, Киев, 1895 г.

III. Кризис церковно-славянского языка и начало русского национального языка

Начало европеизации и демократизации русского литературного языка

Образование национальных языков связано с возникновением буржуазного общества. В статье „Что такое „друзья народа“ В. И. Ленин писал: „начавшееся в XVII в. слияние областей, земель и княжеств в одно целое было вызвано усилившимся обменом между областями, постоянно растущим товарным общением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок“ (Собр. соч. III изд. I. 73). С этого времени удельные княжества мало-по-малу теряют свое значение, и феодальная Русь превращается в единую нацию. „Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма,—говорит И. В. Сталин,— является в то же время процессом складывания людей в нации“. („Марксизм и нац. вопрос“). Вместе с этим процессом и как отражение его в области книжного языка растет стремление к созданию национального языка. Московия в изучаемый период в глазах народных масс получает признание государства, способного сконцентрировать всех русских людей в единое политическое тело, а говор города Москвы считается — это мы видели выше — лучшим говором русского языка.

Двуязычие в XVII веке изживало себя. Книжный язык, обильно наполненный высокостильными церковнославянскими словами, был мало понятен даже московской интеллигенции XVII в. Письменный язык коренным образом расходился с разговорным московским диалектом. Об этом англичанин Генрих Лудольф, в своей русской грамматике, изданной в 1683 г., писал так: „Без помощи слявянского языка никто из русских не может ни писать, ни рассуждать об ученых предметах; напротив, никто ничего не поделает в делах домашних, семейных с одним только славянским языком, потому что многих слов из житейского обихода нет в тех книгах, из которых почерпается язык славянский. Поэтому считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски. Ц.-славянский язык начинает терять свое значение

господствующего литературного средства сообщения и возникает мысль о необходимости признания литературной функции за русским языком. Дмитрий Ростовский в предисловии к своему „Розыску о брынской вере" (1709 г.) просит читателя не удивляться допущенному им „просторечию" и „некрасному сложению" и оправдывает себя тем, что писал для „самых простых людей". Такое же оправдание счел нужным выставить и другой книжник начала XVIII века, неизвестный собиратель русских пословиц. В предисловии к составленному им сборнику он писал: „Аще ли речет некто о писанных зде, яко не суть писана зде от божественных писаний, таковый да весть, яко писана многая согласна св. писанию, точию без украшения, как мирстии жители простою речию говорят".

Все отмеченные затруднения в области языка толкали господствующий класс г. Москвы к двум выводам: во-первых, констатировать, что церковно-славянский язык в условиях XVII в. перестал удовлетворять потребности речи дома и в обществе и, значит, стал бессилен отвечать задачам складывания русской нации, во-вторых, признать русский, родной язык главным средством сообщения во всех светских и научных вопросах. В ответ на это требование жизни московская власть дала русским людям право писать жалобы, просьбы, акты и даже челобиться царю на родном русском языке, не стесняясь особенностями говора своей местности. Так, во второй половине XVII в. царь Алексей издал следующий указ: „буде кто в челобитье своем напишет в чьем имени и прозвище, не зная правописания, вместо О — А, или вместо А — О, или вместо ер — ерь, или вместо ять — Е, или вместо И — I, или вместо У — О, или вместо О — У и иные в письме наречия подобные тем, по природе тех городов, где кто родился, и по обыклостям своим говорить и писать навык, того в бесчестье не ставить". (Собр. законов, т. I, № 597).

Так в XVII в. произошло признание прав национального языка за русским языком. В основу русского национального языка лег говор г. Москвы, как столицы Московского государства. Ввиду того, что первоначально московский говор был беден словами и не мог удовлетворить требований национального языка, то в лексике русского письменного языка скоро обнаружилась тенденция к синтезу слов европейских (европеизация), русского просторечия и славянизмов. В грамматике русского языка утратилась многочисленность наклонений и временных форм. Сохранилось только три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Смысл передаваемый прежде различными вре-

менами, в XVII в. стал передаваться видовыми формами глаголов.

На развитие русского литературного языка в XVII в. повлияли два процесса: европеизация и демократизация его. Соотношение общественных сил, развивающих эти процессы, было сложно и противоречиво. Дворянство и купечество, как наиболее прогрессивные слои московского общества, боролись за слияние в национально-русском русле европейских и демократических речевых элементов. В реакционных же кругах Москвы, т. е. среди боярства и высшей церковной иерархии, было стремление к сохранению древнего церковно-славянского языка в полной его неприкосновенности и вражда к новым стилям: как к европейскому, так и демократическому. А в слоях ремесленников, мастеров, художников и раскольников шла борьба за допущение в письменный язык просторечия.

В изучаемую эпоху усилились торговые и культурные связи русского купечества с Западной Европой и вместе с тем возросло влияние западной цивилизации на Московскую Русь. Лингвистические западно-европейские отражения шли в Москву из Литвы и Польши, главным образом через Киев.

В XVII в. в пределах Руси существовало два центра церковно-славянской языковой традиции: Москва и Киев, причем каждый из них имел свой район влияния. В упомянутом столетии киевская наука оказалась выше московской. Дело в том, что в то время в Киеве была своя высшая школа, ученым Мелетием Смотрицким в 1619 году была создана грамматика церковно-славянского языка, поставившая своей задачей привести грамматический материал церковно-славянского языка из хаоса в систему, и началось применение церковного языка в стихах и интермедиях.

Во второй половине XVII в. представители киевской науки появились в Москве. Так, в 1649 г. приехал сюда Епифаний Славинецкий, в 1664 — Симеон Полоцкий, в 1670 г. — Иоанникий Голятовский и т. д. Эти ученые в Москве были назначены на ответственные посты и получили большую возможность оказывать свое влияние на русскую книжность и воспитание юношества. Будучи сами украинцы и белоруссы, они в Киеве писали свои труды по церковно-славянски, с сильной примесью украинизмов и белоруссизмов. Каков был их киевский язык мы можем видеть даже из заглавия гомилетики (теория проповеди) Иоанникия Голятовского: „Наука, альбо способ зложения казаня“ (церковное поучение). Но на московской почве часть киевских ученых, например, Симеон Полоцкий, под-

падая под воздействие московской национальной идеи о руссификации книжного языка, обнаруживает явную тенденцию к замене украинских, белорусских и иностранных слов и форм словами и формами русского языка.

Это показывает нам, что киевские ученые, по крайней мере передовая часть из них, стремятся к очистке московского языка от непонятных слов, заботятся об усилении в нем национально-русских элементов. Так, в звуках они устраняли украинские особенности: взамен: тулко, тылко, хто, що, з — писали: только, токмо, кто, что, с. В области форм устранялись те синтаксические конструкции, которые были более свойственны западно-русскому литературному языку, чем московскому, например: при глагольной форме „избрал еси“ стали ставить винительный падеж: „бога, царя“, вместо творительного: „богом, царем“; взамен: „о горделивем“ писали: „о горделивом“. Формы наречия и деепричастия берут перевес перед краткими прилагательными и причастиями: „молитву твориши слезне“ вместо „молитву твориши слезен“; нищ инок суще“, вместо: „нищ инок сущий“ и т. д. Та же тенденция, по словам А. Д. Григорьева и В. В. Виноградова, продолжается и в области лексики. В переработанных в Москве проповедях Иоанникия Голятовского и поучениях Димитрия Ростовского, вместо имен существительных: „персона, казнодей, куншт, оказия“, мы находим: лице, учитель, образец, случай; вместо глаголов: „мовити, ховати, дяковати, зробити“ видим: глаголати, хранити, благодарити, делати; вместо числительных: „една, едно“ — одна, одно; вместо союзов „абы, аже, але“ — встречаем: дабы, а, но и т. д.

Но с другой стороны, еще с XVI в. из Западной Европы в Москву лилась широким потоком переводная литература. Согласно выводам А. И. Соболевского, большая часть переводов XVII столетия была сделана с латинского языка, т. е. с того языка, который в то время был языком науки во всей Западной Европе. Несколько меньше переводов было с польского языка и еще меньше с немецкого. Вся эта иноземная литература вела к заимствованию слов латинских, польских, немецких. С усилением в Москве латинской ориентации (организация латинских школ) умножается интерес к латинскому языку, а через него и к другим иноземным наречиям.

В результате знакомства русских людей с литературой Запада, в частности с латинским языком, московский язык получил огромное количество новых слов и некоторые новшества в конструкции речи. Так, в области синтаксиса, под влиянием латинского языка, надолго укоре-

нилась конструкция предложения и периода с глагольным сказуемым на конце. Таковы, например, предложения в эпилоге „Комедии о блудном сыне“ Симеона Полоцкого:

„Юным се образ старейших слушати, на младый разум свой не уповати. Старые — да юных добре наставляют, ничто на волю младых не спущают“.

Этот отрывок характерен не только по конструкции, но и по морали. Он показывает авторитарность старой педагогики и неверие в силы молодежи.

Под влиянием переводной литературы словарь русского языка запестрел иноземными словами. Для иллюстрации сказанного приведем примеры:

а) Слова латинского языка: орация (ораторская речь), экзордиум (вступление), наррация (изложение), конклюзия (заключение), фабула, циркуль, нумерация, глобус, градус, минута, фортеция, персона, гонор, фамилия, фундамент, шляхта, инструкция, церемония, мизерный, центр, цикл и т. д.

б) Слова польского языка: вензель, особа, пекарь, оказия, презентовать, приватный, суптильный, рама, вирша и др.

в) Немецкие слова: бляха, кухня, аптека, солдат, шеренга, мундир и т. д.

Иностранные слова скоро вошли не только в языки профессиональных групп русского населения, но и в круги дворянства и торговцев. Так, автор повести „О дворянине Фроле Скобееве“ употребляет ряд иностранных слов, например: банкет, квартира, реестр, публикация и др. Так, мало-по-малу русский язык освобождается от византийско-болгарских церковных оков и приобщается к науке Западной Европы. Так начался процесс европеизации русского литературного языка.

Сторонниками демократизации русского языка были раскольники. Последние обращали свою речь в массы и потому чувствовали острую нужду в простом разговорном языке. Но раскол не надо понимать только как спор о формально-религиозной внешности. Нет, тут необходимо учитывать его, как выражение протеста низов и искание выхода из трудностей тогдашней жизни. Дело в том, что процесс закрепощения народных масс власти помещиков при первых Романовых неуклонно вел к усилению податного бремени и барщинного гнета. Раскольник Докукин положение трудящихся в свое время изображал так: они „свободной жизни лишаеми, озлобляемы, оскорбляемы... рыбные ловли и торговые и завоцкие промыслы отняты... на правежах стоя от великих и несносных податей... гла-

дом истаеваемы и многие от того умерщвляемы". Все это, конечно, толкало крестьян и ремесленников на путь борьбы с угнетателями. Но не умея выступить против своих поработителей активно, трудящиеся протестовали пассивно, а именно — уходом в раскол. Таким образом, раскол для крестьян и ремесленников был своеобразной формой протеста против феодального государства. В качестве орудия борьбы против верхов общества раскольники выдвинули разговорный диалект широких масс, просторечие. Выразителем языкового идеала раскольнических масс был протопоп Аввакум (1621—1682). Язык своих книг („Житие", „послания") Аввакум характеризует, как „вяканье", т. е. как язык просторечия. Свое просторечие он считал не только годным для книг, но и требовал, чтобы все русские люди не стыдились его. Такую претензию он предъявляет прежде всего к царю Алексею Михайловичу. В статье „Толкование псалмов" Аввакум, обращаясь непосредственно к царю, писал: „ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком: не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах". („Житие", изд. 1935 г., стр. 247.) Об обстоятельствах собственной жизни он повествует простым русским языком, например: „В воду загрузило дощеник мой совсем. Парус изорвало, одны палубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на палубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя". В другом месте протопоп писал так: „Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто: льет вода по брюху и по спине". Или еще: „Протопопица, бедная, бредет — бредет да повалится — колско гораздо".

Считая язык важным орудием борьбы, он пользуется им, как средством нападения на своих врагов и как средством просвещения масс. В первом случае у него язык разит, как меч, а во втором — добродушная отцовская беседа. Так, обличая патриарха Никона, Аввакум называл его „носатым, брюхатым, борзым кобелем", уверял, что Никон ведет развратный образ жизни: „бабы молодые, черницы в палатах у него... тешат его... Максимова попадья, молодая женка, у святителя государя в ложнице была, водку пила" (Там же, стр. 236). Сподвижники патриарха Никона ему вполне под стать. Иларион, архиепископ рязанский, обуреваем гордостью и развратом: „в карету сядет растопырится, что пузырь на воде, расчесав

волосы, что девка, да едет, выставив рожу на площадь, чтобы черницы любили. Ох, ох, бедной." (Там же, стр. 220—221). С такими морально павшими лицами протопоп не церемонится и при всяком удобном случае бранно порицает их. „Аз, говорил он, с кобелями теми грызся, яко гончая собака с борзыми". Разочаровавшись в самом Алексее Михайловиче, как в защитнике старой веры, Аввакум не щадит и последнего: „Бедной, бедной, безумной царишко. Что ты над собою сделал. Ну, сквозь землю пропадай".

Таков протопоп Аввакум в отношении гонителей раскола. Но в отношении единомышленников и „духовных чад своих" он добр и хорош. Так, он очень заботлив о больном Федоре, о боярыне Морозовой, княжне Урусовой и др. старообрядцах. В послании к Морозовой и Урусовой он писал: „Две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслины... светила великия, солнце и луна русския земли, Феодосия и Евдокея". Но стоит только которой-нибудь из этих ласточек провиниться в вопросах веры или морали, как протопоп становится строг и неумолим. Как-то Морозова, будучи недовольна Федором просила Аввакума наказать его. Аввакум огорчился на Морозову и сердито отвечал ей: „Ох, увы, горе. Уж мне баба указывает, как пасти христово стадо. Сама вся в грязи, а иных очищает, сама слепа, а зрячим путь указывает: образумься, глупая, безумная". (Там же, стр. 304—305). Выступая в качестве вероучителя народных масс, он упрощал речь до бытового крестьянского просторечия и пословиц: „Адам спрятался, бедной, за куст; Сарра, встречая святую троицу, пирогов напекла: святой Николай Ария, собаку, по зубам брязнул; коли кто изволил богу служить, о себе ему не подобает тужить; отольются медведю коровьи слезы". Иногда автор допускает и еще более вульгарные выражения. Все это показывает нам, что раскольники вели за язык двойную борьбу: во-первых, они хотели из книжного языка искоренить все старые трудные слова, но оставить слова простые, всем понятные и, во-вторых, вместо иностранных слов ввести в письменность язык разговорного просторечия.

Так думали не одни расколоучители. Повидимому, их поддерживали ремесленники, кузнецы, плотники. Идея демократизации языка уже зрела, да и не могло быть иначе.

IV. Эпоха русского национального языка

1. Попытка создания русского светского языка на основе речи посольского приказа

В первой четверти XVIII в. в глоттогоническом процессе русского языка продолжают действовать те же тенденции, что и в предшествующем столетии. Но вместе с этим мы видим попытку передового дворянства, возглавляемого царем Петром 1, активным вмешательством усилить развитие светских начал в языке. Правительство Петра целой системой особых мероприятий надеялось создать светский письменный язык на почве синтеза дворянского просторечия и пришлых западно-европейских лексических элементов, с условием наибольшего устранения слов и форм церковно-славянского языка.

К началу XVIII в. в Московском государстве обнаружились значительные изменения: а) выросла торговля как внутренняя, так и внешняя; б) настроения дворянства изменились в сторону Запада, и перед ним (дворянством) встала задача устранить с своей дороги реакционное боярство; в) ухудшилось положение крестьян, и последние чаще и чаще волновались. Все это вместе взятое заставило царя Петра приступить к перестройке неповоротливого государственного аппарата на более эластичный. Свои реформы Петр производил жестокими мерами, тем не менее они были прогрессивны. „Россия европеизировалась, — говорил В. И. Ленин, — не останавливаясь перед варварскими средствами за искоренение варварства"[1] Одновременно с этим интересы торговли, забота о расширении границ государства до морских берегов и стремление к участию в общеевропейской международной политике заставили Петра начать войну со шведами за обладание Финским заливом Балтийского моря. Для одоления шведов явилась необходимость перестроить на западный образец армию, создать флот, овладеть западной техникой и наукой. За помощью по всем этим делам пришлось обратиться непосредственно к западно-европейским народам, минуя

---

[1] Ленин.—Собрание соч. III, изд. XXII, 517.

украинское и даже польское посредство. Для удовлетворения всех этих государственных и общественных потребностей в России открываются новые школы, приглашаются из Западной Европы разного рода специалисты и переводятся с иностранных языков на русский язык сочинения—математические, военные, морские, медицинские, архитектурные, географические, исторические, философские и художественные. Вместе с тем Петр добивается бытовых изменений в кругах боярства и дворян: вводит новые костюмы, обязывает брить бороду, выпускает женщину из терема, заставляет всех бывать в обществе, танцовать и т. д. Благодаря всем этим мерам явилось большое новое содержание, множество новых европейских слов и форм в языке.

Первоначально европеизация русского языка, языка делового, точнее сказать, канцелярского, официально-правительственного, не была глубока. Она сводилась к усвоению новых понятий и новых слов. Н. А. Смирнов в своем труде „Западное влияние на русском языке в Петровскую эпоху", изд. 1910 г., установил, что из Западной Европы в Россию к концу царствования Петра влилось более трех тысяч иностранных слов. Но при этом надо помнить, что среди такой массы находилось много слов-дубликатов, т. е. слов, имеющих одно и то же значение, но выраженных в формах разных языков. Слова-дубликаты тогда появились в виду того, что книги спешно переводились с разных языков по одной и той же специальности, а переводчики, не умея преодолеть сопротивление незнакомого им содержания „термины" оставляли без перевода. В результате одно и то же понятие в России получило ряд наименований: и по голландски, и по-немецки, и по-английски. Согласно вышеуказанной работе Смирнова одна четверть заимствованных из Западной Европы слов относится к администрации, например: администратор, бухгалтер, испектор, президент, губернатор. „Все эти персоны, говорит исследователь—в своих канцеляриях, коллегиях, комиссиях, конторах... адресуют, аресуют, конфискуют, штрафуют, трактуют". (Смирнов, Иностр. влияния на русск. яз., стр. 5). Сюда же относятся слова: конверт, пакет, рапорт, акт, ордер, проект, вексель, облигация, тариф, инкогнито. В это же время стали известны: авторитет, адвокат, акция, ассигнация, кредит, модель, ранг, формуляр, нация, вакация и т. п. Все эти слова заимствовались от иностранцев непосредственно или чаще через Польшу, что заметно из форм: окончание имен существительных на ИЯ и глаголов на ОВАТЬ.

Указанные административные термины быстро распространялись в кругах служилых людей. Некоторые из слов подвергаясь переосмыслению с точки зрения „народной этимологии“, меняли свою форму и даже значение. Так, немецкое слова profoss, обозначавшее должность чиновника, исполнявшего обязанности палача, изменилось в просторечии в „прохвост“.

Вторая четверть иностранных слов относится к морскому делу. Необходимость пробиться к морю заставляла правительство Петра построить флот и научиться управлять им. Поэтому в 1696 г. Петр посылает за границу молодых дворян учиться „корабельному делу“ и скоро едет сам. Он изучает морское дело в Голландии и Англии. По возвращении на родину создает гавани, строит корабли, открывает навигацкие школы. Вследствие этого на Руси опять появляется масса новых понятий и иностранных слов, касающихся судостроения и мореплавания.

Термины мореходного дела заимствованы главным образом из голландского и английского языков. Так, из Голландии восприняты понятия: гавань, рейд, верфь, док, фарватер, киль, руль, рея, каюта, койка, шлюпка, трап, катер, матрос... Из Англии: бот, шкуна, бриг, мичман... Немного из немецкого языка, французского и даже итальянского. Из французского: флот, десант, абордаж. Из немецкого: бухта, лавировать, такелаж, лоцман, пират... Из итальянского: бригантина.

Третья четверть иностранных слов относится к военному делу. Начало регулярной армии положено было при царе Алексее, но создана она была при Петре, при чем за образец были взяты вооруженные силы Франции и Германии. В связи с этим неудивительно, что военные термины были заимствованы из французского и немецкого языков. Немецкие термины в Россию шли непосредственно, а французские по большей части через Польшу. Так, из немецкого лексикона были восприняты слова: лагерь, бруствер, юнкер, генералитет, штурм, лозунг и т. д. Из французского языка, но через Польшу: армия, гвардия, кавалерия, дивизия, аммуниция; глаголы: аттаковать, штурмовать, вербовать и т. п. Прямо с французского: баталион, бастион, гарнизон, редут, барьер, брешь, манеж, мортира, марш...

Четвертую четверть слов—европеизмов составляют научные термины, бытовые и разговорные обозначения. В это время открываются новые школы светского характера, в которых преподаются — математика, физика, химия, медицина, архитектура и т. д. Ученикам на

уроках показываются—глобус, компас, ландкарта. Становятся известны научные названия болезней: летаргия, апоплексия, а также лекарства: ляпис, оподельдок, хинин... Медицинская и фармацевтическая терминология приходила в Москву не только в латинской форме, но в немецкой и польской. Знакомясь с архитектурой, русские усвоили слова строительного дела: пьедестал, фриз, карниз и мн. других.

Через предметы роскоши и моды дворянство и купечество получили с французского языка названия: галантерея, камлот, креп, репс, фланель: с немецкого: штиблеты, рейн-вейн...; с польского: байка, провизия, цукат, шпалеры, табакерка; с английского — клавикорды.

С изменением бытовых условий русского дворянства в разговорном языке появились новые слова с французского и немецкого, пришедшие обычно через Польшу: ассамблея, амбиция, зала, бал, визит, пассаж, пардон, резон, политес, флер, бокал, позумент, мантилья, галстук, конфета и т. п.

В результате усвоения массы новых понятий язык правительственных канцелярий, а также разговорный язык дворянства запестрел огромным количеством слов-европеизмов. В качестве примера речи того времени беру по Богородицкому отрывок из „Регламента кригскомиссариату".

„Смотреть того, чтоб никто, как из вышних, так и из нижних господ офицеров не употребляли как драгуна, так и солдата и всего данного из казны царского величества к своим услугам и корысти, чего ради фискалы должны в том обсервовать и противу тех у коммисариату протестовать и по протестации помянутых фискалов во отлучение главного коммисариату, оберкригскомиссар должен доношение иметь главному командующему, дабы того, на коего протестация подана будет, отсылать для розыска и показания в том деле совершенности до коммисарства и потому соверша инквизицию, требовать офицеров к кригсрехту, а тому делу окончания чинить как сентенция будет подписана". (Богородицкий, Общ. курс русск. грамм. изд. 1913 г., стр. 467).

Цель европеизации дворянского языка, повидимому, была двойная. Во-первых, иностранные слова должны были играть роль орудия для вытеснения из дворянского обихода церковнославянизмов и, во-вторых, служить средством оформления нарождающейся в России новой идеологии, идеологии, в корне противоположной старой аскетической.

Для достижения поставленных задач языкового строительства осуществлялась следующая программа: а) язык посольского приказа считать за норму нового языка; б) заботиться о единстве литературного диалекта и в) ввести гражданскую графику.

Новый русский литературный язык дворянство стремилось создать на основе смешения дворянского просторечия и пришлых западно-европейских лексических элементов. В основу формирования своего литературного языка дворянство положило деловой канцелярский диалект, главным образом, диалект посольского приказа. Язык этого приказа считался лучшим выражением делового языка, был богат русскими словами и формами, но страдал однообразием синтаксических конструкций и союзов. В правительственных инструкциях язык посольского приказа рекомендуется для переводчиков иностранных книг на русский язык, как литературная норма, к которой нужно стремиться и которая должна обеспечить максимальную простоту и понятность перевода, с одной стороны, и охранить книгу от церковно-славянских архаизмов с другой. Так, в 1715 г. Петр приказал Конону Зотову перевести ряд книг, касающихся мореплавания „нашим стилем". Мусин-Пушкин, согласно именному указу царя, писал переводчику Ф. Поликарпову, большому любителю церковно-славянского стиля, чтобы тот исправил переведенную им географию „не высокими словами, но простым русским языком". Далее, Мусин-Пушкин предупреждал Поликарпова: „высоких слов словенских класть не подобает, но посольского приказу употреби слова". *Таким образом, с точки зрения правительства царя Петра I, нормой литературного выражения в начале XVIII в. считался язык посольского приказа.*

Поощряя многочисленные переводы книг с иноземных языков, правительство Петра заботилось не только о понятности текста, но и о единстве литературного диалекта. Признание прав литературности за областными говорами в петровскую эпоху считалось недопустимым. Тогда литературным наречием признавалось окающее русское наречие, всего вероятнее, начинающий складываться петербургский диалект. Так думать можно на основании следующих фактов: чиновники из синода разрешали украинские издания только с тем условием, чтобы последние выходили обязательно „на великорусском наречии"; устав Академии наук 1724 г. предписывал президенту наблюдать, „чтобы во всей Академии един образ был языку и правописанию". Здесь выражение „един образ правописанию"

ясно намекает именно на окающий говор русского языка.

Наконец, в целях отрыва русского дворянского языка от старого церковно-книжного — правительством Петра была совершена реформа азбуки. Вместо церковно-славянской „кириллицы“ (правильнее климентицы) в 1708 г. была принята новая гражданская азбука.

Так создавался в эпоху Петра дворянский светский литературный язык. Но не следует думать, что в петровскую эпоху был только один светский письменный язык. Нет, для церковных дел существовал и старый церковно-славянский язык, а для художественной литературы — язык повестей и лирики. Оба языка — церковный и светский находились во взаимодействии, оба влияли друг на друга.

А. Фонетика, морфология и синтаксис дворянского языка

Дворянское общество новой столицы (Петербург) в первой четверти XVIII в. еще не имело своего устойчивого диалекта и потому в выговоре слов обнаруживало большую широту фонетических вариантов: было и окание, и акание и резко книжное произношение.

В области морфологии, согласно выводам В. В. Виноградова, заметны следы просторечия, например:

а) им. п. мн. ч. в именах существительных среднего рода имел окончания: Ы, И, ЫИ, ЬИ: болоты, колесы, писании, повеленьи, кольи.

б) род. п. мн. ч. имен существительных оканчивался на ОВ, ЕВ: бомбов, монетов, невеждов, мечов, примечаниев, здоровьев;

в) сравнительная степень оканчивалась на ЯЕ: скоряе.

В сфере синтаксиса наблюдалось смешение старокнижных форм с разговорными. Речь была логически не расчленена, союзов много и часто лишних. Вот пример из „Записок“ Желябужского, изд. 1840 г., стр. 245: „А морозы были великие, многие на дорогах помирали, также и снеги были глубокие, а вода была великая... и с берегов дворы сносила и с хоромами и с людьми, и многих людей потопила“ (Виноградов).

Но рядом с предложениями, в которых соединение частей достигалось посредством нагромождения лишних союзов или при помощи архаических форм, в роде: понеже, дабы, для того, того ради, с начала XVIII в. появились латино-немецкие конструкции, т. е. предложения со сказуемым на конце.

Б. Взаимодействие светского и церковного стилей в языке XVIII в.

С изменением условий экономического и общественного бытия дворянства в начале XVIII в. и с усилением знакомства с западной культурой изменяется строй его взглядов на мир и на человека. Старое аскетическое мировоззрение заменяется светским, в корне ему противоречащим.

Средневековая церковь учила: „мир весь во зле лежит“, „мир есть место юдоли, плача и скорби“, в человеке злое начало перевешивает доброе начало“, „жизнь человека самостоятельного значения не имеет, так как она только подготовляет к жизни загробной“, „все земные радости для человека греховны“. Но в начале XVIII в. такие аскетические взгляды в передовых слоях русского дворянства потеряли всякий кредит. Тогда многие образованные люди пришли к убеждению, что мир не есть место страданий человека, где он „яко в горниле“ очищается от греховной заразы, а есть место радости, и жизнь человеку дана совсем не для того, чтобы „измождать“ себя постом и молитвою, а чтобы наслаждаться ею в пределах дозволенного закономерностями природы и общества.

В связи с коренным изменением идеологии изменяется и характер художественно-литературной продукции и характер языка. Вместо произведений, восхвалявших „измождение“ тела веригами, постом и молитвой, в 20—30 гг. XVIII в. появляются повести и стихи, воспевающие красоту тела и любовные похождения героев. Обратим внимание на „Гисторию о российском матросе Василии“, на любовную лирику и сатиру.

В повести о матросе Василии отражены особенности русской жизни петровской эпохи, например: посылка Василия за границу учиться морскому делу, превращение его в кавалера; упоминается Петербург, Кронштадт; флот, буэра, шлюпка. С другой стороны, указаны черты влияния Запада: сила любовного увлечения, игра на арфе, пение арии, рыцарский поступок кавалера по отношению к даме сердца и т. д. Язык повести представляет сочетание просторечия (усмотрел, тропка, пройтить, стежка, вороты отворяли и др.) с славянизмами (зело прекрасна, оный в скудость прииде, един, молитва и пр.) и европеизмами (матрос, маршировать, Голландия, командирован, Ираклия, арфа, ария, пароль и т. д.) В формах глаголов встречаются формы славянские и русские, а именно: аористы и прошедшее время новейшего времени. Примеры:

аористы: прииде, рече, даде и формы прошедшего времени новейшей эпохи: усмотрел, записался, имел и т. д. В области построения предложений заметно нагромождение союзов, старых и новых, например: яко, токмо, чтоб, что и т. д. Встречаются повторы: „во едино же время". Заметно неуменье пользоваться деепричастными и причастными конструкциями.

В любовной лирике точно также видим попытку сочетать светскую лексику и светскую фразеологию с формами славянской речи, а иногда и с европеизмами. Примеры:

„О коль тягостно голубю без перья летати,
сколь мне без друга мила тошно пребывати,
И теперь я, младенька, в слезах унываю,
что я друга сердечна давно не видаю".
(Стихи приписываемые Столетову).

или:

„Я не в своей мочи огонь утушить,
сердцем я болею, да чем пособить.
Что всегда разлучно, а без тебя скучно;
легче тя не знати, нежель так страдати
всегда по тебе".
(Стихи Елизаветы Петровны).

или:

„Купидо, вор проклятый, вельми радуется,
пробил стрелою сердце, лежу без памяти,
не могу очнуться и очима плакати".

В сфере народного творчества появляется бойкая сатира, выраженная замечательно живым языком. В „Росписи приданого" мы читаем: „Из посуды — липовые два котла, да и те сгорели до тла. Из платья — два полотенца — из дубового поленца; праздничный убор, в котором лазят красть кур через забор. Статья о красоте невесты: невеста в полосьма аршина, поперек ее половина: во рту калина, а в носу выросла рябина; бела и румяна, как обезьяна". Рядом с этим на народных подмостках существовала не менее бойкая бытовая комедия. Дьячок старается подкупить подьячего, отбирающего у него детей, и, не сумев этого сделать, мечется по сцене и вопит зычным голосом: „Все мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда, посмотрите, какая на меня пришла беда. Детей моих от меня отнимают и в проклятую семинарию на муку отправляют. О, детушки сердечные. Лучше вам не родиться на сей свет, а хотя и родиться, того же числа киселем задавиться и в воду утопиться".

* * *

Таким образом, в течение первой четверти XVIII в. в процессе развития русского литературного языка произошел коренной сдвиг: пала система церковно-славянского

языка и на обломках последнего начала создаваться система русского светского литературного языка. В рассматриваемую эпоху творцом русского светского литературного языка было дворянство, при чем этот новый язык в умах передовых людей представлялся как синтез трех лексических и фразеологических элементов: отобранных слов и форм старого славянского языка, разговорного дворянского диалекта и европеизмов. Основой нового языка был язык деловой, язык посольского приказа, последовательно совершенствуемый переводчиками с иностранных литературных трудов. Позднее этот посольский язык, выродившийся в канцелярский язык, служил в художественной литературе средством для насмешки, пародии в речи тех или других персонажей, например: у Крылова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина и др.

Количество лиц, пользовавшихся письменным языком, в начале XVIII в. значительно выросло. Теперь, кроме традиционных грамотеев из духовенства и боярства к литературному языку приобщился слой грамотного служилого дворянства. С этого времени светский письменный язык стал языком правительственных канцелярий.

2. Споры о соотношении церковнославянщины и русского просторечия в литературном языке

После смерти Петра I развитие русского национально-литературного языка, по заключению В. Гофмана, пошло до самого конца XVIII в. через длительный этап борьбы внутри прослоек дворянства и связанных с дворянством просвещенных разночинцев (Ломоносов, Тредиаковский). Смысл этой борьбы заключался в решении вопроса, допустить демократизацию литературного языка или не допустить. Желая сохранить литературный язык в своих руках в качестве орудия воздействия на массы, консерваторы предлагали создавать новый книжный язык на основе строгой замкнутости от просторечия масс, а передовые дворяне, главным образом, из того слоя, который был связан с развивающимся капитализмом, настаивали на допущении в литературу просторечия. Консерваторы в своих доводах опирались в первое время на церковно-славянский язык, как язык священного писания Прогрессивные же дворяне, в противовес консерваторам, выдвигали принципы „смешения диалектов и стилистической целесообразности“ (Гофман, Язык литературы, изд. 1936 г.).

В рассматриваемый период времени борьба за литературный язык велась внутри дворянства, но не всегда

дворянскими творцами. Иногда выразителями дворянских устремлений были просвещенные разночинцы, связанные идеологически с той или иной дворянской прослойкой. В частности, с 1725 г. и до конца XVIII в. в истории русского литературного языка мы наблюдаем два заметных тура борьбы дворянства за обособленный от демократизма язык, а именно: первый тур споров связан с именами Тредиаковского и Ломоносова и второй — с именами Карамзина и Шишкова. Борьба между первой парой окончилась в пользу компромиссного решения: восторжествовала ломоносовская теория о трех стилях. Борьба же между второй парой решилась в пользу Карамзина: победа оказалась за салонным диалектом.

После смерти Петра I в России наступила эпоха политической реакции. Эта реакция не только приостановила процесс развития русского национального языка, но и отбросила его назад. Усиление могущества крепостнического дворянства во второй четверти XVIII в. дало ему возможность говорить о восстановлении в России древнего церковно-славянского языка. Противником языковой реакции выступил В. К. Тредиаковский.

В. К. Тредиаковский (1703 — 1769 г.) — выходец из духовной семьи, учился в Московской академии и Парижской Сорбонне, в России состоял профессором красноречия. В области языка он является выразителем идеологии радикального слоя европеизированного дворянства. Для себя лично Тредиаковский поставил задачу научиться писать „не славянским языком, но почти самым простым русским слогом, т. е. каковым мы меж собою говорим". Под „простым языком" Василий Кириллович, повидимому, имел в виду дворянское просторечие в соединении с просторечием разночинца, т. е. говор с элементами демократизма. Так думать о просторечии Тредиаковского мы имеем право в виду наличия в его языке, по словам В. В. Виноградова, следующих выражений „с копылья сбился", прилеплен „как горох к стене", суется „как угорелая кошка", „ни шкиля не умеет" и т. д. (Виноградов, Очерки по языку, 81 стр.). Для всего общества он отрицал необходимость славянского языка и требовал „на всякую потребу" единого литературного языка на национально-демократической основе.

В „Слове о богатом... витийстве" Тредиаковский доказывал тот тезис, что всем людям одного и того же общества надлежит пользоваться во всех случаях частной и общественной практики исключительно своим „природ-

ным языком". Для русских людей он считал целесообразным пользоваться только русским языком: и дома и на службе „и на слуг кричать, и детей учить, и на площади разговаривать, и комедию слушать" и даже в обращении к царю.

Свою теорию он начал с разработки языка, приближающегося к разговорному, с языка, пригодного для любовного романа и любовной лирики. В подборе лексики и в конструировании предложений он стремится к простоте и легкости стиля, с явно выраженным стремлением избегать грубого. В 1730 г. Тредиаковский напечатал свой перевод французского романа Поля Теллемана „Езда на остров любви". В предисловии к этому роману, обращаясь к читателю, он извиняется, что перевод романа сделал „не славянским языком, но почти самым простым русским, т. е. каковым мы меж собою говорим". В оправдание своей приверженности к русскому языку и, значит, отказа от славянской речи, Тредиаковский приводит три следующих мотива: „Сия я учинил следующих ради причин. Первая: язык словенской у нас есть язык церковной, а сия книга мирская. Другая: язык словенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читатели не разумеют; а сия книга есть сладкие любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третия: язык словенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми". Таким образом, судя по высказываниям в „Слове о богатом витийстве" и в предисловии к роману „Езда на остров любви", В. К. Тредиаковский выступает перед нами как решительный противник церковно-славянской стихии в русском литературном языке и не менее убежденный сторонник торжества национального начала в том же русском языке.

Замечая недостатки в русском языке в области лексики, синтаксиса и орфографии, Тредиаковский пытался исправлять эти недостатки. Так, в части лексики он составил ряд своих слов, например: естественность, разумность, чувствительность, достоверный, подлежащее, искусство, нравственность. Правда, все эти слова есть не что иное, как буквальный перевод с иностранного, тем не менее они введены в наш язык Тредиаковским. Предложения, построенные неправильно, он критиковал и указывал, как их поправить. Вместо выражения: „ежели окончил и ему бы перестать", Тредиаковский советовал говорить: „ежели окончил, то ему бы перестать", вместо: „хотя сие и правда, то однако молчать надлежит",

он рекомендовал сказать: „хотя сие правда, однако молчать надлежит“ и т. п. В отношении правописания Тредиаковский в своем „Разговоре об ортографии“ предлагал писать „по звонам“, т. е. в соответствии с произношением дворянского разговорного диалекта (Собр. соч. 1849 г., III) и из гражданской графики исключить буквы: ижицу и фиту.

Все сказанное о В. К. Тредиаковском требует оговорки. Таков Тредиаковский был в молодости. В зрелом же возрасте он, по ряду причин, к сожалению, отказался от своих прогрессивных взглядов на развитие русского литературного языка и начал отдавать предпочтение славянской стихии.

Требования к новому языку Тредиаковского на практике поддерживал Кантемир. **Антиох Дмитриевич Кантемир** (1708—1736) был выразителем настроений европеизированного дворянства и потому особенно остро чувствовал после смерти Петра наступившую в России реакцию. В своих сатирах он обрушился на врагов просвещения и западной культуры.

В отношении языка Кантемир был сторонником признания литературной функции за дворянским просторечием. Он хотел создать язык самый простой, близкий к разговорному. На этом основании свой „слог“ в отношении типов, заслуживающих едкого осмеяния, Кантемир снизил до самой простой речи. Так, в сатире „К уму своему“ мы находим выражения: „пяля в книгу глаза“, „лепить горох в стену“, „трижды рыгнув“, „прикрой брюхо бородой“, „плюнь в рожу“ и т. д.

Б. В спорах за литературный язык между представителями радикальной дворянской интеллигенции, с одной стороны, и консервативно настроенными дворянами, с другой—Ломоносов усвоил тактику уступок.

М. В. Ломоносов (1711—1765), сын крестьянина-помора, учился в Московской академии, Петербургской академии и завершил свое образование в Германии. Впоследствии он знаменитый физик, химик, профессор. Будучи тесно связан по одной линии с буржуазией, а по другой находясь в зависимости от реакционной придворной знати, в отношении взглядов на литературный язык, он „не мог занять никакой другой позиции, кроме компромиссной“. Н. А. Добролюбов такое поведение Ломоносова расценивает как измену делу народа. „Попав в круг привилегированного меньшинства,—говорит он,—Ломоносов стал профессором, чиновником, дворянином, чем вам угодно, но уж никак не человеком, сочувствующим тому классу народа, из которого он вышел“. Делая уступку реакционному

дворянству, М. В. Ломоносов утвердил целесообразность в России церковно-славянского стиля для произведений, трактующих о „высоких материях“, с одной стороны, и, отражая устремления прогрессивной дворянской интеллигенции, с другой,—допустил обиходно-дворянский диалект для сочинений с менее важным содержанием.

Вместе с этим Ломоносов ограничил сферу вхождения в литературный язык ненужных европеизмов.

Осуществляя реформу литературного языка, Ломоносов составил стилистику и грамматику русского языка. Первая излагается в его рассуждении „О пользе книг церковных в российском языке“, напечатанном в 1748 г., а вторая была издана в 1755 г. под названием „Российская грамматика“.

В „Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке“ Ломоносов исходил из того убеждения, что роль церковно-славянского языка сузилась и что восстановление устаревших элементов феодального языка не имеет под собой реальной почвы. В виду этого он решил, что разные стили литературного языка должны определяться соотношением церковно-славянских элементов, бытовавших в практике образованного духовенства, и живого говора господствующего класса, при чем структурной основой литературного языка признал церковно-славянский язык. В частности, в названном труде в отношении стилистики он наметил следующее:

во-первых, ограничил сферу влияния иностранных слов на русский язык, чтобы „отвратить дикие и странные нелепости, входящие к нам из чужых языков“;

во-вторых, исключил из церковно-славянской лексики устаревшие слова, например: обаваю, рясны и т. п.;

в-третьих, все остальные слова церковно-славянского и русского языков разделил на три категории. К первой категории он отнес слова общие церковно-славянскому и русскому языкам, например: бог, слава, ныне, почитаю; ко второй—церковно-славянские слова, мало употребительные в разговорной речи, но понятные всем грамотным людям, например: отверзаю, господень, насажденный, взываю; к третьей—русские слова, неизвестные церковно-славянскому языку, например: говорю, ручей, который, лишь. Среди русских слов он нашел еще „презренные слова“, годные, по его мнению, только для „подлых комедий“.

Путем умелого комбинирования слов, принадлежащих к указанным трем группам, образуются три стиля: высокий, средний и низкий. Высокий стиль получается из слов одинаково употребляемых в церковно-славянском

и русском языках, т. е. общих тому и другому языкам. Этим стилем должны писаться произведения исключительной важности: „оды, героические поэмы, прозаические речи о важных материях“, словом, все те сочинения, в которых требуется торжественный слог. Средний стиль получается тоже из слов, общих обоим языкам, но употребляемых больше в русском языке; к ним с большой осмотрительностью можно прибавлять славянские слова, употребительные в высоком стиле, и частью низкие слова. Средним стилем следует писать „все театральные сочинения“, „стихотворные дружеские письма, сатиры, элегии“, а также исторические и научные труды. Низкий стиль получается исключительно из слов дворянского разговорного диалекта, неизвестных церковно-славянскому языку; но к ним можно прибавлять слова, употребляющиеся в обоих языках, и „простонародные низкие слова“. Низким стилем следует писать „комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе — дружеские письма, описания обыкновенных дел“. Таким образом, теория Ломоносова о трех стилях, отражая в „высокой поэзии“ устремления придворной аристократии, дает в низком стиле ничтожное место русскому разговорному языку. Это значит, Ломоносов вопроса о демократизации русского литературного языка не решил, а дал только для него, по словам Гофмана, „небольшую отдушину“.

„Российская грамматика“ Михайла Ломоносова вышла в свет в 1755 г. Она состоит из 592 параграфов и разбита на 6 отделов, или „наставлений“, при чем каждый из отделов, в свою очередь, делится на главы. Вот эти шесть наставлений:

1. О человеческом слове вообще.
2. О чтении и правописании.
3. О имени.
4. О глаголе.
5. О служебных словах.
6. О сочинении частей слова.

Из указанных „наставлений“ нашего внимания заслуживает учение Ломоносова „О чтении и правописании российском“. Говоря о правописании, он здесь выступает противником теории Тредиаковского, который в 1748 г. напечатал по этому вопросу сочинение „Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старой и новой“, в которой проводил мысль о том, что писать надо так, как слышишь и говоришь: „скушно, извесно, свецкой“. Такой принцип письма, по терминологии Тредиаковского, назывался письмом „по зво-

нам". В противоположность Тредиаковскому, Ломоносов стоял на том, чтобы правописание

служило к удобному чтению для каждого знающего русскую грамматику;

не отходило „далече" от главных российских диалектов, которых суть три: московский, северный, украинский;

не удалялось много от чистого выговора;

и—самое главное—„чтобы не закрывались совсем следы „производения и сложения речений".

Таким образом, орфография Ломоносова в основе своей исторична и морфологична.

В области диалектологии Ломоносову принадлежит честь открытия трех русских „наречий": московского, северного и украинского. Из этих диалектов в правописании он отдавал предпочтение северному, т. е. окающему. Так, он считал звательный падеж сходным с именительным, а в предложном падеже имен существительных с основой на мягкий согласный звук нормальным окончание „ять" (о пустыне), а не И. В формах неопределенного наклонения глаголов он предпочитал северно-русские: беречь, сечь, есть. В „низком стиле" в родительном и предложном падежах имен существительных, имеющих двойные формы, например: часа и часу; в свете и на свету — предпочтительнее вторые формы, т. е. с окончанием на У и т. д.

В живом языке Ломоносов отдавал предпочтение московскому акающему диалекту. Такую установку он допускает „не токмо для важности столичного говора, но и для отменной красоты, а особливо выговор буквы О без ударения, как А: многа приятнее".

В отношении синтаксиса необходимо отметить любовь Ломоносова к длинным периодам по примеру латино-немецких конструкций. От этой конструкции он не свободен даже в стихах. Возьмем, в качестве примера, отрывок из оды „На день прибытия Елизаветы из Москвы в Петербург" в 1742 г.:

„Какой приятный зефир веет
и нову силу в чувства льет,
Какая красота яснеет,
что всех умы себе влечет..
Брега Невы руками плещут,
брега Ботнийских вод трепещут".

История языка показала, что Ломоносов проблему расположения слов в русском предложении не разрешил. Строй его предложения остался латино-немецким. По этой причине проза Ломоносова, да отчасти и стихи читателям скоро стали казаться однообразными и утомитель-

ными. Крылов в „Зрителе" дал такую оценку языка Ломоносова: „Длинные периоды его утомительны, расположение слов не всегда сообразно с течением мыслей, не всегда приятно для слуха".

В области лексики в заслугу Ломоносова следует поставить внесение в русский литературный язык научной терминологии. Так, в его ученых трудах мы находим слова: натура, эфир, атмосфера, материя, термометр, барометр, градус, теория и т. д. Часть этих слов заимствована из классических языков и часть из западно-европейских.

Таким образом, архангельский гениальный помор по вопросам русского языкознания сделал очень много, а именно: написал грамматику русского языка, заложил основы русской диалектологии, высказал ряд весьма ценных соображений по лексике, орфографии и синтаксису, но при всем том не смог признать господствующего значения за национально-русским языком.

В. Особенности живой речи дворянства во второй половине XVIII в.

Основываясь на высказываниях Тредиаковского, Ломоносова и др. о разговорном языке их времени, можно сделать следующие выводы:

а) в области языка дворянства допускались провинциализмы: лукать (бросать), казаться (нравиться), потылица, рохля и т. п.; сам Ломоносов в живой речи был не свободен от холмогорских слов, например: жаль (могильная насыпь), пижма (рябина), комель (толстый конец дерева), свиль (свиловатое строение дерева), лыва (заболоченная часть луга), порядок (ряд) и т. д.

б) формы крестьянского просторечия: пужать, допущать и пр.;

в) существовала разница в произношении ять и е: ять, по словам Сумарокова, несколько „в и вшибается", а е несколько—в ио: лед—лиод;

г) в им. п. муж. рода полных имен прилагательных окончание ы и, и и по-русски произносилось о й: первый—первой, тихий—тихой, богатый—богатой, царский—царской...

д) неударенное о в окончаниях им. падежа имен прилагательных произносилось, как а: добрый—доброй,—добрай, великий—великой—великай;

е) в род. п. имен прилагательных окончание го произносилось как ва: другого—другова, этого—этава, чужого—чужова, живого—живова;

ж) деепричастие с окончанием на ючи употреблялось в глаголах русского языка и на я — в глаголах славянских;

з) сравнительная степень оканчивалась чаще на яе: добряе, простяе, красняе.

Г. Крестьянский диалект XVIII в.

Отметая крестьянский язык, как „подлую речь", дворянство было совсем неправо. Манифесты Пугачева показывают, что крестьянский язык XVIII в. очень мало отличался от дворянского просторечия и, если дворяне огульно не хотели признать за ним прав на литературность, то делали это исключительно по классовым соображениям. Все „прелестные письма" Пугачева, хотя и копируют форму царских манифестов, изложены крестьянским слогом. В синтаксисе союзы **и, а,** служат доказательствами безыскусственной связи между предложениями, например: „будете мною, великим государем, пожалованы, казаки, калмыки и татары. И которые мне, государю, амператорскому величеству Петру Федоровичу винныя были, и я, государь Петр Федорович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас. рякою с вершин до усья, и землею, и травами, и денежными жалованьями, и свиньцом и порахам". Иногда в грамотах наблюдается рифма, напоминающая напевность народных художественных произведений, например: „повеление мое исполняйте и со усердием меня, великого государя, встречайте". „Государь не только во всех извинениях всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишает". Лексика грамот крестьянская: имянной указ, амператор, други мои, жалованы крестом и бородою; винныя были; жаловаю; освобождаем от податей и отягощениев, от злодеев-дворян и т. д.

Д. Вырождение ломоносовского высокого стиля

Высокий стиль Ломоносова, отличаясь торжественностью, возвышенностью и гиперболизмом, совсем не годился для отражения понятий и настроений передовых дворян уже в конце третьей четверти XVIII в. Экономическое положение господствующего класса укрепилось, новое мировоззрение его в глазах передовых людей стало бесспорным, и взгляд на западную культуру изменился.

В то время образованные дворяне „переняли, по словам П. Макарова, от чужестранцев науки, художества, забавы, обхождение и думать стали, как другие народы" (Виноградов. Очерки по ист. яз., 130 стр.). Жизнь их обогатилась новыми чувствами и настроениями, которые в то время назывались „нежностями". Появившиеся в большом количестве романы усиливали „нежные чувства". Для отражения нового строя мышления и новых чувств церковно-славянский язык был совершенно бессилен. Мало того, он тогда даже стал непонятным для дворянства, так как церковно-славянская лексика уже изжила себя и сделалась в России анахронизмом. Люди, хорошо владевшие славянской речью, вымерли, а молодежь усвоила его плохо. Даже такой известный в то время писатель, как Сумароков и тот не знал славянского языка, хотя бы удовлетворительно. Поэтому герой его при попытке говорить славянским языком делает недопустимые ошибки. Пример: „П о д а ж д ь м и п е р о, и а б и е п о л о ж у з н а м е н и е п р е с л а в н о г о м о е г о и м е н и, е г о ж е н е в с я к я з ы к и з р е щ и м о ж е т".

Между тем, по авторитетному мнению Тредиаковского, данную мысль по славянски надо бы сказать так: „Д а ж д ь м и т р о с т ь, д а а б и е п о л о ж у з н а м е н и е п р е с л а в н о г о м о е г о и м е н е, е ж е н е в с я к я з ы к и з р е щ и м о ж е т".

В заключение Тредиаковский иронизирует, говоря о Сумарокове: „В полуторе строчке сделал пять грехов". Эти грехи, во-первых, лексические: п е р о вместо т р о с т ь, п о д а ж д ь вместо д а ж д ь; во-вторых, морфологические: род падеж и м е н и вместо и м е н е; в-третьих, синтаксические: и а б и е вм. д а а б и е; е г о ж е вм. е ж е.

Мало того, Сумароков путает значения славянских слов. Так, д о в л е е т значит достаточно, а не должно, п о б о р н и к — защитник, а не противник.

Все эти недочеты Сумарокова показывают нам, что русское дворянство уже в конце третьей четверти XVIII в. перестало понимать церковно-славянский язык, и последний для русских людей сделался мертвым языком. Так пала в России последняя твердыня церковно-славянского языка — ломоносовский высокий стиль.

На смену церковно-славянскому языку Сумароков и Фонвизин пытались ввести новый язык, построенный на принципе отбора слов по признаку употребляемости в живом говоре дворянства.

3. Борьба за демократизацию и европеизацию литературного языка на основе целесообразности слова

А. Французское влияние и реакция против него

Во второй половине XVIII в. рядом с процессом падения славянского языка шел другой процесс—европеизации русского литературного языка. В это время русское дворянство достигло наивысшего развития своего политического могущества. На этой почве расцвела дворянская культура. Последняя тогда находилась под сильным воздействием Франции, в частности французского придворного общества. В это время усилился приток в Россию идей французской просветительной философии. Все это, вместе взятое, в сфере языка вызвало наплыв „галлицизмов“ как лексического, так и синтаксического типа. Относительно словарных заимствований мы имеем свидетельство Г. Добрынина, который, иронически описывая усадьбу европеизированного помещика, отметил, что предметы обихода перестали называться по-русски, например

шандалы	вместо	подсвечники
гардины	„	занавески
люстры	„	паникадила
мебель	„	утварь
куверты	„	приборы
симметрия	„	размер
аплике	„	серебро
Лакей	„	слуга

(Виноградов, Очерки по языку, изд. 1935 г.)

Французское влияние на язык в России развивалось беспрепятственно до 1789 г., т. е. до Великой французской революции. Французская революция сильно испугала русское дворянство и прежде всего царицу Екатерину II. С этого момента в русском правящем классе резко обозначился поворот от Франции, как очага опасной идеологической заразы. Реакционное движение возглавила сама Екатерина. В своих „Былях и небылицах“ отношение к послереволюционному французскому языку она выразила в следующих „знаменитых“ тезисах:

а) „кто будет писать, тому думать по-русски;

б) иностранные слова заменить русскими, а из иностранных языков не занимать слов, ибо наш язык и без того довольно богат“.

В отношении взглядов на язык дворянское общество после французской революции распалось на две неравных

группы: консерваторов и прогрессистов. Выразителем настроений консервативных групп на язык был Шишков, а прогрессистов — Карамзин.

Б. Салонный язык и Карамзин

Карамзин (1766—1826) — сын среднепоместного дворянина из Поволжья. Учился он сначала у сельского дьячка, потом в дворянском пансионе в Симбирске и, наконец, в московском университете. В политическом отношении Карамзин занимал середину „между аристократами и демократами, либералистами и сервилистами“; вел особую среднюю линию дворянского консерватизма, в одинаковой мере враждебного, как свободолюбивым настроениям дворянской молодежи, будущих декабристов, так и обскурантским тенденциям второй половины александровского царствования.

Ученые буржуазной эпохи обычно представляли Карамзина, как прогрессивного реформатора русской письменной речи, а Шишкова, как ярого обскуранта. Но в последние годы традиционная точка зрения на языковую деятельность Карамзина (вслед за работами противников Карамзина, например: Н. А. Лавровского) была поколеблена трудами В. Гофмана, который после исследования взглядов Карамзина на русский литературный язык пришел к заключению, будто Шишков и Карамзин—оба консерваторы, оба боролись против демократизации русского письменного языка.

Соглашаясь с В. Гофманом о консервативной роли Шишкова, я считаю Карамзина в отношении языкотворческой деятельности с и л о й п р о г р е с с и в н о й. К этому выводу меня побуждают факты влияния карамзинского языка на значительную группу писателей — карамзинистов и ряд авторитетных свидетельств таких знатоков языка, как В. Г. Белинский, А. С. Пушкин, Ф. И. Буслаев, Я. Грот и др. Белинский в „Литературных мечтаниях“ писал, что Карамзин в своих стихах „к а к и в е з д е я в л я е т с я п р е о б р а з о в а т е л е м я з ы к а“ и что погрешности его только в том, что „он презрел идиомами русского языка, не прислушивался к языку простолюдинов“ (Белинский, Избранные сочинения, изд. 1934 г., т. I, 36 и 34 стр.). Пушкин в свое время заявил, что Карамзин „освободил язык от латино-немецкого ига и возвратил ему свободу“. С. П. Шевырев в „Москвитянине“ в 1842 г. писал: „Речь Карамзина была чрезвычайно оригинальна, когда в первый раз явилась на Руси после тяжеловесного периода древней школы.“ (Шевырев, „Взгляд на русск. лите-

ратуру, „Москвитянин“, 1842 г. № 2, стр. 166). Таким образом, как дворянская, так и разночинная критика в лице своих лучших представителей (Белинский, Пушкин) считала языковую деятельность Карамзина явлением положительным, но подчеркивала в ней, как недостаток, невнимание к крестьянской речи. В письме к Вяземскому, от 11 ноября 1823 г., Пушкин осуждал еще в карамзинском языке следы салонного жеманства и аристократической утонченности.

В области языка Карамзин был известен тем, что старался сблизить письменную русскую речь с разговорной речью той дворянской прослойки, которая говорила салонным языком.

Взгляды Карамзина на язык выработались не сразу. О своих поисках писательского пути Карамзин говорит так: „Вознамериваясь выйти на сцену, я не мог сыскать ни одного из русских писателей, который был бы достоин подражания, и отдавая всю справедливость красноречию Ломоносова, не упустил заметить его стиль дикий и варварский, вовсе не свойственный нынешнему веку, и старался писать чище и живее. Я имел в голове некоторых иностранных авторов; сначала подражал им, но после писал уже своим, ни от кого не заимствованным слогом“. По лучшим произведениям французской и английской литературы он заметил, что книжный язык их авторов мало отличался от их разговорного языка, и потому сам старался сблизить письменную русскую речь с разговорной дворянской речью, но не речью рядового дворянства, а только той его прослойки, которая говорила салонным диалектом, т. е. языком профильтрованным в салоне. На этом основании Карамзин поставил для себя обязательным выполнение следующих четырех правил:

а) писать короткими предложениями;

б) слова в предложении расставлять соответственно естественному течению мысли;

в) избегать как европеизмов, так и церковно-славянизмов;

г) писать тем языком, каким говорят образованные дворяне в салоне и говорить так, как пишут; писать изящно, элегантно.

Но сознавая недостаточность средств русского языка для отражения всех потребностей русской действительности, Карамзин подчеркивал мысль о необходимости включения русского языка в систему западно-европейского мышления. Он понимал, что сближение русского языка с западно-европейскими языками поможет обогатить семантику и синтаксис русского языка. В речи от 5 декабря 1818 г.,

произнесенной в Академии Наук, Карамзин говорил: „Петр Великий... сделал нас подобными другим европейцам... Связь между умами древних и новейших россиян прервалась навеки. Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут".

Сущность карамзинской реформы языка сводится к следующим положениям:

1. Ограничить слова французского языка. В связи с реакцией русского дворянства в ответ на французскую революцию Карамзин рекомендовал изъять из обращения слова—галлицизмы. В. В. Сосновский отметил, что и сам Карамзин в позднейших редакциях „Писем русского путешественника" ряд французских слов заменил русскими, например:

резон — доказательство,
апробация — проверка,
визит — посещение,
вояж — путешествие,
рекомендовать — представлять,
момент — мгновение,
публиковать — объявлять,
фрагмент — отрывок и т. п.

2. Устранять слова церковно-славянского языка, например: учинить, изрядство...

3. Устранить слова канцелярского языка, например: упражняться (заниматься), подлый (низкого происхождения), зане, убо, понеже.

4. Все остальные слова дворянского языка разобрать с точки зрения приятности речи, элегантности ее. Местом проверки и одобрения элегантной лексики Карамзин объявил великосветский салон. Значит, в литературный язык должны войти только те слова и обороты, которые пройдут через салон и там будут приняты. Слова низкие, недопустимые в салонной речи, должны совсем выпасть из литературного обращения.

5. Взамен исключенных слов, Карамзин ввел новые слова. Делал он это так:

образовывал новые слова из русских морфем по образцу структуры иностранных:

обстоятельство — circumstare, circonstance,
сосредоточить — concentrer,
переворот — revolte,
человечный — humanus и т. д.
придумывал сам новые слова:
водоем,
носильщик,
промышленность,
потребность,

общественность,
влияние,
развитие,
трогательный и т. д.

старым словам придавал новое значение:

образ — поэтический образ,
возделываются — обрабатываются.

Но полного очищения салонного диалекта от европеизмов и церковно-славянизмов Карамзину достигнуть не удалось. За недостатком русских слов он из иностранной лексики должен был допустить ряд слов, например: катастрофа, сцена, рецензия, роль, ирония, барельеф и т. д. Наконец, после ознакомления с летописями и другими источниками по древней истории России Карамзин признал литературными ряд старо-русских слов, например: тризна, клеть, пригород, самосуд, бить челом, итти с повинной, ударить по рукам, выставить на позор и т. п.

6. В отношении конструкции речи Карамзин провозгласил новый принцип: „говори, как пишешь, и пиши, как говоришь". Старые историки языка этот лозунг понимали в смысле сближения литературного языка с крестьянским просторечием. Но это неверно. Карамзин здесь имел в виду сближение литературного языка не с крестьянскими говорами и даже не с дворянским просторечием, а только с диалектом великосветского салона.

Что же касается крестьянского языка, то отношение Карамзина к нему очень ясно из письма к Дмитриеву от 22 июня 1793 г. В этом письме Карамзин писал поэту Дмитриеву: „Один мужик говорит пичужечка и парень: первое приятно, второе отвратительно. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо, порхающую малиновку или пеночку, и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: „вот гнездо, вот пичужечка". При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: „ай, парень, что за квас." Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей... Имя пичужка для меня отменно приятно потому, что я слышал его в чистом поле от добрых поселян." В результате такой мотивировки Карамзин рекомендует Дмитриеву выбросить из своего произведения слово „парень", как грубое, не прикрывающее резкой разницы между барином и мужиком, и сохранить слово „пичужка". Эти слова показы-

вают, что Карамзин относился отрицательно к крестьянскому диалекту и, повидимому, был противником демократизации литературного языка.

Тем не менее языкотворческая деятельность Карамзина в общем была прогрессивна. Он вел борьбу против обскуранта Шишкова и отрицал целесообразность для своей эпохи ломоносовской теории о трех стилях. Взамен ломоносовской тяжеловесной прозы, построенной по принципам латино-немецкой грамматики, Карамзин ввел в обиход прозу, созданную на основе передового тогда разговорного диалекта, и дал указания, как писать.

В. Борьба Шишкова за восстановление „высокого стиля"

А. С. Шишков (1754—1841) выступил в русской литературе, как противник Карамзина по вопросу о строительстве русского литературного языка. В своем „Рассуждении о старом и новом слоге", изд. 1818 г., он развил следующие три тезиса:

1. Язык есть средство национального воспитания в духе религиозности и верности своему господину. В России недопустимо воспитывать юношество на французском языке, так как из Франции через французские книги проникают вредные, революционные идеи.

2. Славянский язык—отец и сокровищница русского языка. Значит, русский литературный язык надо строить на базе церковно-славянского языка и слова и обороты для него следует брать из священного писания и из святоотеческих творений, а не из сочинений французских вольнодумцев (Вольтер, Дидро и др.).

3. Если необходимых слов нет ни в священных, ни в церковных книгах, ни у Ломоносова, то можно составить новые слова, но только обязательно из церковно-славянских или старо-русских морфем.

В качестве примера возьмем несколько отрывков из „Рассуждения" Шишкова:

„Кто любит российскую словесность и... не будучи заражен неизлечимою... страстью к французскому языку, тот, развернув большую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных... Начну читать и всякая приятность моя разрушается десятью встречающимися неприятностями; там везде наткнусь на иностранное слово: везде вместо явления нахожу сцену; вместо действия акт; вместо уныния или задумчивости меланохлию; вместо согласия частей гармоническое целое... вместо извозчика фур-

мана; вместо осмотра визитацию; вместо рассматривания книг рецензию; вместо добледушия героизм и пр."

В конструировании предложений, вместо стремления к простоте, Шишков отметил вычурность элегантной речи. „Мы думаем, быть Оссианами и Стернами, когда об играющем младенце, вместо: Как приятно смотреть на твою молодость—говорим: Коль наставительно взирать на тебя в раскрывающейся весне твоей... Вместо: Деревенским девкам навстречу идут цыганки—говорим: Пестрые толпы сельских ореад сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонид... Вместо: Луна светит—говорим: Бледная Геката отражает тусклые отсветки" и т. д. „Начало оного происходит от образа воспитания: дети знатнейших бояр и дворян от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи... говорят языком их свободнее, нежели своим. Читают Вольтера и пр." Будучи так воспитываемы, они не имеют возможности читать русских книг, изучать русский язык, и потому его не знают. „Вместо приучения слуха и разума своего к чистому российскому слогу, отвыкаем от оного, начинаем его ненавидеть и любить некое невразумительное сборище слов, нелепым образом сплетаемых".

„Древний словенский язык... есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и др. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка." В качестве образца при выборе слов для литературного выражения Шишков указывал на слова: гобзование (обилие), любомудрие, непщевати, присно текущий, зане, убо, иже, яко и т. п.

Мысль же передовых людей эпохи о построении русского литературного языка на национально-демократической основе Шишков отвергал по политическим причинам. Об этом он говорил так: „Желание некоторых писателей сравнять книжный язык с разговорным, т. е. сделать его одинаковым для всякого рода писаний, похоже на желание новых мудрецов, которые помышляют все состояния людей сделать равными".

Отвергая демократизацию русского литературного языка, Шишков отверг и европеизацию его, в частности

французское влияние. Последнее он сделал, как мы видели выше, главным образом из боязни проникновения в Россию революционных идей.

Итак, Шишков — ярый реакционер. Он хотел возвратить литературный язык по крайней мере к времени Ломоносова. Но голос его не побудил современников возвратиться вспять. Они зло смеялись над ним, пародируя его языком фразы современного им языка. Одна из этих пародий очень характерна, и мы ее припомним: „Франт идет по бульвару из цирка в театр в калошах", переводили по-шишковски так: „Хорошилище грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах".

Г. Язык Радищева

В дворянском языковом консерватизме первый большую брешь пробил Радищев. Он явился антагонистом Шишкова. Правда, Радищев о своем антагонизме названному лицу ничего не писал и вообще не дал теоретического обоснования своему языку, но на практике, в своих сочинениях он это сделал.

Александр Николаевич Радищев (1749—1802), дворянин родом, был первым русским писателем, провозгласившим идею буржуазной революции. Он первый из дворян отчетливо понял преимущества капиталистического строя перед крепостным и перешел на буржуазные позиции.

Главным тормозом для капиталистического перерождения России было крепостное право, и потому Радищев восстал против него. В своей знаменитой книге „Путешествие из Петербурга в Москву" он с большим гражданским мужеством и революционной силой бичует крепостное право, нарушающее естественное равенство людей. Он проявляет прямую ненависть к рабовладельцам и оправдывает крестьянские восстания против них. Так, по адресу помещика истязателя крестьян Радищев писал:

„Варвар. Недостоин ты носить имя гражданина... Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого наказания. И суть люди, которые, взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии... Вместо вашего поощрения к таковому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалося его мучительство; ознаменуйте его яко общественного татя".

В этих словах виден определенный призыв к борьбе с помещиком и, значит, к борьбе с самодержавием.

> Возникнет рать повсюду бранна,
> надежда всех вооружит;
> в крови мучителя венчанна
> омыть свой стыд уж всяк спешит.
> Меч остр, я зрю, везде сверкает,
> в различных видах смерть летает
> над гордою главой царя.
> Ликуйте, склепанны народы.
> Се право мщение природы
> на плаху возвело царя.
>
> („Вольность", 14).

В языке Радищева заметна струя не только дворянского, но и крестьянского просторечия в сочетании с церковно-славянскими элементами. Но славянские элементы у Радищева выступают не в качестве высокого стиля, а в скрещении с демократическими речевыми средствами для наилучшего отражения похабной крепостной действительности и благородных настроений автора. Здесь мы впервые в языке дворянина не видим желания обособить свой диалект, замкнуться от массы.

Ломоносов запрещал смешение речений церковно-славянских с крестьянским просторечием, и это запрещение смешения было центральным пунктом всей его теории о трех стилях. Смешение же языковых элементов у Радищева, говорит Гофман: „опрокидывало этот принцип и разрушало иерархию способов выражения" Словом, нововведение Радищева было прогрессивным шагом в путях национализации литературного языка. Если не считать языка Аввакума, это был ранний зародыш демократизации русского литературного языка.

В частности, в системе языка Радищева обратим внимание на следующее:

а) Образность языка. Радищев выбирал слова яркие и сильные: „кровопийца, богатство... нажито грабежом; сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, развейте пепл по нивам"...

б) В лексике его есть славянизмы: „алкать, выя, зеница, ланита, пастырь, тать, риза и т. д.

в) Есть и много элементов разговорного просторечия. Вот пример: „Любань".

„Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока, я вылез из кибитки и пошел пешком... В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого 40 м.

Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин, конечно, принадлежит помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительной ловкостью. Бог в помощь, сказал я пахарю. Спасибо, барин, говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду. Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям. Нет, барин, я прямым крестом крещусь, сказал он, показывая мне сложенные три перста. А бог милостив с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенье не спускаешь, да еще и в самый жар. В неделю то, барин, шесть дней, а мы шесть раз ходим на барщину, да под вечерок возим оставшееся в лесу сено на господский двор, коли погода хорошая, а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам: в лес по грибы да по ягоды... Велика ли у тебя семья. Три сына и три дочки. Перваенькому то десятый годок. Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным. Не одни праздники и ночь наша. Не ленись брат наш, с голоду не умрешь. Видишь ли одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую, дело то и споро. Так ли работаешь на господина своего. Нет, барин, грешно было бы так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хоть растянись на барской работе спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит".

Продолжателем начал, заложенных в языке Радищева (смешение стилей и демократизация), были Крылов, Пушкин, Гоголь и другие.

Д. Язык Крылова

Иван Андреевич Крылов (1767—1844) — первый из русских художников последовательно применил в своих произведениях новые прогрессивные принципы творчества русского литературного языка, а именно: принцип демократизации и принцип смешения стилей во имя наилучшего отражения действительности.

Он был сторонником русского начала в языке и явно не сочувствовал тем дворянам, которые воспитывали своих детей на французский лад и предпочитали для них французский язык. Симпатия Крылова к русскому национальному языку была заметна еще в его ранних произведениях. Так в комедии „Урок дочкам" няня Василиса, со-

гласно приказанию отца, дочек то и дело удерживает от болтовни по-французски и просит говорить по-русски: „Матушка, Лукерья Ивановна, извольте говорить по-русски: батюшка гневаться будет". Когда дочки сердятся и выражают свое неудовольствие на французском языке, няня опять напоминает им приказ отца: „Матушка, Лукерья Ивановна, извольте гневаться по-русски." Когда дочки впадают в печаль и сетуют на свою судьбу, Василиса опять предупреждает их: Матушка, Фекла Ивановна, извольте печалиться по-русски, — ну, право, батюшка гневаться будет."

Как мастер литературного языка, Крылов выдвинулся перед присяжными блюстителями чистоты слога — Шишковым и Карамзиным — совсем неожиданно и притом как вполне сформировавшийся художник. До этого времени ни Карамзин, ни Шишков не видели в нем творческую силу, достойную их внимания. Этому помогали особые обстоятельства а именно: во-первых, Крылов нашел себя, как баснописец, только около 40 лет от роду; во-вторых, басенный жанр, согласно стилистике Ломоносова, принадлежал к самому низкому стилю и потому не обращал на себя взоров больших критиков; и, в третьих, в басенном жанре было законное допущение просторечия. Таким образом, с точки зрения лексики, язык Крылова выпадал из поля зрения консерваторов.

Все это вместе взятое дало Крылову возможность спокойно работать над собой и его баснями. В основе слога Крылова лежит язык канцелярского чиновника. Но он не ограничивался этим канцелярским диалектом, а обогатил его не только элементами из разговорного языка дворянства, но и элементами мещанского просторечия. Известно, что Крылов, при всей своей лени, много внимания уделял лексике своих басен. Чтобы оживить свой слог, он собирал живые и красочные слова везде, где только мог. Так, его биограф рассказывает, что Крылов целыми часами сидел на пристани и подслушивал у бойких городских мещанок, полоскавших белье, их меткие словечки и пословицы и потом употреблял их в своих произведениях. Это последнее сообщение дает нам право заключить, что в состав басен Крылова вошли, кроме элементов дворянского разговорного и книжного языка, слова из городского просторечия, близкого к крестьянскому говору. В частности, из крестьянского диалекта в язык басен Крылова вошли следующие слова: г у т о р и т ь, щ о ч и т ь, н а в о з, р ы л о, ш и в о р о т, с л у х, б о л в а н, д у б и н а, д у р а, с д у р у, с п р о с о н ь я, д о о т в а л а, г у л я ю ч и, т р е с н у л с я, н а с о л и л и т. д. Сюда же надо отнести

пословицы и поговорки: „признаться в голове шумело“, „чересчур хлебнул с друзьями полугару“, „обидеть не моги“, „кто в лес, кто по дрова“, „ну топорщиться, пыхтеть и надуваться“, „смышляла женишка“, „рвет и мечет“, „кисло морщит рожу“ и т. д. Это, во-первых.

Во-вторых, Крылов ввел в речь диалог. Целый ряд его басен написан в форме диалога, например: „Кукушка и горлинка“, „Волк и ягненок“, „Крестьянин и лисица“ и т. д.

В третьих, Крылов отверг ломоносовский принцип стиля, т. е. однородность лексики, а заменил его принципом сообразности. На этом основании у него речь судьи-Лисы напоминает речь юридических актов:

Не принимать никак резонов от овцы:
понеже хоронить концы
все плуты, ведомо, искусны;
по справке ж явствует,
что в сказанную ночь,
овца от кур не отлучалась прочь,
а куры очень вкусны,
и случай был удобен ей.
То я сужу по совести моей:
нельзя, чтоб утерпела
и кур она не съела“.

(Крестьянин и овца).

В ряде случаев язык героев индивидуализирован. Так в басне „Мор зверей“ Лев, Лиса, Вол говорят по-разному.

„О, други. Начал Лев: по множеству грехов
подпали мы под сильный гнев богов;
так тот из нас, кто всех виновен боле,
пускай по доброй воле
отдаст себя на жертву им.
Быть может, что богам мы угодим
и теплое усердье нашей веры
смягчит жестокость гнева их...
Покаемся, мои друзья!
Ох, признаюсь, хоть это мне и больно—
не прав и я.
Овечек бедненьких — за что? Совсем безвинно
дирал бесчинно;
а иногда — кто без греха?
Случалось драл и пастуха“.
Лиса: „О царь, наш добрый царь. От лишней доброты
в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
то придет с голоду пропасть нам, наконец,
притом же, наш отец,
поверь, что это честь большая для овец,
когда ты их изволишь кушать“.

Вол: И мы грешны.
Тому лет пять, когда зимой кормы
нам были худы,
На грех меня лукавый подтолкнул:
ни от кого себе найти не могши ссуды,
из стога у попа я клок сенца стянул".

Дополнительные пособия

1. **В. Гофман.** Язык литературы, из. 1936 г.
2. **Я. Грот.** Язык Карамзина. См. филологические разыскания, т. 2, изд. 1898 г.
3. **В. Виноградов.** Очерки по истории русского литер. языка 17—19 вв., изд. 1935 г.
4. **Никифоров.** Программа и методические указания по истории русского языка для заочников.

Е. Языкотворческая деятельность Пушкина

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) в деле творчества языка поистине был велик: он не только поднял русский национально-литературный язык на высшую ступень эпохи, но и определил языковые нормы на целое столетие после себя. Продолжая традицию скрещения стилей во имя целесообразности выражения, Пушкин сумел сочетать в своем языке три стихии: церковно-славянскую, европейскую и русскую национальную.

Не следует думать, что поэт обладал высоким мастерством языка от рождения. Нет, прогресс языка его совершался постепенно в связи с закономерностями развития дворянского общества и индивидуального роста самого поэта. Теперь мы знаем, что на развитие пушкинского языка благотворно влияла не только няня Арина Родионовна, и занятия в литературном кружке лицея, но и упорная работа над своим изыком самого Александра Сергеевича в течение всей его жизни. Мы знаем, что поэт много трудился над изучением языка русских народных песен, сказок, пословиц, языка древне-русских летописей и Академического словаря. По поводу создания „Бориса Годунова“ Пушкин говорил о себе: „Шекспиру я подражал в вольном и широком изображении характеров.... а в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени".

Исследователи в истории развития пушкинского языка видят два периода. В первый период, продолжавшийся до 1820—1821 г., поэт идет от Ломоносова к Карамзину и освобождается от опеки их обоих, перерастая их. Во-второй период Пушкин развивается самостоятельно, как человек, постигший пути русского национального языкотворческого процесса.

Во второй период Пушкин стремится к углублению процесса европеизации русского литературного языка, с одной стороны, и к смешению книжных, т. е. церковнославянских и демократических элементов речи в единый языковой сплав, с другой. Рассмотрим его языковую деятельность подробнее.

В первый период своей жизни в области языка Пушкин последовательно преодолевал классическое наследство XVIII в.: сначала традиции ломоносовской стилистики, главным образом „высокопарность высокого стиля“, и потом влияние Державина и Карамзина. В связи с подражанием Ломоносову, в юношеских одах Пушкина мы находим многочисленные следы церковно-славянского языка, а именно:

а) обилие церковно-славянских архаизмов: град, вран, брег, глас, брада, влас, очи, уста, чело, перст, брань, бразды; воитель, искуситель, вседержатель; златой и младой; зрит, внемли, вотще и пр.;

б) в стихах ударенное „е“ не переходит в „ё“ (о): смиренный-потаенный, усыпленной—блаженной и т. д.;

в) звук „е“ в ряде слов произносился, как „е“, хотя и в ударенных слогах: рев, ярем, полет, племен, веселый, лиет и т. п.;

г) наличие кратких прилагательных на месте определений: веселы песни, мрачны думы, недвижны очи, тайну прелесть, мельницы крылаты, ко вражью стану, к окну решетчату и др.;

д) формы род. падежа имен прилагательных женск. рода на ЫЯ: весны златыя, брачныя постели, алыя денницы и т. п.

К началу двадцатых годов XIX в. Пушкин совершенно преодолевает влияние ломоносовской стилистики и в значительной степени освобождается от тяжести церковно-славянской лексики и ее форм. Просматривая юношеские произведения поэта с 1814 г., мы замечаем, как с каждым годом в его творчестве мелеет струя „высокого стиля“ и зреет самостоятельность пушкинского слога. В ряде произведений, написанных после 1821 г., славянизмов в смысле торжественно-однообразного стиля почти совсем нет, например: в последних главах „Евгения Онегина“, в ряде стихотворений и сказках. Но это не значит, что Пушкин восставал против славянских слов вообще. Это не значит, что он воевал с церковно-славянизмами огульно. Во избежание недоразумений заметим, что поход его на славянизмы был направлен не против тех или иных отдельных слов, а против принципа стилевого от-

бора слов, как средства обособления литературного языка от просторечия. Что же касается употребления отдельных славянизмов в тех случаях, где таковые уместны и необходимы, то Пушкин от них, кажется, никогда не зарекался.

Наиболее заметной гранью перехода Пушкина от ломоносовской высокостильной торжественности к его изящной простоте может служить язык „Руслана и Людмилы". В этой поэме, написанной в 1820 г., Пушкин наряду с церковно-славянизмами: глава, брада, очи, глас, власы, стенанье, нощь, зерцало, ложе и пр. употребляет русские обозначения: голова, борода, глаза, голос, волосы, стон, ночь, зеркало, постель и т. д. Обратимся к тексту:

Славянизмы:	Руссизмы:
Витязь вкруг себя взирает грустными ОЧАМИ.	Руслан не сводит ГЛАЗ.
Вдруг внемлет он ГЛАВЫ молящей жалкий стон.	Пред ним живая ГОЛОВА.
Вокруг БРАДЫ его седой.	Арапов длинный ряд седую БОРОДУ несет.
И кедров гордые вершины и золотые апельсины ЗЕРЦАЛОМ вод отражены.	Если женщина в печали забудет в ЗЕРКАЛО взглянуть.
СТЕНАНЬЕ робкое в домах.	Знакомый глас, призывный СТОН.
Плывет луна, царица НОЩИ.	Дождь и сумрак НОЧИ.
Хладеют ПЕРСИ, взор темнеет.	И сладострастная мечта младую ГРУДЬ ее подъемлет.
В нем кровь остыла, замер ГЛАС.	На трубный звук, на ГОЛОС боя.
Осторожно отпускает на ложе грусти, ложе слез.	Невесту молодую ведут на брачную постель.

Приведенные параллелизмы лексем церковно-славянских и русских показывают нам, что уже в 1820 г. Пушкин отошел от ломоносовского высокого стиля и приступил к разрушению его во имя признания литературной функции за русским языком.

Во второй период своей языкотворческой деятельности, Пушкин стремится к европеизации русского литературного языка, при чем эту европеизацию он понимает

не в смысле только словарных заимствований, как Карамзин, а глубже. В этот период Александр Сергеевич стремится к приспособлению русского языка к формам западно-европейского мышления. Карамзин и карамзинисты наполнили салонный диалект кальками, перифразами и ненужными метафорами. Пушкин борется с ними и прежде всего отвергает прием калькирования.

Вместо калькирования, Пушкин вносит принцип соответствия заимствованных понятий и форм их выражения национальным особенностям русской речи. В угоду этому принципу он делает строгий отбор европеизмов в зависимости от их согласия с русской национально-языковой лексикой и семантикой, а именно:

а) в случае недостатка в терминах Пушкин заимствует иноязычные слова. Указание на это мы находим в романе „Евгений Онегин“:

„Панталоны, фрак, жилет—
всех этих слов на русском нет.
А вижу я, винюсь пред вами,
что уж и так мой бедный слог
пестреть гораздо б меньше мог
иноплеменными словами“.

В том же романе мы встречаем слова: денди, боливар, бульвар, брегет и пр.

б) Вместе с иноземными словами Пушкин допустил в русский книжный язык ряд конструктивных галлицизмов, например:

аа) форма родит. п. имен существительных в роли определения; дева красоты;

бб) нарушение управления; отмстить поруганную дочь;

вв) обособление имен прилагательных, стоящих впереди личного местоимения или имени существительного:

Грустный, охладелый,
я все их поминаю.

в) Далее, Пушкин начал борьбу против вычурных, чуждых русскому языку оборотов и фраз.

В качестве доказательства к сказанному сошлюсь на авторитет В. В. Виноградова. Последний в своей книге „Язык Пушкина“, изд. 1934 г., приводит следующие примеры, которые Пушкин требовал заменить более простыми:

„Едва первые лучи солнца озарили восточные края лазурного неба“.	Пушкин требовал сказать: „Рано по утру“.

„Сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном".	Это молодая актриса.
„И совсем поглотила его бездна забвения".	Совсем его забыли.

г) В целях приближения русского языка к особенностям западно-европейского мышления Пушкин реформировал конструкцию простого предложения. Вместо славянских мало расчлененных фраз и латино-немецких периодов, он ввел краткое четкое предложение по схеме: подлежащее раньше сказуемого, определение впереди определяемого, дополнение после сказуемого.

Берем пример из „Пиковой дамы". „Графиня стала раздеваться перед зеркалом. Откололи с нее чепец, украшенный розами; сняли напудренный парик. Булавки дождем сыпались около нее. Желтое платье упало к ее распухшим ногам. Герман был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец графиня осталась в спальной кофте и ночном чепце...

Герман остановился. Графиня, казалось, поняла чего от нее требовали: казалось, она искала слов для своего ответа...

Графиня, видимо, смутилась. Черты ее изобразили сильное движение души, но она скоро впала в прежнюю бесчувственность".

Признав для русского языка за лучшее конструкцию французского предложения, этим самым Пушкин выступил на борьбу против засилья категорий качества, т. е. против имен прилагательных, причастий, в пользу глагольности. Изучая язык пушкинских произведений, М. Лопатто заметил, что в „Пиковой даме" роль глагола преобладает над именами, а именно:

глаголов	40%
им. существительных	44%
имен прилагательных	16%

В результате, благодаря усилению глагольности, речь Пушкина приобретает живость, динамичность.

Третьим составным элементом пушкинского языка является просторечие. Совершенствуя строй литературного языка, придавая ему более простые и ясные формы, Пушкин отрекается от традиций карамзинского салонного стиля и приближается к просторечию. В ранних произведениях поэта элементов просторечия мы почти не видим (х в а т, д е т и н а, е р о ш и т ь), но с 1820 г. слова из просторечия встречаются чаще. Так, Людмила в чертогах

Черномора действует не по правилам великосветского салона:

Седого карлу з а к о л п а к
рукою быстрой у х в а т и л а
дрожащий з а н е с л а к у л а к
и в страхе з а в и з ж а л а

Речи героев в „Руслане и Людмиле" в ряде случаев грубы. Вот примеры:

Руслан говорит Голове:

Молчи, пустая Голова...
Я еду, еду, не свищу,
а как наеду не спущу.

Речь Черномора:

Всех удавлю вас бородою.

Слова Головы:

Ступай назад, я не шучу:
как раз нахала проглочу...
Послушай, убирайся прочь...

Я сдуру также растянулся,
лежу, не слышу ничего,
смекая обману его.

Рассказ Финна:

И было в самом деле так,
немой, недвижный перед нею
Я совершенный был дурак.

Сам автор допускает слова, противные духу салонного диалекта, например:

Волшебник силится, к р я х т и т...

Сошлися и з а в а р и л с я б о й.
(„Р. и Л.").

Еще более заметны следы просторечия в сказках.

а) В именах существительных:

Чорт ли сладит с бабой гневной.

Я в ней дурь-то успокою.

Ох ты, дитятко девица,
пес проклятый одолел,
чуть до смерти не заел.

б) В именах прилагательных:

Высока, стройна, бела
и умом и всем взяла...

Мать беременна сидела...

Белолица, черноброва,
нрава кроткого такого...

в) В глаголах:

А царевна...
поднялася на крыльцо
и взялася за кольцо.

На полати взобралась
И тихонько улеглась.

И царица хохотать,
и плечами пожимать,
и подмигивать глазами
и прищелкивать перстами.

г) В деепричастиях:

И вертеться подбочась,
гордо в зеркальце глядясь.

Привздохнув произнесла:
как же долго я спала.
(Ск. о м. ц.).

Целям просторечия в языке Пушкина очень часто служат используемые им элементы фольклорного творчества, например:

а) Пословицы:

Девица плачет, что роса падет:
взойдет солнце, росу высушит.

Кабак далеко, да ходить
легко, а церковь близко,
да ходить склизко.

б) Параллелизмы:

Засветила богу свечку,
затопила жарко печку.

в) Отрицательные сравнения:

не звоны пошли по городу,
пошли вести по всему по лесу.

г) Концовка:

Я там был, мед, пиво пил,
да усы лишь обмочил.

д) Уменьшительные и ласкательные слова:

дитятко, яблочко, зеркальце,
семячко, белешенька.

е) Наречия и деепричастия в народном стилё: издалеча, тихонько, немножко;

глядучи, закрасневшись...

ж) Народные устойчивые словосочетания: правду молвить, и умом и всем взяла,

глаз не сводит, день за днем...

з) Элементы диалогической речи, с обязательным повторением в ответной реплике вопроса:

„Чем кончится тревога. Что скажешь ты. Скажу, что понапрасно лилася кровь младенца“.

„Да здесь намедни, ты помнишь.
— Нет, не помню ничего“.

„И он убежал, отец игумен.
— Убежал, святый владыко“.

(Б. Г.“).

и) Стилизация языка сказок:

Царь с царицею простился
в путь-дорогу снарядился,
а царица у окна
села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
смотрит в поле, инда очи
разболелись, глядючи
с белой зори до ночи...
Не видать милова друга.
(Ск. о м. ц.).

Как весенней теплой порою
из-под утренней белой зорюшки,
что из лесу, из лесу, из дремучего —
выходила медведиха,
с малыми детушками—медвежатами
погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под березкой;
стали медвежата промеж собой играти
обниматися, боротися...
(Ск. про б. м.).

Все приведенные примеры показывают поворот в пушкинском языке в сторону просторечия. Они знаменуют отход от салонного языка и стремление приблизить литературный язык не только к разговорному диалекту буржуазно-дворянской интеллигенции, но и отчасти к крестьянским говорам. Значит, примерно, с 1820—1821 г. Пушкин отходит от салонного диалекта, от

языка замкнутого малого общественного круга, к языку более широкого круга дворянско-буржуазного общества.

Вместе с этим он вступает в спор с карамзинистами по вопросу о правах просторечия на литературность. Карамзинисты критерием литературности языка считали вкусы салона, в частности, вкусы дамского общества. В противовес этому Пушкин рекомендовал прислушиваться к говору „простолюдинов". Он доказывал, что процесс развития русского литературного языка неизбежно ведет к демократизации его, так как просторечие есть признак „зрелой словесности". Вот доказательство к сказанному. В 1830 г. Пушкин по поводу „Полтавы" писал: „слова — усы, визжать, ого, пора — показались критикам низкими, бурлацкими выражениями. Как быть? Никогда не пожертвую краткостью выражения провинциальной чопорности из боязни казаться простонародным" (Критич. заметки). Здесь Пушкин отвергал самый принцип некритического отрицания тех или иных слов и оборотов, и следовательно, принцип какого бы то ни было обособленного диалекта. „Истинный вкус, пояснял Пушкин, состоит не в безотчетном отвержении такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности". Таким образом, на место принципа стиля Пушкин выдвигает новый принцип сообразности. Далее в тех же „Критических заметках" поэт говорит: „Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре. Не худо бы нам иногда прислушиваться к московским просвирням: они говорят удивительно чистым и правильным языком". Сам Пушкин пользуется просторечием везде, где это было целесообразно.

Принцип сообразности дал Пушкину возможность создать светский национально-русский литературный язык из трех элементов: из славянизмов, европеизмов и русского просторечия. Принцип сообразности речи предоставил ему возможность рисовать образы героев не только со стороны их быта, характера, но и с точки зрения языка их общественной прослойки и эпохи. В письме к Н. Н. Раевскому Пушкин о стиле „Бориса Годунова" сообщал: „Слог трагедии смешанный. Он площадный и низкий там, где я должен был вывести простых и грубых людей". На этом основании речь героев пушкинских произведений не только типична для той или другой общественной группы, но и индивидуализирована персонально. Приведу примеры:

а) В речи няни Татьяны Лариной пробивается струя

говора дворовой крестьянки, кой-что воспринявшей от господ:

„И полно, Таня. В эти лета
Мы не слыхали про любовь,
а то бы с о г н а л а с о с в е т а
м о я п о к о й н и ц а с в е к р о в ь".
(„Е. О.").

б) В словах гусара чувствуется налет казарменного жаргона и украинизмов:

Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру.
Здесь человека берегут,
как на турецкой перестрелке:
насилу щей пустых дадут,
а уж не думай о горелке".
(Гусар).

в) В монологе Пимена заметна церковно-славянская струя в соединении с речью ратного человека:

Младая кровь играет,
смиряй себя молитвой и постом
Доныне, если я,
невольною дремотой обессилен,
не сотворю молитвы долгой к ночи—
мой старый сон не тих и небезгрешен;
мне чудятся то шумные пиры,
то ратный стан, то схватки боевые.
(„Б. Г.")

В монологе патриарха преобладают славянизмы:

твой верный богомолец,
в делах мирских не мудрый судия.
дерзает днесь подать свой голос.
Бесовский сын, растрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе
он именем царевича, как ризой
украденной, бесстыдно облачился:
но стоит лишь ее раздрать—и сам
он наготой своею посрамится.
(„Б. Г.").

д) Наоборот, в речах массы проскальзывают грубые слова.

Отвяжитесь, бесенята.
Ступай вязать Борисова щенка.
Ни лысого беса не поймают.

е) Речь беглого монаха тоже груба:

Скоморох попу не товарищ.
Может быть, кобылу нюхал

(„Кобыла"—это скамья, на которой производилось наказание розгами или плетями).

Эй, товарищ! Да ты к хозяйке
присуседился. Знать, не нужна
тебе водка, а нужна молодка...
А у нас одна заботушка: пьем
до донушка, выпьем, поворотим
и в донушко поколотим.

ж) В сказках язык динамичен и окрашен народным колоритом.

Кто-то терем прибирал
да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
с нами честию подружися:
коль ты старый человек,
дядей будешь нам навек;
коли парень ты румяный,
братец будешь нам названный:
коль старушка, будь нам мать,
так и станем величать;
коли красная девица,
будь нам милая сестрица.

(Ск. о. м. ц.).

В заключение очерка о языкотворческой деятельности Пушкина позволю себе сказать несколько мыслей об отношении поэта к славянизмам в его зрелую пору. После некоторого раздумья над ролью славянского языка он пришел к убеждению, что славянизмы, подобно просторечию, также нужны в деле строительства русского литературного языка. Причины такого вывода, говорит профессор В. Виноградов, очень сложны. Тут сказалось и влияние декабристов с их ориентировкой на высокие жанры гражданской поэзии, и влияние церковно-славянской книжной традиции, в которой поэт видел опору в борьбе с засилием французских стилей и т. д. В частности, церковнославянизмы Пушкин находил нужным и в их положительном значении — в трех случаях литературной практики.

А. При отражении быта и мировоззрения средневековья. Действительно, при изображении старорусского быта и ряда героев из „Бориса Годунова" без славянизмов не обойтись. Тут они вполне сообразны, и смешение славянизмов с просторечием дает именно ту картину, которая нужна для образного отражения эпохи. Для примера берем речь Щелкалова.

„Собором положили
в последний раз отведать силу просьбы
над скорбною правителя душой.
Заутра вновь святейший патриарх,
в Кремле отпев торжественно молебен,
предшествуем хоругвями святыми,

с иконами владимирской, донской,
воздвижется, а с ним синклит, бояре,
да сонм дворян, да выборные люди
и весь народ московский православный,
мы все пойдем молить царицу вновь,
да сжалится над сирою Москвой
и на венец благословит Бориса".

Но допуская в драме „Борис Годунов" значительное количество церковно-славянских слов и выражений, Пушкин ни на минуту не думал возвращаться к традиции ломоносовского высокого стиля, с его однообразной лексикой. Наоборот, в параллель с славянизмами здесь он ввел русские слова. Для примера укажу два соответствующих один другому ряда лексем: глава, брада, глас, златой, младой, пред. и т. д. и голова, борода, голос, золотой, перед и т. д.

Б. Для показа религиозных и гражданских настроений. Примеры:

а) „Пророк".

Духовной жаждою томим,
в пустыне мрачной я влачился,
и шестикрылый серафим
на перепутьи мне явился.
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
отверзлись вещие зеницы,
как у испуганной орлицы.
И он к устам моим приник
и вырвал грешный мой язык...
И жало мудрыя змеи
в уста замершия мои
вложил десницею кровавой...

б) Много славянизмов в стихотворениях „Деревня" „Чаадаеву", „Арион".

„Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
и труд и собственность и время земледельца.
С поникшею главой, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
неутомимого владельца
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея.
Здесь девы юные цветут
для прихоти бесчувственной злодея.
(Деревня)

Нас было много на челне...
Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец!

Лишь я, таинственный певец,
на берег выброшен грозою,
я гимны прежние пою
и ризу влажную мою
сушу на солнце под скалою.

(„Арион").

В. Смешение славянизмов с русским просторечием содействовало обогащению семантики пушкинского языка. Славянизмы, сталкиваясь с русскими словами, обростают новыми значениями, переносными русскими значениями. Припомним некоторые выражения из „Евгения Онегина".

И Страсбурга пирог нетленный.
Мальчишки разогнали псов,
взяв барышню под свой покров.
И старушка очень полюбила
совет разумный и благой.

Таким образом, значение Пушкина в области литературного языка заключается в том, что он отверг старый принцип обособления русского литературного языка от просторечия, а признал принцип смешения речевых стихий во имя сообразности выражения, создав новый литературный язык из трех элементов: из славянизмов, европеизмов и дворянско-крестьянского просторечия.

Дополнительные пособия

1. **Виноградов.** „Язык Пушкина", изд. 1935 г.
2. **„Язык Бориса Годунова"**, см. сборник „Борис Годунов", изд. 1936 года.
3. **Гофман,** В. Язык литературы, изд. 1936 г.
4. **Бархин К. Б.** „О пушкинских сравнениях", см. „Русск. язык в школе", 1936 г., № 6.
5. **Василевская.** „К характеристике языка сказок", там же.
6. **Белоруссов.** „Об изучении языка политических стихотворений Пушкина", там же.
7. **Зебель.** „О лексике Руслана и Людмилы Пушкина, см., Русский яз. в школе", 1935 г. № 3.

Ж. Язык Гоголя

Николай Васильевич Гоголь (1809 — 1852), сын обедневшего помещика, образование получил в Нежинском лицее, по окончании образования мелкий петербургский чиновник, позднее известный русский писатель.

Язык Гоголя по своему характеру занимает промежуточное положение между дворянским и буржуазно-демократическим стилями. От дворянского языка он откололся и не дошел до буржуазно-демократического. Объясняется это тем, что слог Гоголя развивался под двумя воздей-

ствиями: с одной стороны, под влиянием Пушкина, а с другой,— канцелярского жаргона. Кроме того, на слог Гоголя повлияла и украинская среда, где он провел свое детство.

По степени обработанности язык Гоголя значительно ниже языка Пушкина. Это оправдывается прежде всего тем, что Гоголь был мастером языка в меньшей мере, чем Пушкин, а также тем, что Гоголь меньше работал над собой. О недостаточности внимания к отделке языка мы имеем свидетельство самого Гоголя: в предисловии к „Мертвым душам" в 1846 г. он писал: „О слоге или красоте выражения здесь нечего заботиться: дело в деле и в правде дела, а не в слоге". Пушкин знал о небрежности Гоголя к языку и не скрывал этого. Так, он, говоря о своей прозе, заметил: „прозой пишу я гораздо неправильнее (чем стихами), а говорю еще хуже, почти так, как пишет Гоголь". Впрочем, думать, что Гоголь всегда был небрежен к своему языку — неверно. Записки Гоголя показывают, что он иногда очень много заботился об отделке своих произведений, но язык его не мог быть другим, так как он воспитывался и жил в ином, чем Пушкин, кругу идей и говоров.

Язык Гоголя, как и язык Пушкина, формировался в связи с развитием идеологии крепостнического дворянства и индивидуального роста самого художника, но Пушкин находился под влиянием языка и идей французских мыслителей и художников, а Гоголь — в украинской патриархальной среде.

К церковно-славянизмам Гоголь в годы своей молодости относился отрицательно. Причин такого отношения к славянскому языку было две: во-первых, европеизированное барство и разночинцы-демократы боролись с высокостильной речью и, во-вторых, Гоголь в молодости очень плохо знал славянский язык. Поэтому в художественных произведениях Гоголя почти совсем нет славянизмов даже там, где они были бы уместны, например: в повестях, в которых выведен дьячок („Вечер накануне Ивана Купала", „Ночь перед рождеством") или бурсаки („Вий"). Здесь вся стилизация речи дьяка под диалект духовной персоны сводится к выражению „дражайшая Солоха". В словах поповича в „Сорочинской ярмарке" есть еще несколько славянизмов: „воистину" „жаждет", „ничего не случилось, выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака". Состав слов последней реплики поповича („ничего", „только" вместо: „ничесо", „токмо" и т. д.) показывает неудовлетворительное знание славянского языка как поповичем, так и молодым Гоголем. К концу жизни, по мере знакомства с церковной публицистикой (сочинения Златоуста и пр.) и богословской литературой, Гоголь начи-

нает прибегать к славянским словам и оборотам чаще и больше.

Относительно пользования иностранными словами мы наблюдали у Гоголя обратную картину. В ранних своих произведениях он совершенно определенно обнаруживал тенденцию к употреблению иностранных слов, даже без надобности. В более же поздних сочинениях, точнее во вторых изданиях, часть иностранных слов он заменил русскими. Так, в первом издании „Тараса Бульбы" было написано: „нужно было иметь флегматическую наружность запорожца", а в более позднем было поправлено: „нужно было иметь хладнокровную наружность запорожца", в первой редакции „Мертвых душ" было выражение: „Чичиков, озадаченный такой резкой характеристикой", а в более поздней: „Чичиков, озадаченный таким резким определением" и т. д.

Но очищая свою речь от европеизмов в тех случаях, где можно без них обойтись, Гоголь сознательно вводит их там, где реальная обстановка требует смешения стилей. Так, задавшись целью осмеять вычурный язык провинциального салона, Гоголь заставил говорить губернских и уездных дам смешанным русско-французским жаргоном. Вот примеры разговора гоголевских жеманниц: Анна Андреевна в „Ревизоре" говорит Хлестакову: „Вы делаете декларацию на счет моей дочери". Марья Антоновна, увидя Хлестакова на коленях перед ее матерью, восклицает: „Ах, какой пассаж". В „Мертвых душах": „Дамы города,— говорит Гоголь,— отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: я высморкалась, я вспотела, я плюнула, а говорили: я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка. Ни в каком случае нельзя было сказать: этот стакан или эта тарелка воняет, а говорили: этот стакан нехорошо себя ведет. Чтобы еще больше облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и поэтому весьма часто нужно было прибегать к французскому языку"... „Две дамы, большие приятельницы, поссорились совершенно из-за того, что одна из них манкировала контр-визитом"... „Неужели и он (Чичиков) протопопше строил куры"... Чичиков, придя в восторг от дамских ухаживаний, говорит про себя: „Нет, просто, не приберешь слова: галантерейная половина человеческого рода".

Подобно Крылову и Пушкину, Гоголь считал допустимым смешение книжного языка с просторечием, в частности, с крестьянскими говорами. Записные книжки Гоголя показывают, что он прислушивался к речи крестьян и за-

писывал их яркие слова и выражения. Тут у него есть и отдельные слова и словосочетания, специальные термины и пословицы. Он следил даже за особенностями речи по общественным прослойкам и профессиям. В записной книжке мы находим выражения: „чорт по ночам горох молотил на роже"; „сыграл, как молодой полубог". Оба эти выражения художник употребил в „Мертвых душах": одно в отношении к дочери повытчика, а другое в связи с образом Ноздрева. Из записной же книжки вошли в творчество Гоголя: няня; пыль подколесная; бричка мчалась во всю пропалую; пошла писать губерния; снял нагайку и уже хотел было покропить спину; натаскивать клещами хомут и т. п.

Кроме того, элементы просторечия обнаруживаются в следующем: а) в названиях кушаний: скородумки, шанижки, пряженцы, взваренцы; б) в названиях мастей собак: муругих, черных с подпалинами, красно-пегих, сероухих; в) в деревенских словах: турлыканье, гомон; г) в пословицах и поговорках: ни то ни се: ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; кому какое дело, что кума с кумом сидела; кто любит попа, кто попадью; чорт побери, чорт знает и т. д.

Далее, в языке Гоголя заметна струя языка чиновников и родственная ей струя дворянского просторечия. Прежде всего чиновничья речь заметна в устах самого Гоголя. Говоря о предстоящей ревизии чиновного мира, автор пишет: пойдут переборки, распеканья, взбутетениванья и всякие должностные похлебки"; про Собакевича он рассказывает: „пристроился к осетру и покамест те (гости) пили, разговаривали и ели... доехал его всего... потом пришипился,.. сел в кресла... жмурился и хлопал глазами". Собакевич говорит Ивану Григорьевичу: „за него (прокурора) все делает Золотуха, первейший хапуга в мире". Ноздрев сообщает Чичикову: „Ну, брат, если бы ты знал, как я продулся. Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — все спустил". Сюда же относятся слова: „налимониться, нарезаться, нализаться, отбрить, откалывать, подмаслить, загвоздить, влепить" и пр. Нежные названья в семье: „толстунчик, кубышечка, мордаш, каплунчик".

Наконец, в составе языка Гоголя надо отметить налет украинских элементов. Сюда относятся: а) слова: запаска (юбка), каганец (светильник), книш (белый хлеб), качка (утка), очерет (тростник) и др. б) формы звательного падежа имен существительных: „Добре, сынку", „Эй, хлопче". „Я, паночку, из хутора пришла".

Образные приемы гоголевской речи. Всех средств художественной прозы Гоголя я перечислять не буду,

ограничусь только несколькими, самыми типичными, гоголевскими:

а) сравнение: „Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьет оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, так Тарасов сын Остап налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею веревку“. Петр Петрович Петух — „точный арбуз или боченок“. Глаза у Плюшкина „бегали, как мыши“. У губернаторской дочки „овал лица, как яичко“. Танцующие пары, как мухи на белом рафинаде. Бревна на мостовой, как клавиши. Лай собак сравнивается с концертом; Русь — с тройкой и т. д.

б) Тавтология. Писатель, говорит Гоголь, „окурил упоительным куревом людские очи“. „Дымом дымится под тобой дорога“. „Не по поступкам поступает“. „Есть ли еще порох в пороховницах, не гнутся ли казаки“.

в) Гипербола: индюк ростом с теленка; шум от перьев, будто несколько телег проезжали с хворостом, „весь стан ее был похож на кадушечку“, „в животе такая трескотня, как будто целый полк затрубил в трубы“, „во рту после вчерашнего дня точно эскадрон ночевал“; „бывало наешься за день столько огурцов, дынь, репы, что в животе, ей богу, будто петухи кричат“ и т. д.

г) Антитеза: длинный дядя Митяй и толстяк Миняй. Лицо женское узкое, длинное, как огурец, а мужское, круглое, широкое, как молдаванская тыква. Иван Иванович и Иван Никифорович и т. д.

д) Эпитеты: трепетнолистный, тихоструйный, умнохудощавое слово и т. д.

Заслуга Гоголя в области языка заключается в том, что он, в качестве обличителя дворянства и чиновничества, содействовал разрушению традиций дворянского салонного языка и этим помогал созданию буржуазно-демократического языка.

Дополнительные пособия

1. **Григорьев**. Русский язык, 1915 г.
2. **Карский**. Значение Гоголя в истории русского литер. языка. (в „Русск. филолог. вестн.“, за 1909 г., № 2).
3. **Егоров**. Работа над языком и стилем „Мертвых душ“ Гоголя, см. „Родной язык в школе“, 1936 г., № 5.
4. **Досычева**. Приемы работы над речевой характеристикой, см. „Русский язык в школе“, 1936 г., № 5.

3. Говор дворянства первой половины XIX в.

В первой половине XIX в. в языке дворянства бытовали следующие фонетические, морфологические и лексические особенности.

1. Звук „е“ в ударенных слогах произносился как „е“, не переходя в „ё“ (о): ярем, полет, рев, племен и т. д.

2. В ряде слов ударение было не на обычном месте: музЫка, бАлы и пр.

3. Некоторые слова произносились иначе, чем теперь, напр.: скандальез, пульпитр, прожект, аристокрация.

4. Форма им. п. мн. ч. имен существит. ср. рода имела окончание ы: солнцы, крылы, сукны, леты, гумны, железы.

5. Родительный падеж ед. ч. имен. муж. род. имел окончание И: два рубли, того дни. В ряде других слов в род. п. была вторая форма: доходу и дохода, убытку и убытка.

6. В род. п. множ. числа слов на мя: времян, семян.

7. Форма род. п. ж. р. имен прилагательных — ыя и ия: великия, ялыя и пр.

8. Ряд слов имели окончания двух грамматических родов:

зал — зала
лепт — лепта
роль — роля
ниш — ниша
гравюр — гравюра
фреск — фреска

9. Некоторые имена существительные употреблялись в одном роде, но в двух формах:

песнь и песня
постель и постеля

Краткие прилагательные допускались в роли определений: хлад подземна свода, ко вражью стану.

11. Неправильные словосочетания: по за спиною, сказал дурака, клевался носом, не так чтобы слишком молод, и пр.

12. Замечается усиление внимания к видовым особенностям глаголов.

4. Борьба разночинцев за демократизацию литературного языка

В 40—60 гг. XIX в. на историческую сцену русской действительности выступила разночинная революционно-демократическая интеллигенция. Разночинцы боролись тогда за развитие в России капитализма, несмотря на то, что сами они по большей части считали себя социалистами. Они боролись против крепостничества за развитие капитализма американского типа, т. е. за ликвидацию крупных поместий и превращение крестьян в свободных фермеров.

Разночинцы претендовали на свой, особый язык. А так как они были выразителями чаяний восходящей буржуазии и боролись за благополучие широких крестьянских масс, то, значит, они являлись творцами буржуазно-демократического языка. Язык буржуазно-демократический выковывался в огне споров разночинцев с дворянами, защищавшими прусский путь развития аграрного капитализма и шел на смену дворянскому языку. В этой борьбе за литературный язык дворянство вынуждено было уступить первенство разночинцам. Проф. Виноградов в своих „Очерках по истории русского литературного языка" говорит следующее. В половине XIX в. дворянский литературный язык начинает терять свое господствующее положение, даже больше: он приспособляется к языковым вкусам буржуазии. Стилистические нормы дворянского литературного языка приходят в упадок. Социальной базой нового литературного языка становится язык разночинной интеллигенции.

Работая над созданием буржуазно-демократического языка, разночинцы хотели в нем воплотить следующие черты:

а) стремление к полному искоренению или по меньшей мере к наибольшему ограничению элементов славянщины;

б) упор на разговорный язык города;

в) смешение книжного языка с профессиональными и крестьянскими говорами.

Нарождающийся буржуазно-демократический язык дворянству не нравился, и оно боролось с ним. Против разночинного языка дворянские интеллигенты резко протестовали, например, писатели — И. Дмитриев, В. Жуковский и пр. Недовольство дворянина новым языком нашло выражение и в художественной форме. Л. Н. Толстой в повести „Юность", в главе „Новые товарищи", писал, что студент университета Иртенев, сын помещика, очень недоволен речью своих товарищей разночинцев. Вот как там об этом говорится:

„Э, батюшка, вам нельзя слушать, коли вы этого не знаете, — сказал Засухин. Я вам дам тетрадки, вы пройдите это к завтраму".

„Они возбуждали во мне (Иртеневе) не только чувство презрения, но и некоторой личной ненависти... Это чувство возбуждали во мне их ноги и грязные руки с обгрызенными ногтями... и в особенности их манера говорить... Например, они употребляли слова глупец вместо дурак, словно вместо точно, великолепно вместо прекрасно, движучи и т. п., что мне казалось книжно и отврати-

тельно непорядочно. Но еще более возбуждали во мне ненависть интонации, которые они делали на некоторые русские и в особенности иностранные слова: они говорили ма́шина вместо машина, деятельность вместо деятельность, на́рочно вместо нарочно, в ка́мине вместо в камине, Ше́кспир вместо Шекспир и т. д. Они все были на ты. Простота их доходила до грубости, но и под этой грубостью был постоянно виден страх хоть чуть-чуть оскорбить друг друга. Подлец, свинья, употребляемые ими в ласкательном смысле, только коробили меня и подавали повод к внутреннему подсмеиванию, но эти слова не оскорбляли их и не мешали им быть между собою на самой искренней дружеской ноге. В обращении между собой они были так осторожны и деликатны, как только бывают очень бедные и очень молодые люди". (Изд. Сытина 1914 г., стр. 241—242 и 244). Поэтому в изучаемую нами эпоху нормы литературного языка изменились. Дворянский язык пришел в упадок и нарождающийся новый хозяин жизни — буржуазия через разночинцев начинает создавать свой литературный язык. Ранним выразителем буржуазного языка является разночинец, революционный демократ, В. Г. Белинский.

А. Языковая деятельность Белинского

Виссарион Григорьевич Белинский (1810—1848 г.) по своим взглядам на язык принадлежал к числу тех немногих передовых людей, которые считали необходимым творить новый литературный язык на основе речи широких народных масс.

В частности в языке Белинского нужно отметить следующие моменты:

а) он отказывается от славянских элементов, как средств передачи высоких мыслей и настроений, а употребляет их исключительно в ироническом смысле;

б) вводит в свой язык ряд новых философских терминов, как-то: субъект, объект, индивидуум, субстанция, категория, социализм, индиферентизм, обскурантизм, рациональный, абсолютный, конкретный, универсальный и т. д.

в) допускает элементы крестьянского и городского просторечия.

Таким образом, Белинский в области языка был сторонником ограничения, если не полного изгнания, славянизмов и строил свой язык на смешении крестьянского и городского просторечия с необходимой дозой иностранной терминологии.

Высказывания о языке самого Белинского мы находим в его статье „Взгляд на литературу 1847 г.“ и в знаменитом „Письме к Гоголю“.

В статье „Взгляд на литературу“ язык Белинского прост и сжат. Здесь он избегает как церковно-славянизмов, так и канцелярских словечек, например: сей, оный, таковой. Много места дано научной терминологии. Европеизмы употреблены только там, где без них обойтись нельзя. В этой статье Белинский дает итоговое завершение своих взглядов на язык в противовес практике старой литературной школы. Старая школа, писал Белинский: „позволяет изображать, пожалуй, и мужиков, но... объясняющихся только языком, которым никто не говорит, а тем менее крестьяне... Французы никогда не любили щеголять обветшалыми... словами. Это замашка чисто русская: у нас даже первоклассные таланты любят брега, младость, перси, очи“. Здесь же он изложил свои взгляды на употребление европеизмов и создание новых: „Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами противна здравому смыслу и здравому вкусу, но она вредит не русскому языку..., а только тем, кто одержим ею. Но противоположная крайность, т. е. неумеренный пуризм, производит те же следствия, потому что крайности сходятся“. Таким образом, Белинский в области языка был сторонником ограничения, если не полного исключения славянизмов, и строил свой язык на смешении крестьянского и городского просторечия и книжного языка с необходимой дозой иностранной терминологии.

Ярким выражением языка Белинского является его „Письмо к Гоголю“. По свидетельству В. И. Ленина, это „письмо было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати“. В нем выразилась горячая любовь Виссариона Григорьевича к Гоголю, как художнику-обличителю крепостнического барства и чиновничества, и вместе ненависть к нему, как человеку, обманувшему ожидания революционного демократа. — „Да, я вас любил, — писал Белинский, — со всей страстностью, с какой человек, кровно связанный со своей страной может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на путь сознания, развития, прогресса... Вы не заметили, что Россия видит свое спасение ни в мистицизме, ни в аскетизме, ни в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их), не молитвы (довольно она твердила их), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства... Проповедник кнута, апостол невежества, поборник

обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете...“

Это письмо подводит итог деятельности Белинского, как идеолога революционной демократии половины XIX в. и как мастера языка. Оно показывает, что Белинский создал научно-разночинный язык, политически заостренный и полный боевой направленности против крепостного права, обскурантизма церкви и деспотизма самодержавия (О языке Белинского см. ст. Малаховского „Русск. язык в ср. шк.“, № 1, 1935 г.).

Б. Чернышевский

Литературно-буржуазный язык в изучаемую эпоху развивался в формах двух стилей: в стиле журнально-газетной публицистики и художественного реализма. Наиболее яркими выразителями первого стиля были: Чернышевский, Добролюбов, а второго — Салтыков-Щедрин, Некрасов, Г. Успенский, Помяловский и др.

а) Революционные демократы, поставив своей задачей освобождение крестьян от власти помещиков революционным путем, должны были начать пропаганду своих идей в массах. А так как крестьянская да и городская массы были темны, то перед ними со всей остротой встала проблема создания научно-популярного языка, доступного для простых людей. Первый понял эту необходимость вождь революционной демократии Н. Г. Чернышевский.

Николай Гаврилович Чернышевский, — говорил В. И. Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88 г. (XIX в.) остаться на уровне цельного философского материализма (Собр. соч. III изд., XIII, 295). В другом месте Ленин пишет, что Чернышевский „был последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы... Он был замечательно глубоким критиком капитализма“ (XVII, 341.) Язык Чернышевского, по определению Ленина „велик и могуч“ (XVII, 180).

Н. Г. Чернышевский (1828—1889) в своей диссертации „Эстетические отношения искусства и действительности“ писал, что народная масса в России темна и что ее необходимо просветить. Просветительных средств имеется два: наука и искусство. Но „наука сурова и трудна“. Изучать жизнь научно или читать научные книги могут немногие, только те, которые подготовлены к этому. Наоборот, художественные произведения читаются легко и потому доступны для всех грамотных. Если это так, то художественную литературу, думал Чернышевский, нужно сделать

средством для сообщения народным массам сведений о их жизни. Короче сказать, он смотрел на художественную литературу, как на орудие познания, и хотел ее превратить в учебник для пропаганды материалистических идей. В отношении языка это значит то, что Чернышевский считал простым, доступным языком язык художественной прозы, т. е. язык не отвлеченный, а образный. Но к этому выводу пришлось сделать поправку: так как художественная литература того времени была создана дворянами, т. е. классовыми врагами крестьянства, то Чернышевский призывал писателей-разночинцев снабдить все произведения, рекомендуемые для массового читателя, соответствующей критикой и начать составлять, взамен дворянской литературы, свою разночинную, точнее, литературу революционной демократии. Все это заставляет нас предполагать, что Чернышевский пришел к признанию принципа партийности в литературе. В Полянский в своей работе о Н. А. Добролюбове, изд. 1936 г., пишет, что Добролюбов „встал перед вопросом о партийности литературы и разрешил его положительно"... Если Добролюбов, работая в „Современнике", дошел до понимания необходимости партийной идеи, то конечно, нельзя допустить, чтобы этого не знал и его друг и до известной степени учитель— Н. Г. Чернышевский. Так Чернышевский пришел к мысли о создании художественно-публицистической литературы и художественно-публицистического языка революционной демократии.

Язык Чернышевского был тем зерном, из которого начали развиваться элементы демократического языка, языка трудящихся масс.

5. Язык художников революционной демократии

Художники-демократы создавали свой стиль в борьбе с либерально-дворянским языком. Они не только отталкивались от мировоззрения крепостнического и либерального дворянства, но и в словаре и синтаксисе хотели быть совершенно самостоятельны. Известно, что Помяловский вычеркивал из своих произведений все фразы, могущие напоминать по форме фразы Тургенева. Мотивировка его в таких поступках всегда была одна: „Не хочу,—говорил он,—быть похожим на дворянина Тургенева".

В качестве примера нового художественного языка эпохи 60—70 гг. приведу язык Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

А. Язык Некрасова

Н. А. Некрасов (1821—1877)—сын дворянина, перешедший на позиции революционных демократов. „Некрасов,—писал Ленин,—колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского".[1]

Стихи Некрасова звали молодежь вперед, на борьбу. Особым распространением среди юношества пользовалась его песня из „Медвежьей охоты".

„Отпусти меня, родная,
отпусти, не споря,
я не травка полевая,
я взросла у моря;
не рыбацкий парус малый,
корабли мне снятся:
скучно в этой жизни вялой
дни так долго длятся.
Здесь, как в клетке, заперта я,
сон кругом глубокий,
отпусти меня, родная,
на простор широкий"...

Это стихотворение отвечало порывам разночинной молодежи, как девушек, так и юношей—вырваться из тесных семейных рамок в столицу, учиться и работать, вырваться из сонной обывательской провинции на простор общественной деятельности.

В языке Некрасова заметны три стихии, спаянных в одно целое: демократическая, европейская и церковно-славянская. Первое и вместе с тем самое большое место занимает стихия демократическая. Наблюдая за развитием слога Некрасова, читатель замечает, что художник стремится к тому, чтобы в речи каждого героя более или менее точно передать характер его социального говора. Сказанное касается прежде всего диалекта купцов и крестьян. Так, купцы Некрасова употребляют следующие слова: лафа, подлипало, оказья, поштенной, купецкой, встрел, пондравился, намедни, теперича и т. д. Крестьянская лексика не менее характерна: тетеря, увалень, межень, скрыпотня, втяпались, жалился, справной, толковой, ненароком, одинова и пр. Состав лексики купечества и крестьянства близок один другому. Это неудивительно, так как кулаки и купцы обычно выходили из крестьянской среды.

Кроме живого говора купцов и крестьян, Некрасов брал словесные краски из песен, сказок, пословиц и за-

[1] Ленин, собр. соч., III изд., XVI, 132.

гадок. В. Еланская, сравнивая значительное количество стихов Некрасова из поэмы „Кому на Руси жить хорошо"? с произведениями устного крестьянского творчества, доказала зависимость языка Некрасова в известной мере от народно-поэтической речи. Изучая язык Некрасова, с одной стороны, и язык песен, сказок, пословиц и загадок по сборникам произведений народного творчества, например: Студницкого, Якушкина, Рыбникова, Барсова, с другой,— она установила ряд параллелей, наглядно доказывающих влияние народно-поэтической речи на язык художественных произведений Некрасова. Для доказательства возьмем у Еланской несколько параллелей, а именно:

а) Некрасовская песня крестьянки:

„Мой постылый муж
подымается,
за шелкову плеть
принимается.
Плетка свистнула,
кровь пробрызнула
Ах, лели, лели!
Кровь пробрызнула".
и т. д.

имеет сходство с хороводной песней Вологодского района:

„Мой постылый муж
да поднимается.
Ах, лели, лели!
За шелкову плетку
принимается.
Ах, лели, лели!
Принимается.
Плетка свистнула,
кровь пробрызнула.
Ах, лели, лели!
кровь пробрызнула"
и т. д.

Песня эта была напечатана в „Современнике" в 1864 г. т. е. в журнале, редактируемом самим Н. А. Некрасовым, и не может быть, чтобы он ее не знал.

б) Жизнь Матрены в девках Некрасов изобразил так:

„а брат
покамест одевается,
поет: „Вставай, сестра,
по избам обряжаются,
в часовенках спасаются—
пора вставать, пора!
Пастух уж со скотинкою
угнался, за малинкою
ушли подружки в бор,
в полях трудятся пахари,
в лесу стучит топор".
и т. д.

В сборнике Рыбникова в „Пудожской свадьбе“, имеется народная песня:

„Пора вставать да пробуждаться:
по селам петухи поют,
по избам печи топятся,
по церквам богу молятся,
по часовенькам спасаются“.
(Рыбников, Собр. песен, 1867 г.)

в) согласно тексту Некрасова родная матушка балует девку, дает ей запастись силою:

„Идет родная матушка,
не будит — больше кумает:
„Спи, милая касатушка,
спи, силу запасай!
В чужой семье недолог сон;
уложат спать позднехонько,
придут будить до солнышка“
и т. д.

В „Пудожской песне“ опять имеем аналогию:

„Приходила желанная родитель-матушка,
меня словцом будила, а ручкой окутала:
„Спи-ко, милая касатая ластушка,
про запас, про запасное времячко
Ты будешь на чужой... сторонушке,
не дадут там долго спать — высыпатися:
вечером уложат позднехонько,
по утру разбудят ранешенько,
до восхода тепла красна солнышка“.
(Рыбников, Собр. песен, 1867 г.).

г) Матрена с горя по Демушке:

„Клубышком каталася,
червышком свивалася“.

Эти стихи имеют параллель в народной песне у Рыбникова:

„У меня да у горюшницы
сердце клубышком катается,
оно червышком свивается“
(Рыбников, т. III, 1864 г.).

д) Некрасовские стихи:

„Клонит головушку на подушечку
Спится мне младенькой“...

находят параллель в сборнике Шейна „Русские народные песни“, изд. 1870 г.:

„Клонит мою головушку на подушечку
Спится мне младенькой“.

Славянская стихия в стиле Некрасова представлена скудно и только в его юношеских произведениях. Даже там, где церковно-славянизмы были бы уместны, например: в речи попа, дьяка, семинариста, художник ими пользуется очень мало. В других случаях славянская речь нужна Некрасову для иронии.

Западно-европейская струя у Некрасова течет широким потоком. Все некрасовские европеизмы, по заключению С. А. Голованенко, касаются искусства, науки и общественной жизни. В качестве примера слов из мира искусства исследователь указывает: аккорд, гармония, либретто, куплет, эстрада; орнамент, сюжет, эстетика и пр. Из круга научных терминов он отмечает: микроскоп, газ, оптика, атмосфера, аргумент и др. Из общественной практики: биржевик, ретроград, скептик, либерал, гуманность, коммуна, реформа, публицист, радикал и т. д.

В области морфологии некрасовского языка следует отметить:

а) слова ласкательные: головушка, буренушка, Матренушка, сиротиночка, кручинушка, пригорочек и т. п.;

б) слова увеличительные: мужичище, парнище, бородище, страшилище, силище и пр.;

в) сложные имена существительные: пустопляс, скуловорот, живодер и др.;

г) сложные имена прилагательные: зубодробительный, искросыпительный, самоцветный, самокатный, доброхотный, велеречивый и многие другие;

д) парные синонимы: вампир—кровосос; трынь—трава; пригож—румян; посмотрим—поразведаем и др.;

е) сложные эпитеты: кормилицы—поилицы; женщины—печальницы и пр.;

ж) в глаголах часты формы с окончанием на СЯ: целовалися, затомилися; расскочилася...

Синтаксис Некрасова близок к народно-поэтической речи. В этом отношении характерны следующие черты:

а) Повторы: солнышко серп нагревает,
солнышко очи слепит...

б) Пословицы и поговорки: „солдаты шилом бреются, солдаты дымом греются“.

в) Загадки: „Жует, а есть не ест“.

г) Элементы сказок: „Птица человечьим голосом говорит: „по вашему хотению, по моему велению“...

д) Элементы народных песен: „Ты скажи, за что, молодой купец“.

е) Сравнения: „Брань господская, что шило комариное“.

Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Береза в лесу без вершины—
Хозяйка без мужа в дому.

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,—
Мороз—воевода дозором
Обходит владенья свои.

ж) Простые эпитеты:

Заунывный ветер гонит
стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

Взобравшись на сосну большую,
по веточкам палицей бьет
и сам про себя удалую,
хвастливую песню поет.

Пособия

Еланская В. О народно-песенных истоках творчества Некрасова („Октябрь“ 1927 г., № 12).

Б. Язык Салтыкова-Щедрина

Язык М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1889) правдиво и образно отражает классовые противоречия между помещиками и капиталистами, с одной стороны, и эксплоатируемыми крестьянами, с другой, и является очень важным звеном в исторической цепи, связывающей художественный реализм революционной крестьянской демократии 60—70 гг. XIX в. (Чернышевский, Некрасов и др.) с социалистическим художественным реализмом пролетариата.

Язык Салтыкова создавался в борьбе с дворянским канонизированным языком. Салтыков-Щедрин сам признавался, что он отталкивался от старого „клейменого словаря“ и обращался к живому словарю демократии. „Вот к этому-то неизданному, но превосходнейшему словарю я всегда обращаюсь, когда мне нужно вложить персты в язвы“—писал Салтыков-Щедрин. Но существовавший тогда строй заставлял его прибегать к аллегориям

и намекам: „Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли. Но литература упорствовала в желании жить и потому прибегала к обманным средствам.. Создалась особенная... манера писать, которая может быть названа эзоповской,—манера, обнаружившая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств".

Язык Салтыкова исследован Корольковым по произведению „Господа Головлевы". Вот его выводы.

1. Интересно отметить, что Салтыков-Щедрин язык рассматривает не как статическое явление, а как процесс становления, развития. На ряде своих образов он показывает, как с изменением окружающей общественной среды меняется не только строй мыслей человека, но и его язык. Так, в произведении „Господа Головлевы" речь крестьян, кроме своих крестьянских слов: коли, ежели, намеднись, давеча и т. д., восприняла от помещиков новые понятия: ахтерка, прынец, очунеть и пр. Пусть эти слова произносятся крестьянами неверно, но они все-таки пришли к ним от бар, от помещиков. Точно также и язык барства, под влиянием совместной жизни в деревне, воспринимает массу диалектизмов, напр., речь Арины Петровны пестрит: чай, натко, окроме, тепере-рича, я выпросталась...

2. У Салтыкова каждая социальная группа описываемых им героев имеет свой язык. Так речь Иудушки разнится от речи Арины Петровны, речь Анниньки и Любиньки разнится от речи Кукишева и т. д., при чем индивидуализации речи каждого героя художник добивается не приемами фонетической записи, а средствами лексики и синтаксиса, т. е. подбором слов и особенностями сочетания слов в предложения, свойственные изображаемой общественной прослойке:

3. Салтыков-Щедрин разработал целую систему особых эпитетов (постылый, паскудный, унылый, тоскливый, мрачный, выморочный), сравнений (Иудушка сравнивается с пауком, горло купца Кукишева—с лоханью); тавтологий (частое повторение слов: тени, серый, белый, мертвый и т. д.).

4. Большое место в языке Салтыкова-Щедрина занимают суффиксы. Суффиксы помогают усилить правдивость отражения действительности. Например: комнату Евпраксеюшки художник называет „боковушка". Суффикс „ушк" дает читателю понятие о комнате второстепенного значения, о комнате сбоку, т. е. о таком жилище, которое

полагалось для обитания неоффициальной жены барина. В словах Архипушка, Пелагеюшка, Марьюшка—суффикс УШК показывает склонность автора к языку крестьянского говора.

Той же цели служит окончание слов на ЧИ: глядючи, не переставаючи.

Пособия

Минина. „Язык сказок Салтыкова-Щедрина"(см. „Русский язык в школе" 1936 г., № 5).

Корольков. „Господа Головлевы" См. Лит. учеба, 1935 г.

6. Журнально-публицистический язык буржуазии в конце XIX в.

Журнально-публицистический язык буржуазии к концу XIX в. получил законченный вид. Создан этот язык на принципе смешения разных речевых элементов. Вот эти элементы:

а) сюда прежде всего входило большое количество научной, особенно общественно-политической терминологии эпохи, например: интеллигенция, инициатор, радикал, публицист, ретроград; импонировать, формулировать, изолировать; банкрот, крепостничество, полноправие, представительство, самодеятельность, самовосхваление, самообольщение, плутократия, собственник и т. д.

б) Элементы канцелярского диалекта: дабы, поелику, кои, благодаря, буде; нанести визит, изъявить, подвергнуть, оказать...

в) Славянизмы, при чем одна часть их употреблялась, как вид словесного щегольства (глас вопиющего в пустыне, умыть руки, темна вода в облацех, елико возможно, кормило правления, паче чаяния, камень преткновения, божественный глагол, молитва чудная и т.д.), а другая в смысле иронии (купечество выставило тучное пузо)...

г) Элементы из художественной литературы, например:

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха. Учись, мой сын: наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни. Совесть, когтистый зверь (Пушкин).

Пошла писать губерния; Держиморда; Хлестаков; мертвые души (Гоголь). Жалкие слова; Обломов (Гончаров). Кажинный раз на этом месте (Горбунов). Ударь раз, ударь два, но не до бесчувствия (Сухово-Кобылин). Среда заела (Помяловский).

Вот приедет барин, барин нас рассудит. Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано (Некрасов). Чего моя нога хочет (Островский). Недреманное око; мягкотелый интеллигент; карась-идеалист; пустоплясы, головотяпы, Иудушка, помпадуры (Салтыков-Щедрин).

Униженные и оскорбленные; чем хуже, тем лучше (Достоевский).

Лишние люди; друг Аркадий, не говори красиво (Тургенев).

Человек в футляре, лошадиная фамилия; унтер Пришибеев; взять за зебры (Чехов).

От ней все качества; коготок увяз — всей птичке пропасть (Л. Толстой).

Чем ночь темней, тем ярче звезды (Майков).

Бывшие люди; вколотил в гроб; рожденный ползать, летать не может. (Горький).

Сюда же следует отнести выражения: халиф на час; путешествие в Каноссу; гордиев узел; авгиевы конюшни и пр.

д) Элементы профессиональных говоров и жанров: играть первую скрипку, вылететь в трубу, валять дурака, ударить по рукам, отделать под орех, плясать под чужую дудку; ставить в тупик, очутиться в тисках, крупный вклад, вздор молоть, вверх тормашками и т. д.

е) Пословицы и привычные сочетания: Девица плачет, что роса падает; что написано пером, того не вырубишь топором; язык до Киева доведет; для красного словца не пожалеет и отца; большой говорун — плохой работун; на языке медок, а в сердце ледок; давши слово держись, а не давши, крепись; ешь пирог с грибами, а держи язык за зубами.

По белу свету; на босу ногу; сломя голову; сума переметная; сон в руку; проворные руки, заколдованный круг; на всех парусах; бить баклуши; ни рыба ни мясо; ни к селу, ни к городу; ни жив, ни мертв, и т. д.

ж) Элементы крестьянского просторечия: отлупить, насолить, кулак, мироед, трудник, ерунда, жулик и т. д.

А. Речь буржуазной интеллигенции

Русская буржуазия к концу XIX в. выработала нормы литературного произношения, орфоэпические нормы, взяв за образец московский говор. Приведу, в качестве примера, самые основные положения московской орфоэпии:

1. Только в ударенных слогах гласные произносятся ясно, отчетливо и полным голосом: делегат, советы, выборы, поле...

2. В слогах без ударения гласные изменяют свой характер: чисы или чесы, дъбравольнай, събрание.

3. Буква И после заднеязычных, в слогах, следующих за ударенным слогом, произносится почти как Ы: вспахивать — вспахЫвать, вздрагивать — вздрагЫвать, отскакивать — отскакЫвать; убогий — убогЫЙ, дикий — дикЫЙ, тихий — тихЫЙ и т. д.

Но в именах произносится И: Георгий, Акакий, Евтихий.

4. Буква И в начале слова, при слитном произношении двух слов, произносится как Ы: он их знает — онЫх знает; отец и сын — отецЫ сын; шла с Иваном — шла сЫваном.

5. Окончание ЫЙ в именах прилагательных звучит неясно, несколько приближаясь к АЙ: добрАЙ, свирепай, пятАЙ — и т. п.

6. Окончание ЫЕ в именах прилагательных множ. ч. звучит как ЫИ; музыкальнЫИ инструменты, деловЫИ бумаги и пр.

7. Окончания глаголов АТ, ЯТ без ударения произносятся близко к УТ, ЮТ: слышат — слышут, водят — водют, любят — любют, тащат — тащут...

8. Окончания глаголов СЬ, СЯ произносятся с твердым С: простился — простилса, оделся — оделса, ругайся — ругайса; одеться—одетса, беречься—беречса, боюсь —боюс, смеюсь—смеюс...

В деепричастиях с ударением на конце С произносится смягченно: смеясь, водясь, держась.

9. Окончания глаголов ТСЯ, ТЬСЯ произносятся ЦЦА: произносюцца, одеваюцца; смеяться — смеяцца, сморкаться-сморкацца...

10. Окончание род. п. имен прилагательных, местоимений, числительных произносится ВА: любого—любова, доброго—доброва, твоего—твоево, самого—самово...

11. Согласные звонкие на конце слова произносятся, как глухие: глаз—глас, холод—холот, берег—берек, рожь—рош...

12. Звонкий согласный перед глухим в средине слова сам делается глухим: лодка—лотка, лавка—лафка; поход против Китая — похот протиф Китая и т. д.

13. Сочетание ЧН во многих словах произносится ШН; яичница — яишница, подсвечник — потсвешник, конечно — канешно, перечница — перешница, скучно—скушно и т. д.

Но в словах книжных ЧН в произношении не изменяется: бессердечный, точный, скоротечный и пр.

14. Что и чтобы произносятся: што, штобы.

15. В ряде слов в произношении выпадает Д или Т: волостной—волосной, местность — месность, доблестный—

доблесный; праздник—празник; невестка—невеска, сердце—серце.

Б. Особенности грамматики буржуазного языка

К концу XIX в. грамматика буржуазного русского языка получила ряд изменений, а именно:

а. В окончании имен существительных именит. падежа множ. числа чаще и чаще встречается А вместо Ы, И: учителя, профессора, инспектора, инструктора и т. п.

б. Наблюдается образование наречий от причастных форм: вызывающе кричали, угрожающе, испытующе.

в, Под влиянием немецкого языка входит в моду оборот с двумя предлогами: „за и против", „до и после".

г. В сочетаниях имен числительных с именами существительными нарушался закон управления слов: говорили „нанять 192 работницы" вместо: „нанять 192-х работниц"; „принять 94 ученика" вместо „принять 94-х учеников".

В. Письмо

В истории русского письма очень важным является тот факт, что мы получили азбуку и первые памятники письменности из Болгарии. Болгарская азбука была составлена по образцу греческой и в нее без всякой надобности были введены лишние буквы, например: для звука И три буквы: i, и, ижица, для звука Ф две: ф и фита, для звука О тоже две: о и омега.

При переходе болгарского письма на Русь прибавились новые несоответствия. Болгарская азбука имела юсы, а в живом киевском и новгородском говорах в то время носортовых звуков не было. В результате этого несоответствия на Руси оказалось по две буквы для У (юс и у) и для Я (юс и я).

Несколько позднее стала стираться разница в произношении звука ять. На этой почве для звука Е опять получилось две буквы: ять и е. Таким же путем перешли в разряд лишних букв Ъ и Ь. В течение XII—XIII вв. произошло изменение в произношении этих букв: в одних положениях эти звуки прояснились в полные О и Е (сън — сон, дьнь — день), в других исчезли. Опять на письме получились лишние буквы. Долгое время на письме путались Ъ и О, Ь и Е. Чем дальше изменялся живой язык, тем больше становилась разница между письменной традицией и живым говором.

Однако и письмо не могло оставаться неизменным. Петр I, изменив славянский шрифт, сделал ряд нововве-

дений в области употребления некоторых букв. Так, он отказался от юса, омеги, кси, пси, ижицы.

Тредиаковский предлагал писать по звонам. Ломоносов утвердил принцип „производения речений". В области правописания имен прилагательных, в окончании им. п. мн. ч. муж. рода, установил писать ЫЕ, а в окончании женского и среднего рода — ЫЯ.

В половине XIX в. очень интересны орфографические начинания В. Г. Белинского. В „Основаниях русской грамматики" М. 1837 г. Белинский писал:

1. После Ж, Ш и Ц надо писать О, а после Ч, Щ,— ё, напр.: кружок, шорох, отцом, но: счёт, плечё, щёлоки и т. д.

2. Все приставки он советовал писать на основе морфологического принципа, напр. безсмертный, разсуждение.

3. Для обозначения звуков Ж и Ш Белинский предлагал употреблять латинские буквы Z и S, но перечеркнутые прямой чертой по середине.

4. Твердый знак он находил целесообразным заменить апострофом, например: об'явление.

Акад. Я. Грот составил руководство по правописанию в 1885 г. Его правописание было признано Академией Наук, но имело спорные места, напр., правило о правописании О в окончаниях после шипящих и Ц: душой, мечом, отцов и т. д.

Реформа правописания 1917 г. рекомендовала исключить ять, букву И с точкой, фиту, твердый знак на конце слов и т. д., но тоже не устранила противоречий в письме (ср. правописание приставок раз, воз, низ и др. перед глухими, с одной стороны, и правописание звонких согласных перед глухими в середине слов, напр.: голубка, ложка), с другой.

Г. Принципы русского правописания

Русская орфография покоится на трех принципах письма. Вот эти принципы: фонетический, морфологический и исторический.

Фонетический принцип применяется во всех тех случаях, где письмо не расходится с произношением и слышанием слов. Сюда, например, относится правописание гласных в ударенных слогах: дом, ясли, яма, рейка, рассказ.

Морфологический принцип состоит в том, что в ряде слов обозначаются звуки не те, которые слышатся или произносятся, а те, которые имеются в родственных или первичных словах, например: плот — плотить, год — года, воз — воза, лодка — лодочка и т. д.

Исторический принцип сохраняется в тех словах, в которых удерживается известное начертание в силу тра-

диции. Например: звуки Ж и Ш теперь тверды, а на письме после них ставим букву И, допуская это в силу того, что в древности Ж и Ш были мягки. Сюда же относятся начертания слов, взятых из церковно-славянского языка: житие (житье), бытие, писание; сидящий, несущий и т. п.

Д. Дифференциация и унификация буржуазного языка

Во второй половине XIX в. русский язык в связи с дифференциацией капиталистического общества обнаруживает большое диалектное разнообразие. Кроме наличия говоров по территориальному признаку, в рассматриваемую эпоху мы замечаем ряд диалектов по профессиональному началу. В окающем диалекте мы обнаруживаем говоры: поморский, олонецкий, новгородский, вологодский, вятский; а в акающем — рязанский, тульский, орловский, калужский и пр. Специализация в производстве вызвала создание говоров по профессиональному признаку, например: говор чиновников, моряков, шахтеров, столяров, кузнецов и т. д. Но наряду с этим расслоением языка мы замечаем действие унифицирующих сил речи. В это время под воздействием печати буржуазно-литературный язык с большей силой чем когда-либо раньше стремится вширь, охватывая все большее и большее число буржуазии. Сравнительно с языком дворянским, буржуазный язык обслуживал больше народу, но относительно всей массы трудящихся царской России он все-таки был языком меньшинства, языком только господствующего класса, языком буржуазии.

7. Литературный язык широкой советской демократии

Октябрьская революция 1917 г. является гранью, отделяющей язык буржуазного периода от языка советской демократии. Но не следует думать, что язык советской демократии родился сразу, на пустом месте и в готовом виде. Этот язык есть одна из составных частей пролетарской социалистической культуры и развивался в процессе классовой борьбы, вместе с пролетарским мировоззрением. Ленин об этом учил так: „Есть две нации в каждой современной нации. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых, Струве, но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова". (Собр. соч. XVII, 143). И в другом месте: „В каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и экспло-

атируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую". (Собр. соч., XVII, 137). Значит, ранние элементы грядущего языка советской демократии зародились еще в недрах буржуазно-помещичьего строя, в условиях борьбы эксплоатируемых масс с помещиками и капиталистами. Начавшись под пером Белинского и Чернышевского, революционный русский язык получил дальнейшее развитие в трудах других революционеров и в особенности в сочинениях вождя мировой пролетарской революции В. И. Ленина и продолжает совершенствоваться в речах и письменных произведениях пролетарской партийной интеллигенции, в первую очередь наших современников и вождей — И. В. Сталина, Молотова и др., а также таких художников слова, как Горький, Серафимович и пр. Развитие языка советской демократии совершалось и совершается в строгом соответствии с ростом самосознания революционных масс трудящихся, в строгом единстве пролетарской идеологии и речевой практики.

Основные установки для развития языка советской демократии намечены В. И. Лениным в 1919 г. в его заметке „Об очистке русского языка". В этой заметке он писал: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты", когда можно сказать недочеты или недостатки, или пробелы... Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности" (Собр. соч. XXIV, 662). Таким образом, первое требование Ленина к литературному языку революционной демократии заключается в очистке литературной речи от ненужных иностранных элементов.

Далее, Ленин требовал, чтобы литературный язык был языком широких масс трудящихся.

В третьих, литературный язык должен обладать качеством партийности, языком большевистской партийности.

Наконец, Ленин стоял за язык простой и ясный, точный и конкретный. Он резко бичевал всякое проявление буржуазной, меньшевистской и лже-революционной „фразы". „Фраза,— по определению Ленина,— расплывчатое, абстрактное выражение конкретных языковых явлений, понятий".

Образцы литературного языка советской демократии как научного, так и научно-популярного — мы имеем в произведениях Ленина и Сталина.

А. Язык и стиль Ленина

О языке и стиле произведений Ленина писали многие авторы, при чем все они неизменно приглашали пролетарских писателей, публицистов, пропагандистов и научных работников учиться языку на образцах ленинского слова. В частности учиться языку и стилю Ленина призывали Сталин, Крупская, Луначарский, Калинин, Горький. Каждый из них особенно рекомендовал обратить внимание на гениальную простоту ленинского языка, но, конечно, без утраты качеств научности его.

Посмотрим, как ленинская простота и популярность языка отражаются в словаре, в синтаксисе и стиле.

1. Словарь и синтаксис. а) Поставив своей задачей выработать язык, понятный для миллионов рабочих и крестьян, Ленин старался отбирать слова и выражения, близкие к мышлению и обиходу трудящихся масс и с этой целью он нарочно употребляет в своих сочинениях слова и обороты непосредственно из живого языка деревни, из произведений классической русской литературы, богатой народными речевыми элементами и, наконец, слова из произведений коллективного художественного творчества.

Указанные элементы языка рассыпаны во многих популярных сочинениях Ленина и особенно в его статье: „К деревенской бедноте". В качестве примера сошлемся на следующие выражения: „лапы загребущие", „воробья на мякине не проведешь", „неча на зеркало пенять коли...", „коготок увяз, всей птичке пропасть", „сильнее кошки зверя нет", „у кого деньги, у того сила", „у бедноты лишних денег и в заводе не бывает", „мужику некуда курицу выпустить", „землю охаживать", „соломкой обойдемся", „ни то рыба, ни то птица" и т. д.

б) Ленин вел борьбу с ненужными иностранными словами и словами бюрократического языка. В своей „Речи на совещании большевиков 17 апреля 1917 г." он говорил: „К народу нужно подходить без латинских слов, просто, понятно" (XX том, 79 стр.). Далее в известной записке „Об очистке русского языка" Ленин писал: „Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты", когда можно сказать „недочеты", или „недостатки", или „пробелы"... Не пора ли объявить войну против употребления иностранных слов без надобности". Сам Ленин иностранные

слова допускал только в двух случаях: а) когда без них обойтись нельзя, т. е. если на русском языке нет потребного слова, и б) когда иностранное слово может претендовать на интернациональное значение. Слыша чужеземные слова в речах или читая их в газетах и книгах, он возмущался и даже сердился. Так, в той же заметке „Об очистке русского языка", по поводу речи докладчика, Ленин негодовал: „Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет, то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя, например: употребляют слово „будировать" в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово „будэ" значит сердиться, дуться. Поэтому „будировать"—значит на самом деле „сердиться", „дуться". Так относился Ленин к иностранным словам в научно-популярных статьях и книгах. Но он считал нужным избегать иностранных терминов и в академических трудах. Например, в своем отзыве на книгу „Диалектический материализм", по поводу тезиса: „имманентное становится трансцедентным, поскольку оно приобретает объективно реальное значение" Ленин сказал: „Верные истины изложены в дьявольски вычурном виде, отчего Энгельс не писал таким тараборским языком".

Допуская иностранные слова, как необходимость или как „интернационализмы", Ленин всегда заботился о том, чтобы они были поняты всеми читателями. С этой целью он употребляемые иностранные слова обставлял особыми приемами. Вот эти особые приемы ленинской техники при пользовании иностранными словами:

аа) русское синонимичное слово предшествует иностранному слову, при чем это иностранное слово поставлено в скобки. Пример: „Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в государственную думу (парламент)". (III изд., V, 267).

бб) Иногда иностранное слово Ленин оставляет без скобок, но подчеркивает его одинаковую семантичность с русским словом при помощи вводного оборота речи: „как пишут в книжках", „как говорят" и т. п. Приведем примеры: „Законы издаются в Германии собранием народных выборных, парламентом, или имперским сеймом, как называют его немцы (III изд., V, 271). „Сельскохозяйственные союзы, кооперация, как их называют в книжках".

вв) Иногда Ленин иностранное слово поясняет при помощи приложения: „Организация, т. е. объединение, союз мирского крестьянства колоссальна (т. е. огромная, необъятная)". (III изд., V, 277).

гг) Но особенно част прием употребления иностранного слова рядом с русским синонимичным словом. Примеры: „сила привычки, традиций; авторитет или уважение, парламент, выборы; марионетки, куклы; в свою группу, в свой концерн“ и т. д.

в) Во всех случаях, где можно было обойтись без иностранных слов, Ленин делал перевод последних на русский язык и употреблял их уже, как русские слова. Е. Рыт, занимающийся изучением языка и стиля Ленина (см. его статью о языке Ленина в журнале „Литературный критик“ за 1934 г. № 1), называет этот прием Ленина приемом обрусения иностранных слов и в доказательство своего положения приводит следующие примеры:

Иностранное слово	**Ленинский перевод** (обрусевшее слово)
фактор	главная сила
нелегально	тайком, хоронясь от полиции
наивные люди	простачки
на два фронта	на обе стороны
эпигоны	последыши
солидарный	дружный
иллюзии	обманчивые надежды
паупер	голяк
	Ничего третьего быть не может
по традиции	по старинке
триада	троица

г) В отношении пользования новыми словами, неологизмами, нахлынувшими в разговорную речь после Октябрьской революции 1917 г. огромной волной, Ленин проявлял крайнюю осторожность. Е. Рыт свидетельствует, что языковые новообразования как свои, так и чужие Владимир Ильич обычно долго выдерживал в кавычках и снимал последние только после того, как неологизмы входили прочно в язык широких масс. Так именно Ленин поступал со словами „примазавшийся“, „закомиссарившийся“, „обюрократившийся“ и т. п.

д) Что же касается славянизмов, считавшихся буржуазией признаками высокого стиля речевой культуры, то Ленин их избегал. Избегал их по двум основаниям: „во-первых, они непонятны массам и, во-вторых, отражают идеологию церковности и монархизма. Встречающиеся же у Ленина славянские „речения и обороты“ несут функцию отнюдь не высокостильную, а ироническую. Примеры: „Имя Либкнехта „Рабочее дело“, конечно, приемлет всуе“. „Оно (Рабочее дело) только воздевает руки горе“ (III изд., IV т. 108 и 436 стр.).

е) Структура речи Ленина отличается простотой, уменьем подчеркнуть основные оттенки мыслей и колос-

сальной эмоциональной силой. Д. Введенский, исследователь синтаксиса Ленина по статье „К деревенской бедноте“, пришел по вопросу о построении ленинских предложений к следующим выводам: „Размер абзацев в среднем от 10 до 15 строк. Из общего числа синтаксических конструкций (1081), отделенных большими знаками, 704 предложения с однородными членами. Но эти синтаксические конструкции не затрудняют понимания мыслей, так как хорошо построены, невелики по размеру и имеют частые повторения“. Менее распространенными в изучаемой статье являются сложные синтаксические конструкции больших размеров. Таким образом, в популярно-научном синтаксисе Ленина преобладают простые предложения, на втором месте стоят предложения с перечислениями однородных членов и только на третьем (по количеству их) сложные. Тот факт, что Ленин предпочитал говорить простыми, короткими фразами, засвидетельствован всеми современниками и соратниками его, начиная с И. В. Сталина и Н. К. Крупской и т. д. Способность Ленина говорить убедительно, страстно подтверждена десятками тысяч слушателей его речей. По этому поводу Крупская писала так: „Мне понравилась особенно статья в „Лефе“, появившаяся вскоре после смерти Ильича. В этой статье освещался вопрос, как структура речи его придает ей страстность, как способствует она подчеркиванию основных мыслей“.

2. Стиль Ленина выковывался под воздействием двояких источников, а именно: а) литературных трудов и живого говора масс и б) личной устремленности на выработку научно-популярного языка для рабочих и крестьян. Из источников первого ряда мы можем указать на четыре пункта: гениально-простой стиль основоположников марксизма (на их родном языке), художественные и публицистические произведения русской литературы, язык коллективно-художественного творчества (пословицы, загадки) и живой язык трудящихся масс. Что же касается личной целеустремленности Ленина, то она выявилась в упорной и напряженной работе в отношении отбора нужных слов и построения их в общедоступные для широчайших масс синтаксические конструкции.

Стиль Ленина образен и ярок. В этом отношении формалисты, утверждающие, что речь Ленина бесцветна, безразлична, как язык науки, совсем неправы. Отметим главнейшие средства достижения этой образности и технику их применения Лениным.

а) Прежде всего Ленин старался использовать, где это уместно и полезно, образы из русской художественной литературы. Но здесь надо заметить, что он берет не всех

художников без разбора, а выделяет из них главным образом представителей сатирического направления, как Крылов, Грибоедов, Гоголь, Салтыков, Глеб Успенский, Некрасов, Чехов. Классиков иностранного искусства Ленин избегал, видимо, из-за опасения, что образы их массовому русскому читателю недоступны.

Для ленинской техники использования художественных образов характерно избегание простого неразъясненного упоминания того или иного литературного героя. „Такое упоминание,—говорит Е. Рыт,—встречается только в самых ранних произведениях Ленина и то преимущественно в отношении художественных образов, поэтика имен которых легко наводит на разгадку их символического значения. В галлерее литературных образов, просто упоминаемых Лениным, мы встречаем Кит Китычей, Иудушек, Молчалиных". Но в большинстве случаев художественные типы вводятся с сопутствующим им комментарием, служа основанием для широкой общественной параллели. В виде примера развернутого употребления Лениным художественных типов сошлемся на параллель между Обломовым из романа Гончарова и современниками Ленина. В статье „О международном и внутреннем положении" в 1922 г. Ленин писал: „Мы находимся в положении людей, которые заседают, составляют планы—до бесконечности. Был такой тип русской жизни—Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени, Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой нибудь толк вышел" (3 изд., 27 том. 177 стр.).

Не менее интересна параллель между меньшевиком Старовер (А. Н. Потресов) и героиней чеховского рассказа „Душечка". В 1905 году Ленин писал: „Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа „Душечка". Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ваничкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкой лечим

лошадей. Так и тов. Старовер: „мы с Лениным“ ругаем Мартынова. Мы с Мартыновым ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка, в чьих то объятиях очутишься ты завтра“. (Соц.-демократ. душечка, изд. III, т. 8, стр. 253).

б) В интересах выразительности своего стиля Ленин прибегал к сравнениям, причем сравнения его в большинстве случаев следуют требованиям дидактики: неизвестное разъяснять через известное. Примеры: „Герц—австрийский Ворошилов“ „немецкий—Николай II (речь идет о Вильгельме II). Кроме того, сравнения допускаются Лениным и в качестве обычного образного средства, с союзом „как“. „Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес, — простому рабочему человеку никогда не пробраться через этот лес, никогда не добиться правды“ (III изд., V, 269).

в) Нередко Ленин вовлекал в свою речь пословицы и поговорки. Часть этих образных средств он черпал непосредственно из живого языка трудящихся и часть из литературных произведений (Грибоедов, Крылов). Примеры: „Услужливый дурак опаснее врага“ и „сильнее кошки зверя нет“, „поспешишь—людей насмешишь“, „соловья баснями не кормят“, „а судьи кто“, „с больной головы на здоровую“.

г) Далее, стиль Ленина отличается поразительной точностью выражения. Заметно, что все, что писал Владимир Ильич, он предварительно долго вынашивал в себе, тщательно обдумывал. От этого в его словах трудно найти что-либо лишнее или недостающее. Образцов точной речи у Ленина много, но мы сошлемся для примера на один из них, а именно на статью: „К вопросу о диалектике“ (изд. 3, т. XIII, стр. 301).

д) Наконец, характерным, чисто ленинским приемом является заключительное обобщение (резюмирование) всей статьи или ее частей. Такое резюме обычно начинается вводным словом: „повторяю“, „итак“ и т. п. Доказательств к этому положению опять-таки можно найти много, например: „Три источника марксизма“, „Детская болезнь левизны“ и т. д.

Таким образом, язык и стиль Ленина отличается максимальной простотой, точностью и понятностью. Он представляет собой единство ленинской языковой теории и языковой практики. Но, будучи требовательным к себе, Ленин был неумолим в оценке языка и стиля других литераторов, кто бы они ни были—политические противники или друзья и партийные соратники. В критических замет-

ках его на книги, статьи, речи, программы то и дело мелькают по адресу языка и стиля: вопросительные и восклицательные знаки: „уф, „слово неудобное“, „полная путаница“, „ну и язык“, „не то слово“, „наконец, человеческий язык“, „Маркс говорил проще“, „вопиюще неверный термин“, „уродливая и неверная терминология“, „автор неточно выразился“, „слова, которые вопиют против их соединения“ и т. д. (Замечания Ленина на книгу Бухарина „Экономика переходного периода“).

Заключая изложение сведений о языке и стиле В. И. Ленина, считаю нужным отметить, кому нужен неясный язык?

Н. М. Покровский в день десятилетнего юбилея Института Красной Профессуры о популярности языка говорил следующее: „Эти специалисты выдумали себе такой язык, что сразу действительно не поймешь, ошарашивали. Это не моя жалоба. С год назад я говорил с одним товарищем, работающим за границей. Он жаловался. Приехал, говорит, ваш красный профессор, прочитал лекцию по теории политической экономики. Никто не понял ни слова. А ведь, заметьте, товарищи, в заграничных полпредствах уровень, пожалуй, немножко выше среднего наших внутренних ячеек; туда подбирают наиболее толковых людей. Этот товарищ, который со мной говорил, старая большевичка, великолепно понимает Ленина и не поняла этого молодого икаписта, который к ним приехал. Скажите мне пожалуйста, по какой причине Ленин мог излагать совершенно ясно всякие экономические сюжеты. Сталин может излагать совершенно ясно так, что нельзя не понять, всякие сюжеты, а почему этого не могут делать ученые специалисты из экономического отделения, почему они должны говорить... языком, которого ни один человек не понимает. Бойтесь людей, которые говорят непонятным языком. Они говорят непонятным языком не для того, как чеховский герой, чтобы показать свою образованность, а чтобы скрыть свою неленинскую сущность,—вот для чего это им нужно“.

Б. Изменения в языке в годы революции

Революция 1917 г. внесла большие изменения в систему русского языка. Прежде всего эти изменения сказались в лексике.

Процесс изменения л е к с и к и идет путем:

а) отмирания старых слов (архаизмы): виждь, внемли, персты, длань, брада, император, губернатор, исправник, генерал, офицер, патриарх, митрополит, протоиерей, манифест, сенат, синод, риза, икона, кутья, просфора и т. д.;

б) путем заимствования иностранных слов: декрет, мандат, комиссар, революция, республика и пр.

Но заимствование чужих слов было возможно только в вопросах таких, в которых наши соседи имели революционный и культурный опыт более богатый, чем мы. Но когда вопрос встал о словах, способных отразить наше социалистическое творчество, то нам заимствовать слова стало не у кого, так как СССР очутился впереди всех народов мира. В этом случае перед нами встала задача самим создавать новые слова, самим заняться нужным словотворчеством. Новые слова появились следующего характера:

а) путем насыщения старых слов новым содержанием: пионер, староста, старшина, чистка, бригадир и т. д.;

б) из начальных букв словосочетаний: СТО, ВУЗ, СССР, МК, ЦК...;

в) из начальных слогов: совнарком, рабфак, колхоз, совхоз, коминтерн;

г) начало является слогом, а конец полным словом: пединститут, промакадемия, ревтрибунал;

д) созданы слова по образцу старых: ленинизм, выдвиженец, доярка, ударник, колхозник и т. п.

Все перечисленные приемы словотворчества колоссально обогатили лексику русского языка нашего времени, содействуя отражению в нем революционных и социалистических настроений.

Произношение слов в ряде случаев имеет колеблющееся ударение, часто неправильное, например:

Неверно:	Верно:
агЕнт	Агент
астрОном	астронОм
Алкоголь	алкогОль
возбУдил	возбудИл
ввЕдено	введенО
дОговор	договОр
докУмент	докумЕнт
дрАлся	дралсЯ
деЯтельный	дЕятельный
единствО	едИнство
заводскОй	завОдский
зАнялся (делом)	занЯлся (делом)
инстрУмент	инструмЕнт
лОмоть	ломОть
магАзин	магазИн
мОлодежь	молодЕжь
мАстерство	мастерствО
обОбщить	обобщИть
нАчавший	начАвший
пОртфель	портфЕль
пОднявший	поднЯвший

Неверно:	Верно:
перевЕден	переведЕн
прозОрливо	прозорлИво
прИговор	приговОр
предлОжить	предложИть
привЕдено	приведенО
президиУм	презИдиум
прОтокол	протокОл
прОценты	процЕнты
полОжить	положИть
приУчен	приучЕн
повтОрим	повторИм
рАзвившийся	развИвшийся
рЕмень	ремЕнь
рОман	ромАн
сИрота	миротА
средствА	срЕдства
случАй	слУчай
умЕньшить	уменьшИть
хАнжество	ханжествО
ходатАйствовать	ходАтайствовать
черпАть.	чЕрпать

В. Дифференциация и унификация русского языка в наше время

Строительство социалистического хозяйства вызвало у нас, в СССР, колоссальное увеличение специализации как в области индустрии, так и в сельском хозяйстве и вместе с тем стимулировало дифференциацию языка по специальностям. Но рядом с этим процессом идет более сильный процесс — унификации языка.

Заботы Советского правительства о всеобщей грамотности, небывалое до нашего времени развитие газетной и журнальной прессы, миллионные тиражи книг, огромное увеличение количества школ всех типов и пр.—все это содействовало и содействует распространению литературного языка в массах пролетариата как в городе, так и в деревне. Условия производства, наше социалистическое строительство, заботы Советского правительства о просвещении масс побуждают самые отсталые слои трудящихся приобщаться к письменному языку. Н. М. Каринский в своей статье „За историзм науки о языке“ по затронутому мною вопросу писал: „В 1903 г. крестьяне, по профессии ткачи-кустари, из деревни Вавилово Броницкого района, своим цоканьем и неумеренным аканьем возбуждали сплошные насмешки окрестного населения. Соседи про их говор острили так: „Там не бают, по собацьи лают“. В 1929 г. картина уже иная: деревня Вавилово в отношении говора оказалась передовой—элементы литературного

языка вытеснили старину. Крестьяне уже в зрелых годах в известной мере переучивались и изменяли свой язык. Причина изменения говора—построилась фабрика, и крестьяне, бывшие кустари, стали рабочими, а деревня превратилась в рабочий поселок". Постройка фабрики поставила бывших кустарей в новые условия, приблизила к более культурной жизни, и у них обнаружилось стремление поднять свою речь до уровня их нового бытия и новой идеологии. Несомненно так же действует на крестьян и колхозное строительство. И у колхозников с изменением их бытия изменяется их идеология, а вместе с последней соответственно изменяется и язык. Старый говор, отражавший примитивный их быт и строй мысли, на новой ступени их развития становится недостаточным. Так в условиях социалистической культуры пролетарский литературный язык с каждым днем захватывает в свой круг все большие и большие массы рабочих и крестьян. Значит, в наше время литературный язык становится достоянием масс, достоянием огромного большинства населения СССР.

Так на примере русского языка обнаруживается тенденция к единому языку будущего коммунистического общества.

Дополнительные пособия

1. **Ленин.** Об очистке русского языка.
2. **Ленин.** Нужен ли общегосударственный язык?
3. **Сталин.** Марксизм и национальный вопрос.
4. **Сталин.** Речь в КУТВ-е.
5. **Сталин.** Отчет и заключительное слово на XVI партсъезде.
6. **Рыт Е.** Язык Ленина, см. „Лит. критик", № 1, за 1934 г.
7. **Иванов и Якубинский.** Очерки по языку, изд. 1932 г.
8. **Я. Грот.** Спорные вопросы правописания, см. Филологич. разыскания, т. II, изд. 1899 г.
9. **Булаховский.** Правописание, см. „Курс русского литер. языка", изд. 1936 г.
10. **Д. Ушаков.** Русская орфоэпия и ее задачи, см. „Русская речь" М.—Л. 1928 г., т. III.
11. **В. Виноградов.** Очерки по истории русск. литер. языка, изд. 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор *В. А. Дружкина* Техред. *Хайдукова А. И.*

Уп. Севобллита № 241 Арх-ск 1937 г. Объем 10,75, тип. знаков. в 1 п. л. 43.600 Заказ № 6045 Тираж 1250 экз. Сдано в набор 3/IV-37 г. Подписано к печати 17/V-37 г. Формат бум. 70×86/16

Издание ИПККНО

Отпечатано в тип. им. Склепина Северной области УМП
Арх-ск, пр. Сталинских ударников, 68

Цѣна 5 руб.